ПРОФ. СЕМЕНОВ Л. П.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ В ИНГУШЕТИИ в 1925 — 1932 годах

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 годах 8
Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928—1929 годах 37
Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1930—1932 годах 88

Семенов Леонид Петрович.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ В ИНГУШЕТИИ В 1925—1932 ГОДАХ.

Редактор *Крупнов Е. И.*
Техредактор *Кузьменкова Н. Т.*
Корректор *Лукьянова А. М.*

✻

Сдано в набор 12.X 1962 г. Подписано к печати 6.II 1963 г.
Формат $84\times108_{32}$. Объем 5(8,2) п. л. Уч.-изд. л. 8,76.
Тираж 1000. СФ01037.

Чечено-Ингушское книжное издательство,
Грозный, 21, Ленина, 14.

✻

Заказ № 5290.
Типография имени 11 августа 1918 года,
Грозный, проспект Революции, 22|3.
Цена 25 коп.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех народов Кавказа до сих пор еще научно не освещена история основного и коренного населения Чечено-Ингушской АССР — чеченцев и ингушей. Одна из главных причин этого заключается во все еще слабой историко-археологической изученности территории республики и в особенности основной ее части — Чечни. И хотя за последние пять лет археологами открыты новые и очень древние памятники материальной культуры (СКАЭ), восточные районы требуют еще дополнительного изучения[1]. Без этого невозможно приступить к историческим обобщениям.

Значительно лучше обследована Ингушетия, особенно ее горная зона. И в этом огромная заслуга ныне покойного проф. Л. П. Семенова — одного из лучших знатоков средневековой культуры и быта народов центральной части Северного Кавказа.

Возглавляя в 20—30 годах нашего столетия экспедиции бывшего Ингушского научно-исследовательского института, Л. П. Семенов основательно обследовал отдельные нагорные районы Ингушетии. Эти обследования, производившиеся им систематически из года в год, осуществлялись комплексным изучением средневековых памятников и ознаменовались важнейшими научными достижениями. Если прошлые экспедиции увлекались изучением культовых и погребальных памятников, то изыскания, выполненные под руководством Л. П. Семенова, выявили интереснейшие бытовые сооружения

[1] Первый том трудов Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ) «Древности Чечено-Ингушетии» будет опубликован издательством Академии наук СССР в 1963 году. Объем 28 печатных листов.

(средневековые поселки, башни и замки), которые раньше были почти неизвестны.

Проведенные проф. Л. П. Семеновым археолого-этнографические работы в нагорной части Ингушетии, ставят эти районы, по сравнению с другими районами Северного Кавказа, на одно из первых мест по изученности культуры и быта прямых предков современного населения края.

Л. П. Семеновым был собран значительный и разнообразный материал. Научно обработав его, он опубликовал ряд ценных статей и этюдов в первых 4-х томах «Известий» Ингушского научно-исследовательского института краеведения и в других изданиях (1928—1934 гг.). Но чрезвычайно малый тираж этих изданий и другие обстоятельства привели к тому, что ряд важных работ Л. П. Семенова стал подлинно библиографической редкостью, недоступной даже молодым специалистам. Между тем такие его работы, как «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии», последовательно освещающие итоги полевых работ, проведенных в 1925—1927, в 1928—1929 и в 1930—1932 годах, содержат иногда первое описание и анализ ранее неизвестных памятников материальной культуры и бытовых обычаев ингушского народа. Добытые Л. П. Семеновым вещественные материалы, ныне хранящиеся в Чечено-Ингушском республиканском музее краеведения в Грозном и частично в Государственном историческом музее в Москве, имеют особенно большую научную ценность для средневековой истории Чечено-Ингушетии.

Не меньшее значение для истории чеченцев, ингушей и других народов Кавказа имеют первые выводы и обобщения, к каким пришел Л. П. Семенов на основе своих полевых наблюдений. Все они должны быть учтены при написании «Истории Чечено-Ингушской АССР».

Вот почему в период подготовки к составлению первых «Очерков по истории Чечено-Ингушетии» руководство Чечено-Ингушского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы сочло необходимым переиздать три вышеназванные работы Л. П. Семенова. Это, по существу, обстоятельные научные отчеты о проведенных полевых работах в 1925—1932 годах, но они содержат и широкий источниковедческий анализ наблюденных фактов и серьезные

исторические обобщения, в большинстве своем сохранившие свое значение до наших дней.

Ознакомить современную чечено-ингушскую общественность с «Археологическими и этнографическими разысканиями в Ингушетии в 1925—1932 годах» проф. Л. П. Семенова и сейчас целесообразно. Поэтому переиздание этой работы в одной книге вполне оправдано.

В ней содержится описание и характеристика не только таких редчайших памятников древности Ингушетии, как циклопическая кладка у селения Дошхакле, уникальный фаллический памятник у селения Кок, мусульманский мавзолей Борга-Каш XV века близ селения Плиево, но и великолепные образцы средневекового зодчества ингушского народа — многоэтажные боевые башни и надземные многоярусные склепы с пирамидальной ступенчатой крышей. Нельзя не отметить, что изучение всех этих памятников автор осуществил на широком фоне сравнительного материала смежных областей, что позволило ему прийти к ряду важных выводов, например, об органической связи ингушской и чеченской материальной культуры, а также о связи с хевсурской и осетинской материальной культурой и другим заключениям, подтвержденным современными изысканиями.

Как никто другой, Л. П. Семенов впервые и так полно показал, что культурное влияние на ингушей христианской Грузии документально прослеживается не ранее XI—XII вв.

Особо важное значение для «Истории Чечено-Ингушской АССР» будут иметь страницы, содержащие этнографическое описание быта, поверий и обычаев ингушей и тогда уже сохранявшихся как пережитки (элементы тотемизма и др.). Интересны данные о генеалогии отдельных ингушских фамилий («вяров») и прочее. Разумеется, не все из этого нами может быть принято безоговорочно, например, о феодализме в ингушском обществе до XVIII в., достоверность легенд об арабском происхождении некоторых ингушских родов. Эти версии автор воспринял явно некритически. Конечно, они навеяны поздним исламом. Данные же о связи ингушей с чеченцами, хевсурами и цова-тушинами (бацбиями), несомненно, очень важны и интересны. Интересен и приведенный анализ погребального обряда «посвящение

коня», который известен у ингушей и у осетин и уходит своими корнями в общую подоснову этих народов — в аланскую среду раннего средневековья.

В публикуемой работе Л. П. Семенов очень удачно сопоставляет изучавшиеся им археологические памятники с этнографическими фактами и с фольклорными данными разных народов Кавказа. В этом приеме и была суть его творческого метода исследователя. Пользуясь этим методом, автор в обычаях, в исторических преданиях, в народной поэзии, а также в материальной культуре ингушей сумел проследить немало общих черт, присущих и другим народам Кавказа, в особенности живущим по соседству с ингушами— чеченцам и даже хевсурам и осетинам. Этот вывод Л. П. Семенова, в свете современного признания антропологами древнего антропологического единства почти у всех народов Северного Кавказа, то есть принадлежности к одному, так называемому кавкасионскому типу не только различных грузинских групп, но и чеченцев, ингушей и даже осетин, кабардинцев и черкесов[1], приобретает особое значение.

Нельзя обойти вниманием и некоторые прозорливо намеченные автором важные вопросы, на которые требовалось ответить в последующих работах (например, о связи со скифским миром). Другие проблемы, например проблемы связей Кавказа с Древней Русью, с Юго-Восточной Европой и вообще с внешним миром древности, и сейчас остаются важными задачами кавказоведения.

Л. П. Семенов, как историк, комплексно изучавший разнообразные источники по истории и культуре Ингушетии, еще в те годы зорко подмечал в ингушском быту ломку старого и появление нового, прогрессивного. По достоинству оценив неизбежную борьбу зарождающегося нового с отживающим, патриархальным, старым, он наметил и соответствующие задачи этнографического изучения ингушей; в плане чисто историческом было намечено и антропологическое обследование населения.

В дальнейшем автор проектировал подготовку и издание цикла популярных очерков по археологии и этно-

[1] Народы Кавказа, т. I (этнографические очерки), из серии «Народы мира». М., изд-во АН СССР, 1960, стр. 28.

графии ингушей, а также серию популярных брошюр о тяжелом положении ингушской женщины, о вредной сущности религиозных верований ингушей, о зачатках феодализма в Ингушетии и т. п., то есть еще в 30-х годах наметил некоторую программу мероприятий, выполнение которой остается актуальной задачей и в настоящее время. Данную книгу профессора Л. П. Семенова— большого друга трудящихся Северного Кавказа — с большой пользой, благодарностью и интересом прочтут все, кому дороги судьбы народов многонационального Кавказа и в первую очередь коренного населения Чечено-Ингушетии.

Е. И. Крупнов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ В ИНГУШЕТИИ В 1925—1927 ГОДАХ

I

В 1925 и 1926 годах Северо-Кавказским институтом краеведения была организована экспедиция по обследованию древностей плоскостной и горной Ингушетии. Она носила разведочный характер и имела основную задачу — произвести учет и предварительное изучение памятников материальной культуры. Работа экспедиции сопровождалась выполнением обмеров, фотографированием и зарисовкой изучаемых объектов. В ее работе принимали участие научные сотрудники института Л. П. Семенов (археолог) и И. П. Щеблыкин (художник-этнограф). В 1925 году ими была посещена плоскостная и предгорная Ингушетия.

В 1927 году, по реорганизации Северо-Кавказского института краеведения, работа последнего была продолжена Ингушским институтом краеведения и Ингушским литературным обществом; ими была послана экспедиция в Джераховский и Мецхальский районы. В обследовании принимали участие научные сотрудники института и общества Л. П. Семенов, И. П. Щеблыкин, З. К. Мальсагов (лингвист), Х.-Б. Ахриев (художник), а также проф. И. Н. Бороздин. Работа носила стационарный и разведочный характер.

В итоге работы был собран обширный и ценный материал. Комплексный характер обследования позволил углубить и расширить исследовательскую работу в различных направлениях.

В настоящем очерке мы сообщаем краткие сведения с некоторыми предварительными обобщениями о прове-

денной нами работе в области археологии и изучения архаичных черт быта ингушей. Остальные вопросы, привлекавшие внимание экспедиций, разрабатываются другими поименованными нами участниками [1].

II

В Ингушетии нами отмечены разнообразные памятники, которые можно разделить на три основные группы:

1) памятники оборонительного характера: башни, замки, городища, селища;

2) памятники религиозного характера: столпообразные святилища, храмы;

3) памятники погребального характера: памятные плиты и столбы, надземные и полуподземные склепы, пещерные погребения, подземные погребения.

Распределение памятников в плоскостной и горной части Ингушетии неравномерно. На плоскости отмечены развалины одной башни, следы древних городищ, один надземный склеп (Борга-Каш) и подземные погребения (с курганами или невысокими покрытиями из булыжника). В горах памятники более разнообразны и многочисленны; здесь имеются башни (боевые и жилые), замки, святилища (столпообразные и в виде более или менее сложных архитектурных сооружений), надземные и полуподземные склепы, пещерные и подземные погребения. Башни, святилища и склепы варьируются самым различным образом.

Типичной особенностью каждого горного ингушского селения являются старинные многоэтажные жилые и боевые башни [2]. Благодаря своей значительной высоте они бывают видны невооруженным глазом на большом

---

[1] Литература о духовной и материальной культуре Ингушетии количественно довольно обширна, однако она отличается неполнотой, противоречивостью и устарелостью сведений.

Наиболее ценные материалы имеются в следующих изданиях: Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1. СПб., 1871. Сборник сведений о Терской области, вып. I. Владикавказ, 1878; Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I. Тифлис, 1869 и др.; Терской сборник, вып. II. Владикавказ, 1892 и др.; Материалы по археологии Кавказа, т. I. М., 1888 (в дальнейшем МАК); Газета «Терские Ведомости» (до 1916 года включительно) и др.

[2] По-ингушски жилая башня — гIала *(гала)*, боевая — вIов *(воув)*.

расстоянии; башни то группируются в селении, то располагаются в одиночку в его окрестностях, на возвышенных пунктах, имеющих стратегическое значение. Сложены они весьма искусно из дикого или грубо-тесаного камня, на извести. Стены их покрыты снаружи облицовкой желтого цвета; кверху они суживаются. Основание башен прямоугольное (с равными и неравными сторонами). Кровля их различного рода — у жилых, более низких, плоская, у боевых, высота которых достигает 25 метров, троякого рода: плоская с барьером, плоская с зубцами на углах, увенчанных иногда конусообразными камнями (Цори), пирамидальная ступенчатая с конусообразным замковым камнем (Джерах, Лежг, Эрзи, Салги, Хани, Лейлаг, Пуй, Таргим); обычное число ступеней кровли башен — 13. В стенах башен устроены лазы, окна и узкие, несимметрично расположенные, бойницы. Нередко верхние окна башен бывают защищены навесными бойницами (машикули). На боевых башнях встречаются углубления в виде крестов (Хани, Таргим, Эгикал).

Во многих селениях к боевым башням примыкают жилые башни и сакли; в таком случае в целом строения эти представляют небольшое, но надежное укрепление (напр., в селениях Фалхан, Таргим). В Цори башни и сакли почти всего селения примыкают друг к другу, нагромождаясь ярусами и образуя как бы один сплошной, сильно укрепленный замок.

Сооружения строго замкового типа имеются в селениях Мецхал (владение Точиевых) и Таргим (владение Тутаевых на правом берегу Ассы, немного южнее селения).

В предгорных и плоскостных районах башни редки. Нами отмечены: укрепления из нескольких башен близ селения Нижний Алкун (на левом берегу Ассы) и башня в селении Гамурзиево (во владении Мальсаговых). Последняя представляет ныне груду развалин, в основании ее прямоугольник, площадь которого около 24 м² (4 м × 6 м). По преданию, она имела 4 этажа и была выстроена 230—240 лет назад[1].

Следы древних городищ в виде холмов, окруженных рвами и валами, были указаны плоскостными жи-

[1] Сообщено владельцем усадьбы в 1925 году.

телями нам в различных местах. Одни городища приписываются ингушам, другие — кабардинцам. Ингушам приписываются городища близ селений Барсуки и Экажево; последнее под названием Ачим-Боарз отмечено на 5-верстной карте. С именем кабардинцев связаны, по преданиям, городища близ селений Барсуки («холм кабардинки» или «девичий холм») и Яндырка.

Памятники, связанные с религиозным культом, часто встречаются в горных районах. По структуре и размерам они очень разнообразны. Наиболее простым памятником этого рода является каменное сооружение столпообразной формы, с прямоугольным основанием и двускатным верхом; сложено оно на извести, покрыто желтой облицовкой и имеет с одной стороны нишу. Средняя высота таких памятников около двух метров. Святилища этого типа имеются, например, в селениях Лежг, Кашиете, Мецхал, Эрзи, Гу, Кост, Вовнушки, Таргим, Эгикал.

Очень распространенным видом святилищ являются сооружения, напоминающие обычный двускатный склеп; они имеют прямоугольное продолговатое основание, двускатную ступенчатую кровлю и вход с полукруглым сводом; наружная облицовка у них желтого цвета. Такие святилища[1] расположены то возле самых селений (Бени, Морч, Эрзи), то в стороне от них, на возвышенных местах (святилища на Столовой горе).

Отметим вкратце черты некоторых из этих святилищ.

Святилище близ Бейни, называемое Бейни-Сели, имеет над входом и в противоположной стене узкую вертикальную щель; число ступеней кровли — 7.

На южном склоне вершины Столовой горы (на высоте около 3000 м.) нами осмотрены 3 святилища — Мятцил, Мятер-дэла и Сусон-дэла[2]; первые два сохранились почти удовлетворительно; от последнего осталась груда развалин. В святилище Мятцил два входа — с востока и с запада; над входами узкая вертикальная щель. Число ступеней кровли — 12. Внутри хра-

---

[1] По-ингушски — элгац *(элгац)*.

[2] Названия этих святилищ, по разъяснению Х.-Б. Ахриева, означают следующее: *Мятцил* (или Мятцели) — место святилищ. *Мятер-дэла* — место (трон) бога, *Сусон-дэла* — бог (покровитель) благородных женщин.

ма — арка, в стенах — небольшие ниши. Площадь основания — 3,59 × 6,98 метра; высота с восточной стороны—4,92 метра. Площадь основания второго святилища — 2,75 × 3,88 метра; высота — 3 метра. Число ступеней кровли — 7. Над входом узкое вертикальное отверстие, справа и слева снаружи в стене заметны обломки некогда вделанных оленьих рогов. Внутри святилища — ниши, следы белой облицовки. По свидетельству стариков, третье святилище походило по виду на Мятцил и Мятер-дэла, то есть имело двускатную ступенчатую кровлю и продолговатое прямоугольное основание; размер площади основания — 2,02 × 2,62 метра.

Святилище Эрдзели (в селении Эрзи) имеет в кровле 7 ступеней. Слева от входа снаружи прямоугольная ниша; в нее при выполнении праздника ставили чашу с пивом. Площадь основания святилища — 2,42 × 4,12 метра, высота — 3,30 метра.

Более сложную форму имеет святилище Маги-Ерды (близ селения Салги). Это массивное сооружение также имеет двускатную ступенчатую кровлю, прямоугольное основание, вход с полукруглым сводом, но у него есть и некоторые новые черты. Внутри него, за аркой, устроен каменный алтарь с прямоугольным основанием. Направо от входа — четыре узких окна. Слева в стену, вблизи от входа, вделан воловий рог. На выступе арки (справа от входа) в облицовке сохранилось изображение креста. Число ступеней кровли — 11. Площадь основания — 4,97 × 10,34 метра; высота спереди — 4,52 метра. Недалеко от этого святилища находится второе, меньшее по размерам, называемое Соска-Солса (имя героя ингушского народного эпоса), начавшее разрушаться.

Еще более сложную форму имеют храмы Ассинского ущелья. Из них особенно замечателен храм Тхаба-Ерды (храм двух тысяч святых); он подробно описан В. Ф. Миллером [1], Г. А. Вертеповым [2] и другими исследователями, поэтому сообщаем сведения лишь о нынешнем состоянии этого выдающегося архитектурного сооружения, предположительно датированного Н. Э. Бак-

---

[1] Мак, т. I. М., 1888.

[2] Терский сборник, вып. VI. Владикавказ.

радзе IX в.[1]. В настоящее время храм близок к полному разрушению. Стены покрыты глубокими трещинами. В кровле зияют большие провалы. У подножия стен храма и его ограды в беспорядке нагромождены плиты с рельефными орнаментами и человеческими изображениями, а также обломки черепицы от кровли. Судя по кладке, храм разновременно подвергался существенным переделкам. В верхнем карнизе и в стенах уцелели еще многие плиты с барельефами.

Прежние исследователи не обратили внимания на внутреннюю облицовку храма. Теперь она почти совершенно исчезла. При тщательном осмотре алтарных стен мы обнаружили в том месте, где они сходятся с полом, остатки облицовки красного цвета; более поздняя облицовка в алтарной и прилегающей к ней части храма имеет окраску бледнорозового цвета; наружная окраска храма желтого цвета (различных оттенков). Храм пуст и давно служит загоном для скота, как и Маги-Ерды.

От храма Алби-Ерды, расположенном на левом берегу Ассы, против селения Таргим, остались лишь стены. Этот храм также кратко описан В. Ф. Миллером. Внутри на его стенах сохранились следы облицовки разновременного происхождения, различных цветов — белого, желтого и красного. Возле этого храма находится святилище А у ш а - с е л; оно имеет двускатную ступенчатую кровлю и желтую облицовку. В восточной стене сделана ниша. Раньше над нею были вделаны рога оленя; теперь от них остался лишь обломок. Справа от ниши, в облицовке, виден о т п е ч а т о к р у к и с раздвинутыми пальцами. Число ступеней кровли — 5. Святилище не имеет входа.

В окрестностях селения Джерах, в лесистой местности на горе, сохранились развалины святилища, первоначальную форму которого теперь точно установить нельзя. От него остались руины с мощным прямоугольным основанием. Памятник сложен из груботесаного камня, на извести, кое- где сохранились следы бледно-желтой облицовки. Здесь нами взято б р о н з о в о е

[1] Как установлено последующими исследованиями храма Тхаба-Ерды, датировка его IX в. являлась ошибочной. Храм выстроен в XII в. См. статью К р у п н о в а Е. И. «Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе» в кратких сообщениях ИИМК АН СССР, вып. XV, М., изд-во АН СССР, 1947, стр. 116. (Прим. ред.).

изображение оленя[1]. Сделано оно из литой бронзы, имеет удлиненный корпус, запрокинутые над спиною ветвистые рога, повернутые в ту же сторону уши, слегка суженную морду с ясно обозначенным ртом, утолщение на шее, короткий хвост, удлиненные, переходящие внизу в острие, ноги и петлю на брюхе, предназначавшуюся для подвешивания колокольчика[2]. В настоящее время ноги оленя повреждены (хорошо сохранилась левая задняя); голова и туловище прекрасной сохранности. Размер оленя: длина туловища — 8 сантиметров, обхват его — 5 сантиметров, расстояние от конца морды до конца рогов — 8,5 сантиметра. Предмет этот гораздо древнее самого святилища и относится к типу кавказских изделий кобанской культуры[3], датируемой ранним железным веком.

Святилища ныне совершенно опустошены; инвентарь их мало изучен. В местном музее имеются следующие предметы, поступившие в 90-х годах прошлого столетия из святилища Маги-Ерды: 1) небольшой черный камень, имеющий с одной стороны 5 круглых углублений, с другой — два; камень этот некогда якобы служил для испытания зрелости юноши: испытуемый должен был вложить пальцы в углубления камня и поднять его; 2) деревянный четырехугольный жреческий шест, покрытый резным геометрическим орнаментом; 3) деревянные кубки в виде круглых бокалов на ножке. Нами доставлен в музей еще один такой кубок из того же святилища. В селении Мецхал в 1927 году нам показали овальный камень с чашеобразными углублениями (на одной стороне 5 углублений, на другой — 4). Камень этот прежде хранился в святилище, находившемся близ Мецхала и впоследствии разрушившемся. Длина его по окружности — 41 сантиметр, поперечные диаметры — 12 × 13,5 сантиметра, толщина — около 6,5 сантиметра.

---

[1] Выражаем глубокую благодарность доктору Чеботаеву Н. П., указавшему нам местонахождение этого предмета.

[2] Сравни бронзовые изображения бараньих и оленьих голов с подвешенными колокольчиками в МАК, т. VIII. М., 1900, табл. LXX, рис. 1 (Казбек) и стр. 303, рис. 236 (Камунта).

[3] Сравни изображения оленя в инвентаре Кобани (МАК, т. VIII, табл. XXXVIII, рис. 2 и 3) и Казбек (там же, табл. LXIX, рис. 1 и 2). Очевидно, изображение оленя не подвешивалось, а вонзалось остриями ног в какой-нибудь культовый предмет.

Почитание святилищ заглохло в конце XIX в. Ценные сведения о празднестве, совершавшемся ежегодно на Столовой горе, нами собраны в 1927 году; подробности о их проведении передал житель селения Фалхан Алихан Марзабеков, бывший в молодости помощником жреца.

В жрецы избиралось лицо, отличавшееся хорошим поведением и даром красноречия; прислужник избирался по жребию. Праздник справлялся в июле, в первый воскресный день. Жрец и прислужник приходили в субботу в селение Бейни и подготовляли все необходимое для празднества. Сюда же к этому времени стекались паломники из ближних и дальних селений, преимущественно из селений Бейни, Фалхан и Мецхал. В святилище Бейни-Сели хранился жреческий шест с колокольчиками и флагом. В ночь с субботы на воскресенье жрец в белом одеянии, с шестом, в сопровождении своего помощника поднимался на гору к святилищам. На рассвете туда же всходили и паломники, которые располагались на определенных местах: джераховцы — близ Мятцила, далее — мецхальцы, вблизи Мятер-дэла — жители селений Бейни и Фалхан. В Мятциле хранились различные предметы, в их числе и серебряные стаканы. В святилище имел право входить только жрец; он зажигал внутри свечи, принесенные молящимися; изготовлялись они из сосновой смолы. Жрец совершал молитву для жителей каждого селения отдельно. После этого резали животных (мелкий и крупный рогатый скот) и справляли пиршество, на котором танцевали. Рога животных клали на кровлю святилищ. От каждого зарезанного животного жрецу давали одну ногу и печень; треть своей доли жрец передавал прислужнику. По окончании праздника все присутствовавшие на нем спускались вечером с горы. Последним, уже ночью, сходил жрец. В понедельник многие собирались у него и приносили туда оставшуюся еду. Этой трапезой празднество заканчивалось.

В горных местностях памятники погребального культа очень разнообразны. К самым простым и распространенным в крае по виду надмогильным памятникам принадлежат вертикальные плиты[1] с рельефными надпи-

[1] По-ингушски — *чурт.*

сями и орнаментом и без них. Плиты с трех сторон и сверху иногда бывают заключены в каменный или деревянный футляр.

В селении Фуртоуг находится единственный в Ингушетии столпообразный антропоморфный памятник. Высечен он из серого камня, имеет белую облицовку, уцелевшую частично. На ней ясно обозначены голова, плечи и верхняя часть рук человека. Лицо кругообразное, плоское; на нем грубо вырезаны глаза, нос и рот. Сверху памятник закруглен; ниже плеч он постепенно переходит в четырехгранный столб. Высота памятника спереди — 2,07 метра, ширина лица — 0,37 метра, длина лица — 0,42 метра, высота шеи — 0,15 метра, ширина основания столба спереди — 0,42 метра, сбоку — 0,40 метра[1].

В некоторых горных местах встречаются подземные погребения с невысокой продолговатой каменной кладкой, над которой с одной стороны возвышается вертикальная плита (близ селений Кост, Лежг, в ущелье, ведущем от Лежг к Цори, в селении Гуль).

Нередко подземные погребения в каменных ящиках отмечены на поверхности земли лишь крупными булыжниками или же вовсе не имеют наружных явственных признаков, но легко могут быть замечены благодаря осыпям и размывам почвы (Фуртоуг, Салги, могильник близ храма Тхаба-Ерды).

В 1926 году при осмотре в селении Фуртоуг кладбища, находящегося близ конусообразного склепа, нами были найдены в обнажившихся каменных ящиках обломки глиняной утвари и железный короткий нож. По свидетельству местных жителей, в этих могилах ранее якобы находили иностранные древние монеты.

В 1927 году нами были сделаны разведочные раскопки на другом кладбище, расположенном в том же селении, на юго-западном склоне горы. Могилы на нем находятся в глубокой выемке крутого обрыва, имеющего уклон в сторону реки Армхи. Поверхность ската покрыта травой, мелким щебнем и обломками плит от камен-

[1] Памятник этот бегло упоминается Миллером В. Ф. (МАК, т. I, стр. 32). В настоящее время памятник стоит в ограде здания Северо-Кавказской киностудии в г. Орджоникидзе, Музейный переулок, 3. (Прим. ред.).

ных ящиков. Многие погребения, вследствие размыва и выветривания верхнего слоя почвы, обнажены. При обследовании нами были осмотрены один каменный ящик, совершенно обнажившийся и сильно поврежденный, и пять нетронутых могил, но находившихся под угрозой разрушения.

Наружных признаков в неповрежденных местах могилы не имеют. Каменные ящики находятся под самым слоем дерна, сложены из шиферных плит различной толщины, сверху прикрыты плитами, положенными в один слой (в трех могилах), в два слоя (в одной могиле) и в три слоя (в двух могилах). В одной из могил дно частично прикрыто плитой, в трех — сплошь покрыто плитами. Длина ящиков — от 1,55 до 1,93 метра, ширина — от 0,33 до 0,53 метра. глубина — от 0,22 до 0,43 метра. Ориентация могил — с запада на восток или с юга на север, с некоторым уклоном к югу. В каждой могиле по одному костяку, положение которого не во всех случаях одинаково: в одной могиле — в скорченном состоянии, в остальных — в вытянутом (на правом боку или на спине). Степень сохранности костяков — средняя.

В одной из могил, значительно пострадавшей от разрушения, инвентаря при костяке не было обнаружено; в остальных (одной мужской и четырех женских) инвентарь не обилен, но имеет свои типические черты.

В могилах найдены следующие предметы: височные бронзовые проволочные кольца, острие тонкой бронзовой булавки, остатки кожаного ворота, бронзовые пуговицы шарообразной формы с ушком малого размера[1], бронзовые поясные пряжки в виде треугольника, с круглыми петлями на углах[2], бронзовые браслеты из витой двойной проволоки[3], бронзовые спиральные перстни[4],

---

[1] Сравни МАК, т. I, табл. XII, рис. 8 и 13 (Лац—Северная Осетия).

[2] Сравни МАК, т. I, табл. XI, рис. 6 (Дзивгис — Северная Осетия); т. VIII, табл. XLIX, рис. 12 (Саниба); табл. LXV, рис. 27 (Балта — Северная Осетия); табл. XXII, рис. 23 (Дзивгис).

[3] Сравни МАК, т. VIII, табл. LXV, рис. 20 (Балта); «Отчеты археологической комиссии за 1897 год», стр. 148, рис. 289 (Балта) или «Альбом рисунков, помещенных в отчетах археологической комиссии за 1882—1898 гг.». СПб., 1906, стр. 251, рис. 1542.

[4] Мак, т. VIII, табл. LIV, рис. 10 (Даргавс—Северная Осетия).

бронзовый перстень с голубым стеклом, бронзовый перстень с плоской печатью, небольшое количество цветных бус (из стекла и из пасты), мелкие круглые железные пряжки, железные небольшие ножи [1], просверленные раковины [2], а также кусочки угля.

Близ опустевшего ныне селения Памет отмечен обширный могильник с каменными ящиками, заметными снаружи благодаря крупным булыжникам и невысоким, поставленным вертикально камням.

Все могильное поле поросло травой. Часть могил обнажена, но значительное количество их уцелело от разрушения. Здесь нами вскрыта одна могила, имеющая направление с запада на восток. Толщина слоя земли над ящиком — 1,05 метра. Плиты, служившие покрытием его, были положены в один ряд и засыпаны слоем глины в 0,05 метра. Размер ящика: длина — 1,60 метра, ширина — 0,33 метра, глубина — 0,48 метра. Дно сплошь покрыто плитами. В могиле находился один женский костяк, лежавший на правом боку, лицом к югу; кости очень плохой сохранности. Здесь же найдены остатки тонкой ткани, прикрывавшей голову и плечи, обломок деревянного сосуда, бронзовые шаровидные пуговицы с ушком малого размера, бронзовая цепочка с плоским бронзовым кольцом, железный нож, остатки кожаного ворота [3].

Отмечены могильники нами и в других местах — в горах и на плоскости. Могильники, расположенные на плоскости, имеют на поверхности земли слой булыжников или курганные насыпи. Приписываются они местными жителями кабардинцам.

В горах промежуточным звеном между подземным и надземным погребением являются склепы особого рода; они совершенно скрыты в склонах гор; наружу у них выдается лишь незначительная часть каменной кладки (селение Эбин).

Вполне доступны для осмотра многочисленные полу-

---

[1] Сравни МАК, т. I, табл. XII, рис. 17 (Лац).

[2] Сравни МАК, т. I, табл. XI, рис. 1 (Дзивгис); табл. XII, рис. 1 (Лац).

[3] Позднее Паметский могильник был исследован Крупновым Е. И. при участи Семенова Л. П. Вскрыто еще 15 могил и установлена трехъярусность могильника. См. Кузнецов В. А. «Аланские племена Северного Кавказа», МИА, № 106. М., изд-во АН СССР, 1962, стр. 101 (Прим. ред.).

подземные склепы[1], в одиночку или группами расположенные возле каждого горного селения.

Основные типы склепов следующие:

1) надземные, с квадратным основанием, пирамидальной ступенчатой кровлей в один, два, три яруса; данный вид склепов очень распространен;

2) надземные, с квадратным основанием, пирамидальной гладкой кровлей; склепы этого рода редки, находятся в селениях Фуртоуг (с четырьмя гуртами) и Джерах;

3) надземные, с прямоугольным неравносторонним основанием, двускатной ступенчатой кровлей; вид их распространенный;

4) надземные, с прямоугольным неравносторонним основанием, двускатной ступенчатой кровлей и поминальной камерой, открытой с фасада; довольно редкий вид; имеется по одному экземпляру в селениях Эрзи, Хамхи, Вовнушки, Таргим, Эгикал;

5) надземные, с круглым основанием, конусообразным верхом; встречаются реже 1-го и 3-го видов, но чаще 4-го вида; имеются в селениях Фуртоуг (с девятью гуртами), Джерах (с пятью гуртами, склеп наполовину разрушен) и выше его (на противоположном правом берегу Армхи, против санаторного участка), Эрзи (с семью гуртами), Вовнушки, Таргим, Эгикал (два экземпляра), Лейми; в селении Мецхал сохранилась небольшая часть фундамента такого же склепа;

6) полуподземные с двускатной ступенчатой кровлей и вырытой в склоне горы погребальной камерой; иногда с фасадной стороны у них устроена глубокая ниша с лазом (Салги, Таргим);

7) полуподземные, с низкими стенками, плоской кровлей, покрытой дерном, и вырытой в склоне горы погребальной камерой (близ храма Маги-Ерды).

Обыкновенно склепы расположены группой на окраине селений и образуют как бы особый «город мертвых» (Фалхан, Салги), но чаще разбросаны близ них в нескольких местах (Мецхал, Лежг, Горак, Эрзи, Хамхи, Таргим, Пуй, Цори). Сложены они обычно из нетесанных камней, на извести, имеют желтую облицовку и в каждом ярусе лазы — чаще прямоугольные, реже — с

[1] По-ингушски — *малхара каш.*

полукруглым сводом. Лазы прикрыты деревянной доской или каменной плитой, придерживаемой поперечным подвижным болтом. Сбоку лазов или над ними нередко бывает укреплена просверленная каменная небольшая плита; иногда она заменяется двумя камнями, образующими между собой щель. По сообщению одного из жителей селения Фалхан, в это отверстие в старину при совершении похорон вставляли шест с белым флагом, который оставался на склепе до тех пор, пока не истлевал. Склепы с пирамидальной кровлей и конусообразные имеют каменное навершье — чаще конической формы, реже (Джерах) — грибообразной. Двускатные склепы иногда делятся каменными стенами на две камеры и бывают внутри выбелены (Хамхи). Ориентация склепов различна, число ступеней кровли неустойчиво. В стенах склепов часто бывают устроены небольшие прямоугольные отверстия или углубления, образующие различные геометрические фигуры (треугольники, кресты и проч.).

Изредка в облицовке склепов заметен отпечаток руки с раздвинутыми пальцами (Хамхи, Пуй, Эрзи). У одного из склепов в селении Лейлаг на стенках имеются примитивные рисунки, нанесенные на желтую облицовку красной краской, концентрические круги и человеческие изображения (фигуры пеших и всадников). На склепе с пирамидальной кровлей, находящемся вблизи селения Байрах (к югу от него), в нижней части стены в камне высечено грубое изображение человека (в горизонтальном положении, с вытянутыми вдоль тела членами).

Отмечаем характерные особенности склепов с поминальной камерой, не указанные в литературных источниках.

На камнях, окаймляющих пол камеры, иногда бывает высечен прямоугольник, состоящий из коротких параллельных линий, число которых определенное — 22. Таких камней мы нашли шесть (пять в 1926 г., один в 1927 г.); в двух из них внутри прямоугольника имеется знак креста, в четырех—изображение креста находится на одной из сторон прямоугольника. Плиты этого рода найдены нами в селениях Хамхи (три плиты в одном склепе), Вовнушки, Эгикал, Эрзи. В 1927 году нами установлено, что в прежнее время такими изображения-

ми пользовались для особой игры; разъяснение это получено нами в селении Эрзи. Участники упомянутой игры поочередно метали, наподобие костей, небольшие четырехгранные палочки с нарезными знаками. Нам пока неизвестны следующие подробности: 1) как велика давность указанной игры, 2) имела ли упомянутая высеченная фигура еще какое-нибудь назначение.

В селении Хамхи, в том же склепе, отличающемся большой тщательностью кладки, в переднем ряду плит надземной (поминальной) камеры находится чашечный камень. Он имеет продолговатую прямоугольную форму; с одной стороны у камня дугообразная выемка. На его плоской поверхности около 30 круглых чашеобразных углублений; некоторые полустерлись. Размер плиты: ширина — 0,49 метра, длина боковых сторон — 0,65 метра и 0,86 метра, толщина — 0,19 метра. Это первый случай обнаружения в Ингушетии плиты с чашеобразными углублениями.

В склепе селения Вовнушки возле упомянутой плиты имеется еще плита с высеченным изображением двух параллельных дуг и лучеобразно расходящихся четырех прямых линий.

Внутри склепов в большом количестве нагромождены на деревянных настилах, в несколько слоев, высохшие тела в ярких цветных платьях. Во многих склепах процесс высыхания тел еще не закончен. Иногда тела лежат в деревянных гробах (Хамхи). Детские тела положены нередко в ящики, напоминающие по форме люльку. Обыкновенно склепы принадлежали отдельным фамилиям, но встречаются и такие, в которых хоронили лиц, живших в различных селениях и принадлежавших к разным фамилиям (большой двускатный склеп в селении Фалхан).

Могильный инвентарь отличается простотой и бедностью. Встречаются следующие предметы: глиняные сосуды, деревянные чашки, железные ножи, железные ножницы для стрижки овец, железные наконечники стрел, луки, железные поясные пряжки, деревянные гребни и прочие изделия; некоторые из них бытуют в горных аулах и ныне (деревянные чашки, ножницы для стрижки овец). Возможно, что в склепах имеются более старинные и ценные предметы, но это нельзя установить без углубленного обследования нижних слоев погребе-

ний. В настоящее время во многих склепах беспорядочно лежат тела на подгнивших нарах или прямо на земле. Встречались, однако, склепы и прекрасной сохранности.

В окрестностях селения Фуртоуг, на склоне Столовой горы, нами осмотрены пещерные погребения. Пещеры неглубоки. Одна из них совершенно пуста. В другой найдены обломки деревянной трубки с глиняным чубуком и деревянной утвари, цветные стеклянные бусы, остатки человеческих костяков. Сохранились следы каменной кладки, некогда преграждавшей вход в пещеру.

Большой интерес представляет мусульманский мавзолей Борга-Каш — единственный надземный склеп в плоскостной Ингушетии. Сооружен он из хорошо тесаного камня, имеет прямоугольное основание, полушарообразный купол, стрельчатую арку, арабские надписи над входом, надземную камеру с полукруглым сводом и находящуюся под нею погребальную камеру. Памятник сохранился удовлетворительно, но погребение разграблено во второй половине XIX в. Подробные сведения об этом памятнике сообщаем в специальном очерке[1].

III.

Материальная культура Ингушетии имеет много общих черт с культурой смежных областей Северного Кавказа и Закавказья.

Ингушские боевые башни очень сходны с чеченскими и хевсурскими[2] и, отчасти, с осетинскими[3].

В селениях Цимити и Далакау (Северная Осетия) встречаются памятники, напоминающие ингушские столпообразные святилища. У ингушей и осетин святилища

---

[1] Мавзолей Борга-Каш подробно освещен автором дважды. См. Семенов Л. П. Мавзолей Борга-Каш в «Известиях Ингушского научно-исследовательского института краеведения», вып. I. Владикавказ, 1928, стр. 217; Семенов Л. П. Брагунский мавзолей в «Известиях Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XVII. Орджоникидзе, 1956, стр. 196. (Прим. ред).

[2] См. изображения этих башен в трудах Миллера В. Ф. МАК, т. I. и Э. Шантра (E. Chantre „Recherches antropologiques dans le Caucase", v. IV. Paris—Lyon, 1886, стр. 46).

[3] Машикули, характерные для башен Чечено-Ингушетии, Чечни и Хевсуретии, встречаются и в осетинских башнях (например, в селениях Даргавс и Калотикау).

украшаются рогами животных. Есть общие черты в устройстве праздников, приуроченных к святилищам (присутствие жреца, заклание животных и проч.).

Общеизвестен факт влияния Грузии на Ингушетию и Осетию; памятниками христианской культуры, проникшей из Грузии, являются святилища в Ингушетии (храмы Тхаба-Ерды, Алби-Ерды, Маги-Ерды и др.) и в Осетии (Нузальский храм). Грузинская письменность запечатлена в ряде эпиграфических памятников, найденных в Ингушетии (надписи на плитах храма Тхаба-Ерды и др.).

Х.-Б. Ахриев сообщил нам, что близ того места, где в опустевшем ныне ауле Памет стоит мечеть, прежде, на пригорке, находился грузинский храм, разрушенный около середины XIX в. У ингушей, по его же словам, и теперь бытуют грузинские собственные имена в несколько измененном виде.

Надземные и подземные могильники Ингушетии, Чечни и Осетии тоже сходны между собою. Например, в названных областях имеют широкое распространение склепы с двускатной ступенчатой и пирамидальной ступенчатой кровлей, каменные ящики, памятные плиты; пещерные погребения известны как в Ингушетии (Фуртоуг), так и в Осетии (Кобань и др.).

Сходство ингушских надземных склепов с осетинскими заметно не только в основных архитектурных формах, но и в различных характерных деталях, к которым можно отнести следующие: желтую окраску склепов, одинаковое устройство лазов и их затворов, просверленные небольшие плиты, вделанные в стену, гурты на конусообразных склепах[1], отпечатки человеческих рук на стенах[2], глубокие ниши в полуподземных склепах[3]. Расписной склеп в селении Лейлаг похож на осетинский, виденный нами в 1925 году в селении Згид[4]. Склепы с

[1] Конусообразные склепы с гуртами имеются в Ингушетии (Фуртоуг, Джерах, Эрзи) и Осетии (Кобань).

[2] В Ингушетии — на склепах в селениях Хамхи, Пуй, Эрзи; в Осетии—в селениях Даргавс, Лац.

[3] В Ингушетии — в селении Салги, в Осетии—в селениях Даргавс, Кобань.

[4] См. изображение згидского склепа в статье проф. Миллера А. А. «Краткий отчет о работе северо-кавказской экспедиции» в «Известиях РАИМК», т. IV. Л., 1924, рис. 15.

двумя камерами, выбеленными внутри, встречаются в Ингушетии (Хамхи) и Осетии (Далакау). Обряд погребения в надземных склепах также сближает некоторыми чертами ингушскую культуру с осетинской (простертое положение покойников на деревянных нарах, детский гроб, напоминающий люльку, и проч.). Предметы, добытые экспедицией в могильниках ингушских селений Фуртоуг и Памет, имеют сходство с осетинскими могильниками селений Саниба, Дзивгис, Лац и других, датируемыми VI—IX вв. нашей эры[1].

Чашечные камни, как известно, отмечались в разных местах Кавказа[2].

Большой интерес представляют местные легенды, имеющие отношение к памятникам старины.

В Джераховском и Мецхальском обществах до сего времени живы предания о Дударове, родоначальнике известной осетинской фамилии. Ему приписывается сооружение башен в селениях Духаргишт, Харпе и др. Экспедицией Ингушского института краеведения в 1927 году, со слов Бибо Ахриева — жителя селения Фуртоуг, Матиева — жителя селения Харпе и одного из жителей селения Духаргишт (кузнеца) — записана следующая легенда о Дударове.

Дударов был родом из селения Кий[3]. Обладая редкой отвагой, силой воли и властолюбием, он не уживался с местным населением, постоянно враждовал с ним. Теснимый ингушами, он, с небольшой наемной дружиной, переселялся из одного места в другое и вот, поки-

---

[1] В свете современных данных указанные могильники следует датировать временем, включая и XI в. См. Кузнецов В. А. Ук. соч., стр. 95, 101. (Прим. ред.).

[2] См. «Пятый археологический съезд в Тифлисе», т. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 72. В статье Пчелиной Е. «Отчет о раскопках близ деревни Сагурамо» („Bulletin du Musseé de Georgie", 1927) встречаем описание следующего предмета: „Орудие неизвестного назначения — шарообразный камень с пятью выдолбленными углублениями; размер камня в длину 0,16×0,125 м (стр. 143, разрядка наша). Изображение этого камня помещено на табл. VII-г. Отмечаем, что число углублений на нем то же, что и на упомянутых выше камнях из ингушских святилищ.

[3] Селения Верхний и Нижний Кий находятся в горной Чечне, близ границ Ингушетии. По преданию, Дударов был в родстве с проживавшей в селении Кий семьей Акиевых (сообщение Матиева). Говорят также, что он был ногаец (сообщено в Духаргиште). Устойчивых сведений о происхождении Дударова нет.

нув Ассинское ущелье, укрепился в Мецхальском обществе, близ аула Харпе. Здесь, у подножия утеса, на котором расположен этот аул, он воздвиг крепкий замок, подчинил себе ближайшие селения и брал с них дань— по одному бревну с каждого воза дров, проезжавшего мимо него. Один юноша приехал из Галгая в Харпе погостить к своему дяде. Дударов, пользуясь отсутствием родственников этого юноши, взял его в плен и заковал в цепи. Во владение Дударова зашла с какой-то просьбой женщина из Харпе. Хозяина в это время не было дома. Пленнику удалось обмолвиться с нею несколькими словами. Он сказал ей: «Передай харпиевцам, что меня повезут продавать в рабство. Когда будем ехать в долине, я закричу, подражая крику черного ворона». Женщина передала это родственникам пленника. Те устроили засаду. Когда сыновья[1] Дударова везли юношу по долине, он крикнул, подражая крику черного ворона. Харпиевцы напали на сыновей Дударова, убили их и освободили пленника. Победители отрубили головы врагам и на следующий день утром крикнули Дударову с вершины: «Дударов, смотри, вот козлиные головы!» В это время Дударов стоял возле своего замка, покуривая большую трубку. Головы сыновей покатились к ногам отца, одна из них упала в ручей и была унесена течением. Дударов ответил: «Не буду пить воду, смешанную с кровью моих детей». Он покинул замок, переселился в соседний аул Духаргишт и выстроил там башню. Через некоторое время Дударов уехал в Ларс и вернулся с богатой добычей. Куштовым, проживавшим в этом ауле, он привез в дар быка, к хвосту которого был привязан осел, нагруженный шелком и золотом. Дударов побратался с Куштовыми и потом, с их помощью, напал на Харпе и взял в плен всех мужчин. После этого набега, опасаясь мести ингушей, Дударов переселился за Терек, в Осетию.

Это предание представляет большую ценность как в художественном, так и в историческом отношении. Оно отражает, хотя и с поэтической окраской, бурную феодальную эпоху[2].

---

[1] По одной версии — 3, по другой — 7.

[2] Так как автор признает в Ингушском обществе только зачатки феодализма, упомянутую здесь «феодальную эпоху» следует воспринимать условно. (Прим. ред.).

Упомянутый Бибо Ахриев сообщил еще следующие предания о сношениях жителей Джераховского ущелья с осетинами.

Ингуши, по его словам, в Осетию не выселялись, но поддерживали с осетинами дружеские связи, переходившие иногда в родственные. Осетины Гушиевы, проживавшие в селении Саниба, имели родственников в ингушском селении Фуртоуг. В него они приезжали погостить и жили там иногда подолгу. Случалось, что некоторые умирали там и там же их хоронили. Джераховцы Хаматхановы и Цуровы ведут свой род из осетинского селения Тменикау. В пещерных погребениях, находящихся близ селения Фуртоуг, погребены осетины; погребения эти относятся к той поре, когда ингуши еще не жили в Джераховском ущелье. В Фуртоуге, по преданиям, ингуши поселились лет 500 назад. Раньше здесь жил неизвестный народ «джелты».

Таковы устные сведения, укоренившиеся в народе до сего времени. Они свидетельствуют о том, что у ингушей и осетин, издавна живших по соседству, бывали и мирные, и враждебные отношения. Осетины Дударовы считаются выходцами из Ингушетии, ингуши Хаматхановы и Цуровы — выходцами из Осетии.

Аналогичные сведения отмечались и прежними краеведами. Чах Ахриев (ингуш, житель селения Фуртоуг) в очерке «Ингуши» сообщает, что джераховцы находились в постоянных сношениях с осетинами. У них существовал обычай брать плату за проезд через Дарьяльское ущелье. Они совместно следили за исправностью дороги, в случае порчи приводили ее в порядок общими силами. Деньги, собранные с проезжающих, разделялись между жителями ближайших аулов[1]. Некто Баркким (Бартум, Баркум, у осетин Батрас), легендарный основатель нескольких горных ингушских аулов, впоследствии переселился на левый берег Терека, где основал аул Цими (Чми)[2]. Дударову, предку нынешней осетинской фамилии, приписывают построение ингушского храма Зодцах-Ерды в селении Хули; воздвигнут он, будто бы, 400 лет назад; впоследствии Дударов пе-

[1] Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, отд. 1. Тифлис, 1875, стр. 34.

[2] Там же, стр. 25.

реселился в Осетию[1]. Санибанское ущелье, по ингушским преданиям, считается родиной ингушских нартов и самих ингушей[2]. В. И. Долбежев в своем отчете об археологических работах в Джераховском и Мецхальском районах (1890 г.) отмечает, что существуют предания о битвах осетин и ингушей, в которых упоминается ингушский герой Ахри, вытеснивший осетин за Терек. По мнению В. И. Долбежева, один из надземных склепов Джераховского ущелья мог принадлежать осетинам[3].

Существует осетинское предание о том, что ингуши некогда жили в Куртатинском и Даргавском ущельях. Под натиском осетин, сражавшихся под предводительством легендарных героев Тага и Курта, и кабардинцев, надвигавшихся на ингушей с плоскости, последние отступили на восток — сначала в Санибанское ущелье, затем, через Чми, на правый берег Терека[4].

В 1927 году в районе осетинского селения Гутиаткау нами была записана легенда, приуроченная к местным пещерным погребениям. Повествует она о том, что в незапамятную старину, во время моровой болезни, в одной из пещер укрылась семья, спасающаяся от заразы, но от голода в ней, один за другим, умерли все члены ее: муж, жена, ребенок. Аналогичную легенду нам сообщили в том же году в ингушском селении Фуртоуг, расположенном близ границы с Осетией; легенда также приурочена к пещерному погребению. В Осетии и Ингушетии до сего времени в различных аулах можно услышать одну и ту же легенду о том, что погребения в надземных склепах относятся к тому времени, когда в крае была сильная эпидемия чумы.

В 1924 году в осетинском селении Лац один из местных жителей сообщил нам, что, по преданию, углуб-

---

[1] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн.1. СПб., 1871, стр. 385; Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. («Терский сборник», вып. 3, кн. 2. Владикавказ, 1893, стр. 98).

[2] Далгат Б. Страничка из северо-кавказского богатырского эпоса («Этнографическое обозрение», т. IV. 1901, стр. 37, 79).

[3] Отчет императорской археологической комиссии за 1890 год, стр. 99. См. еще «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XIII, отд. 1. Тифлис, 1892, стр. 138—139.

[4] Записано нами по рассказу Б. Канукаева в Кобанском ущелье в 1927 году.

ления на чашечном камне, находящемся в этом селении, образовались от прикосновения пальцев нартов (богатырей, героев осетинского эпоса). Аналогичное предание записано нами в 1927 году в ингушском селении Мецхал: чашеобразные углубления на камне, хранившемся в местном святилище, образовались от прикосновения пальцев героя ингушского эпоса Соска-Солсы.

Башня Мансуровых в осетинском селении Даргавс, имеющая на кровле парапет с четырьмя остроконечными зубцами, а ниже верхних окон навесные бойницы (машикули), напоминает башни ингушского селения Цори. По осетинскому преданию, сообщенному нам в 1924 году в селении Даргавс, построена она была ингушским мастером. В осетинском селении Саниба жители называют некоторые надземные склепы «ингушскими»[1].

Приведенный нами материал, при всей его отрывочности и противоречивости, ярко свидетельствует о давности и глубине культурного и экономического общения Ингушетии и Осетии. Дальнейшие систематические разыскания в этих областях дадут, несомненно, богатейший конкретный материал, который позволит осветить затронутый нами вопрос с должной полнотой.

Необходимо, однако, отметить индивидуальные черты материальной культуры Ингушетии.

В Осетии, например, нет сооружения, подобного мавзолею Борга-Каш, нет склепов с открытой поминальной камерой и камней с высеченными на них прямоугольниками, состоящими из 22 параллельных линий. Конусообразный склеп, редко встречающийся в Осетии, отмечен нами во многих аулах Ингушетии. Имеются самобытные черты в устройстве ингушских святилищ, замков, в планировке горных селений.

К числу особенностей местной культуры надо отнести еще следующую черту: некоторые характерные детали присущи памятникам совершенно различного назначения. Например, четырехгранный ступенчатый склеп представляет собою как бы уменьшенную боевую башню; у склепа, как и у башни, прямоугольное основание, суживающиеся кверху стены, ступенчатая пирамидаль-

[1] Дирр А. М. В Тагаурской и Куртатинской Осетии («Известия кавказского отдела русского географического общества», т. XXI. Тифлис, 1912, стр. 262).

ная кровля, конический замковый камень, желтая окраска.

Двускатный склеп очень напоминает распространенную в Ингушетии форму святилища (типа храмов Бейни-Сели, Мятцил и др.). Отпечатки руки бывают, как указано выше, на склепах и святилищах. В облицовке арки храма Маги-Ерды имеется знак креста, сходный с теми крестами, какие встречаются на ингушских боевых башнях.

Камни с чашеобразными углублениями употреблялись в храмах (в храме Маги-Ерды и в разрушенном ныне храме селения Мецхал), склепах (Хамхи) и башнях (в одной из боевых башен в селении Эрзи внизу вделан камень с чашеобразными углублениями[1]).

Интересно также отметить, что к числу святилищ могут быть отнесены некоторые склепы. Мавзолей Борга-Каш пользуется почетом у некоторой части окрестных жителей и сейчас. Склеп с чашечным камнем в селении Хамхи был превращен в святилище, вследствие чего погребенное в нем тело еще в давнее время было извлечено и похоронено в другом месте.

Отношение населения к святилищам в Ингушетии и Осетии неодинаково. В Ингушетии почитание святилищ почти заглохло; они в полном запустении; жители Джераховского и Мецхальского обществ утверждают, что празднества, совершавшиеся в честь местных святилищ, очень редко возобновлялись за последние тридцать лет. В Осетии, напротив, святилища в 1925—1927 годах пользовались почетом; нам приходилось бывать на многолюдных праздниках в Даргавском ущелье (в 1925 и 1927 гг.).

Местная материальная культура, вследствие ее многообразия и сложности взаимодействий с культурой как соседних областей, так и областей отдаленных (юга России и Востока), требует длительного, планомерного и углубленного изучения. Упомянутые экспедиции, имевшие разведочный характер, ознакомили нас с общей картиной наличия памятников древности края и современного их состояния. Последующую работу необходимо проводить со стационарным уклоном, одновременно с этнографическими разысканиями.

[1] Длина камня 0,23 метра.

В этнографическом отношении современная горная Ингушетия резко отличается от предгорной и плоскостной.

В горной части, родине ингушей, сохранились черты глубокой старины. Аулы расположены на очень крутых, возвышенных местах или на дне глубоких замкнутых ущелий. Узкие тропинки, ведущие к ним, доступны лишь для всадника или пешехода, но не для арбы. Жилища сложены из камня. Башни, как более давние постройки, отличаются мощностью, прочностью и разнообразием форм. Значительное число их, несмотря на полную заброшенность, и теперь сохранилось достаточно хорошо.

Приземистые сакли с плоской земляной кровлей, выстроенные в несколько ярусов, сооружены очень незатейливо. Они низки, невелики по размеру; свет слабо проникает в них сквозь окошки. Под жилыми помещениями имеются тесные загоны для скота. Улицы узки и круты. Надземные склепы разбросаны или на окраине селения или вперемежку с жилыми домами.

К числу позднейших построек принадлежат мечети несложной архитектуры, обычно с черепичной двускатной кровлей и деревянным минаретом.

Некоторые аулы, расположенные на террасах скал, чрезвычайно живописны (Эрзи, Цори). Величественное, редкой красоты зрелище представляет башенный аул Вовнушки, расположенный на двух обрывистых утесах.

Башни — боевые и жилые — теперь редко бывают использованы под жилье. Полутемные, тесные сакли постепенно заменяются более просторными и светлыми постройками (Фуртоуг, Салги).

Малоземелье, неудобство средств сообщения (отсутствие дорог и мостов), отдаленность от культурно-промышленных центров края послужили в последние годы причиной массового переселения жителей из гор на равнину. Вследствие этого жизнь в горах стала еще глуше, население сильно поредело, во многих аулах осталось по две — три семьи. Некоторые селения совершенно опустели (Вовнушки, Кошки, Хастмак и др.).

Устройство и убранство домов отличаются простотой и носят явные следы возрастающего влияния города. Помимо низких скамеечек, деревянных нар, шкур до-

машних животных, цветных ковров и циновок, характеризующих старину [1], почти всюду встречаются столы, стулья, зеркала и другие предметы, доставленные из города. Стены выбелены, иногда расписаны несложным узором и украшены лубочными рисунками или симметрично наклеенными конфетными бумажками, этикетками от городских товаров и т. п.

К предметам старины, утратившим практическое значение, относятся большие деревянные замки и громадные медные котлы (для варки пива), подобные осетинским. Смесь старого и нового подмечается в утвари и в одежде. Рядом с узкогорлыми медными кувшинами, неглубокими деревянными чашками и другими изделиями старого образца почти везде найдется стеклянная и глиняная посуда фабричного производства. Очень характерен и живописен, веками выработанный, способ ношения ингушскими женщинами тяжелого медного кувшина с водой; кувшин поддерживается на плече одной рукой или на спине, посредством широкой повязки. Мужской горский костюм сохранился в большей неприкосновенности, нежели женский; праздничный наряд девушек значительно приближается к обычному городскому русского покроя.

Старинную форму сохраняют трехструнные инструменты, на которых играют при помощи дугообразного смычка. Такие же инструменты можно встретить в надземных ингушских склепах.

Чрезвычайно интересны по орнаменту и сочетанию цветов ковры местной работы; очень изящны и также интересны по орнаментировке вышивки золотом по бархату. Искусство вышивания в настоящее время приходит в упадок и применяется для изделия предметов городской культуры — карманчиков для часов, крючков для подвешивания полотенца и т. д.

Неизменным украшением сакли является холодное оружие. У одного из жителей селения Салги нам пришлось встретить шашку с прекрасным клинком, с несколькими надписями. На одной стороне:

---

[1] У горных ингушей, как и у осетин, употребляются скамеечки на трех ножках; шкуры, войлочные коврики и циновки подстилаются на ночь под матрацы на нарах или на глиняном полу.

Anno 1656
ESZI[1] ERIRI

На другой стороне:

ERIRIE[2] IRE

Рукоять и ножны кавказской работы (серебро с чернью); вокруг рукоятки надпись:

Т. ПОПОВА г. ВАРШ(АВА) 1845-ГО.

По старинному обычаю в комнатах вешают пучки сухой ароматной травы [3].

В памяти стариков сохранилось много ценных воспоминаний о былой жизни, различных преданий и поверий. С их слов еще можно записать сказания о древнейших обитателях края, о «феодальной» эпохе, о культе святилищ, некогда пользовавшихся большим почетом.

Например, в селении Фуртоуг Бибо Ахриев (85 лет) рассказал, что в Джераховском ущелье неизвестному народу «джелты» приписываются погребения в могильнике, на котором мы делали раскопку. Каменная статуя, находящаяся в том же селении,—остаток доингушской культуры. Из ингушей первыми в Фуртоуге поселились Ахриевы, Боровы и Льяновы; их родоначальник, по имени Дзарех, был родом из Аварии. На одно или два поколения позже прибыли в Фуртоуг Хаматхановы и Цуровы. Надземные склепы в Фуртоуге выстроены одновременно с основанием селения; один из них принадлежит роду Льяновых (пирамидальный), другой — Ахриевых (конусообразный) [4]. Там, где теперь обнажился древний могильник, в старину было священное место. В мае устраивался праздник. Пекли треугольные пироги. Резали козлят, шкуры которых развешивали на вилообразных шестах. Для шестов рубили деревца; поручали это делать юношам, причем деревцо надо было срубить одним ударом. На священном месте молились и лечились от

[1] В этом месте в надписи находится знак, который по техническим причинам нельзя было точно воспроизвести при напечатании статьи—знак в виде двух дуг, образующих при пересечении вниз петлю.

[2] Здесь помещен тот же знак в перевернутом виде (петлей вверх).

[3] Ингушское название этой травы — *епар*.

[4] Х.-Б. Ахриев и некоторые другие местные жители утверждают обратное: пирамидальный склеп принадлежит Ахриевым, конусообразный — Льяновым.

сглаза. Магометанство, боровшееся с язычеством, упрочилось здесь лет 50 назад.

Эджи Ахриев (89 лет) подтверждает, что первыми поселенцами в Фуртоуге были, по фамильным преданиям, Ахриевы, Боровы и Льяновы. По его словам, склеп Ахриевых воздвиг Дуго Ахриев лет 140—160 назад; Эджи Ахриев является внуком Дуго. Первая башня в Фуртоуге была сооружена Льяновыми лет 200 назад.

Колебания в датах обычны в устных рассказах. Для нас важно здесь обстоятельство, что ингуши считают себя пришельцами, явившимися откуда-то с востока[1].

К святилищам, опустевшим и заброшенным, местное население относится с полным равнодушием. За последние два — три десятилетия, по свидетельству стариков, святилища почти совсем забыты. Рассказывают, что в Джераховском ущелье, несколько лет тому назад, во время засухи было совершено на вершине Столовой горы моление о даровании дождя.

В 1927 году нам пришлось наблюдать праздник, устроенный жителями соседних аулов — Бейни, Мецхала и других. Приурочен он был к началу покоса, справлялся на вершине горы, расположенной между Бейни и Мецхалом. На просторной поляне, окаймленной густым кустарником, собралось мужское население. Посреди поляны был сооружен невысокий столпообразный памятник, грубо сложенный из камней, с прямоугольным основанием. Справа от него, на траве, лежала туша свежезарезанного молодого быка. Слева, лицом к югу, выстроились в ряд десять стариков; одиннадцатый (мулла) стоял впереди. Молились они долго, слова произносили полушепотом. По сторонам столпились мужчины помоложе, юноши и дети. После моления старики уселись в тени ветвей, воткнутых в землю. Всех присутствующих угощали едой, состоявшей из пшеничных лепешек (напоминающих оладьи), топленого масла, смешанного с мукой, и тонких круглых пирогов с сыром. Подобное празднество, как говорили старики, совершается два раза в год — перед пахотой и покосом. Муж-

[1] Ч. Ахриев в 70-х гг. прошлого века указывал, что ингуши считают своим родоначальником выходца из Аравии или из другой восточной страны. («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VIII. Тифлис, 1875, стр. 1—3); под «джелтами» он подразумевает греков (там же, стр. 6).

чины, расходящиеся по домам, уносили распределенное между всеми мясо быка (в сыром виде)[1].

В настоящее время ингушские святилища обращены в загоны для скота или в склады для сельскохозяйственных принадлежностей.

Население со сдержанным суеверием относится к обследованию надземных склепов и к раскопкам. Так, например, нисколько не препятствуя раскопкам в Фуртоуге, некоторые из местных граждан предупреждали нас, что это может вызвать появление дождя.

На пчельниках в селениях Мецхал и Лежг мы видели различные амулеты, предохраняющие от дурного глаза, — примитивное изображение человека на клочке бумаги, яичную скорлупу, нанизанную на палочку, и прочее. Амулеты в виде маленьких кожаных ладанок надевают на шею детям.

Участники экспедиции З. К. Мальсагов и Х.-Б. Ахриев производили запись словарного материала для намеченных Институтом к печати 2-го издания ингушско-русского словаря[2] и поверий.

Большой интерес представляет изучение топонимики. Некоторые географические названия возводятся к именам легендарных ингушских героев; например, аулы Хамхи, Эгикал и Таргим названы по имени трех братьев. Название аула Эрзи означает в переводе «орел», аула Вовнушки — «башенное место», аула Фуртоуг — «ни твое, ни мое». Х.-Б. Ахриев разъясняет, что, по местной легенде, родоначальники фамилий Ахриевых и Льяновых спорили, чьим именем назвать их аул (Фуртоуг), и вопрос, вследствие обоюдного упорства, остался открытым.

Приводим перевод еще нескольких местных названий, осуществленный с помощью Х.-Б. Ахриева: Гу — «холм», Лейлаг — «село рабов», Кост — «лыко (с ко-

---

[1] Аналогичный праздник имеется и у осетин. В. Ф. Миллер сообщает, что плоскостные дигорцы в воскресенье перед сенокосом режут в поле бычка, собирают на «кувд» старых и молодых, приносят сырники и араку; пиршество продолжается до вечера; на следующий день начинается сенокос. («Осетинские этюды», вып. 2. М., 1882, стр. 277—278).

[2] Первый ингушско-русский словарь составлен З. К. Мальсаговым и напечатан в «Ингушской грамматике» (Владикавказ, 1926, стр. 53—112).

рой)», Карт — «плетень», Кашиете — «место кладбищ», Мецхал — «тяжелый голод», Лежг — «мешок из кожи» (для зерна), Кяхк — «клен», Памет — «место сел», Хастмак — «ключ» (родник), Галашки — «место крепости».

Названия эти, как видим, очень разнообразны и заключают в себе отголоски преданий или указание на внешние характерные признаки аулов; так, например, аул Вовнушки отличается живописным расположением башен на скалах, аул Кашиете изобилует подземными погребениями, громадный могильник близ аула Памет свидетельствует о том, что эта местность некогда была густо заселена. Интересно также, что древнее название ингушского народа галгай означает в переводе, как предполагает Х.-Б. Ахриев, строитель башни. Ингуши, как известно, действительно были искусными мастерами по сооружению башен. До последнего времени ингушские географические названия не были предметом специального изучения; в научных трудах и на географических картах мы встречаем нередко одни и те же наименования в различных вариантах. В частности, в печати и в быту употребляют двоякое название для ингушской земли — «Ингушетия» и «Ингушия»[1].

Чрезвычайно своеобразна и замкнута жизнь пастухов на Столовой горе. Ее вершина, длиною в несколько километров, представляет собою покатое к югу плато, поросшее сочной травой и изрезанное глубокими расселинами; она служит пастбищем для мелкого и крупного скота. Скот пасется в течение теплого времени года под присмотром пастухов и овчарок. Лошади сильно дичают на воле, бродят табунами по обрывам и в лощинах, купаются в котловане, наполненном мутной водой, пугливо разбегаются при появлении человека. Пастухи утоляют свою жажду из родников, кое-где пробивающихся из трещин скал. На ночь они с овцами укрываются в глубокие пещеры, расположенные на южном склоне вершины горы.

---

[1] Современные лингвисты-кавказоведы (Ю. Д. Дешериев и др.) придерживаются первого названия — «Ингушетия». Во избежание недоразумений в данной брошюре мы также будем употреблять это написание. (Прим. ред.).

В настоящее время памятники древности быстро ветшают и разрушаются. Меняется и вид жилых сооружений. Кое-где черепичная кровля встречается не только в Джераховском ущелье, но и Ассинском. В Ассинском ущелье в 1926 году был открыт первый кооператив. В Джераховском районе сооружен санаторий, развивается экскурсионное дело. Исчезает старина и в быту. Отмирают древние обычаи и суеверия; все более входят в употребление предметы домашнего обихода, доставляемые из города, — утварь, мебель и т. д.; меняется, также под влиянием города, покрой одежды.

Менее заметны следы старины на равнине. Ингуши стали переселяться с гор к началу XIX в. Жизнь для них сложилась здесь в иных, несравненно более благоприятных условиях. Селения многолюдны, окружены садами. В просторных усадьбах размещены две-три семьи; таким образом, еще сохраняется патриархальность быта. Жилища светлее и чище горных. В домашней обстановке, в хозяйственном инвентаре, в одежде заметно более сильное влияние города. Так, здесь не редкостью являются оклеенные обоями стены, железные переносные печи, швейные машины, хорошая городская мебель и прочее. Встречаются вышивки — с золотом по бархату — в том же роде, что и в горах. Очень изящны и богаты праздничные наряды девушек (селение Сурхохи).

В селении Нижний Ачалук на двери дома, в котором мы остановились в 1925 году, нами были замечены вырезанные знаки тавро различного вида (пять знаков). Дверь старинная, но была подновлена — покрыта масляной краской. Знаки нами зарисованы.

Отзвуки далекого прошлого оживают в рассказах стариков, которые передают легенды о ногайцах и кабардинцах[1], о мавзолее Борга-Каш или более правдоподобные рассказы об эпохе Шамиля. В то же время в обычаях, исторических преданиях, в народной поэзии и в вещественной культуре ингушей есть немало черт, присущих и другим кавказским народам, в особенности живущим по соседству с ингушами, — чеченцам, осетинам, хевсурам.

[1] По преданиям, на равнине до ингушей жили кабардинцы, а еще ранее — ногайцы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ В ИНГУШЕТИИ В 1928—1929 ГОДАХ

1

В 1928—1929 годах Ингушским институтом краеведения был выполнен ряд экспедиционных археолого-этнографических обследований, служащих продолжением ранее начатых исследовательских работ тем же Институтом[1]. Разыскания производились в горных местностях Ингушетии (в 1928 и 1929 гг.) и в районе Военно-Грузинской дороги (в 1929 г.).

В задачи обследования входило изучение памятников древности и быта ингушей; работа сопровождалась обмером, фотографированием и зарисовкой разнообразных памятников, разведочными раскопками, записью фольклора, сбором коллекций[2]. Поездка в район Военно-Грузинской дороги была совершена с целью изучения некоторых вопросов, касающихся взаимоотношений культур Ингушетии и Грузии.

В обследовании, совершенном в пределах Ингушетии, принимали участие научные сотрудники Института и его Научного музея: Л. П. Семенов (археолог, руководитель экспедиции), Х.-Б. Ахриев (художник) и И. П. Щеблыкин (художник-этнограф), а также студент этно-

---

[1] См. об этом в следующих статьях и заметках: Семенов Л. П. «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 гг». («Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения», вып. I. Владикавказ, 1928); «Мавзолей Борга-Каш» (там же); «Эволюция ингушских святилищ» («Труды секции археологии и искусствознания», РАНИОН, т. IV. 1928); Этнографическая работа в Ингушской Автономной области («Этнография», 1929, № 1); Краеведческая работа в Ингушской области («Новый Восток», т. XXV. 1929); Щеблыкин И. П. «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры» («Известия Ингушского института краеведения», вып. I. Владикавказ, 1928); «Путеводитель по Ингушетии». Владикавказ, 1929; Проф. Бороздин. «Ингушетия» («Прожектор», 1927, № 24); В «В горной Ингушетии» («Новый восток», тт. XX—XXI, 1928); Лукин Б. В. «Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 году» («Бюллетень Северо-Кавказского Бюро Краеведения», 1927, №№ 1—6, 1927); «Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 году». Ростов-на-Дону, 1928.

[2] Археолого-этнографическая экспедиция являлась частью комплексной экспедиции Института, в которой принимали участие специалисты по экономике, ботанике, зоологии и другим дисциплинам.

логического отделения I Московского Государственного университета Е. И. Крупнов (1929 г.). В поездке по Военно-Грузинской дороге участвовали Л. П. Семенов и И. П. Щеблыкин; поездка эта была согласована с Наркомпросом Грузинской ССР.

Посещенные нами районы изобилуют разнообразными надземными и подземными памятниками, которые, как и в предыдущем очерке, мы подразделяем на три основные группы:

1) памятники оборонительного характера;
2) памятники религиозного характера;
3) памятники погребального характера.

Отмечаем важнейшие наблюдения, сделанные участниками экспедиции при обследовании памятников указанных категорий и при изучении быта ингушского народа.

II

Во всяком горном ингушском селении встречаются старинные башни — жилые и боевые, имеющие различные варианты. Более древними, по нашим наблюдениям, следует считать жилые башни; по кладке и общей композиции они несравненно примитивнее боевых. Каждый род владел одной или несколькими такими башнями, примыкавшими одна к другой и представлявшими просторное и надежное укрепление. В этих башнях ютились родственные семьи со всем имуществом. Характерные особенности упомянутых построек — прямоугольное основание, слегка суживающиеся кверху стены, входы и окна с полукруглым сводом; междуэтажные перекрытия делались из толстых балок, поддерживаемых искусно сложенным центральным столбом, строившимся в высоту всей башни, имевшей 2—3 яруса. В нижнем этаже, в одном из углов, устраивался каменный «мешок» для хранения зерна; этот «мешок» иногда замаскировывался каменной лестницей, ведущей во второй этаж, или иначе. Внутри башни в стенах обычно делались ниши для хранения мелких хозяйственных предметов. Дверь, ведущая в нижний этаж, состояла из двух массивных створок; изнутри она запиралась поперечным деревянным болтом, отодвигавшимся в глубокий канал, сделанный в стене. Снаружи к двери прикреплялся

большой деревянный замок. Кровля жилых башен плоская, прикрытая слоем земли. Для оборонительных и наблюдательных целей делались бойницы, иногда защищенные каменными выступами, расположенными над входом нижнего этажа (Горак, Эгикал). Чрезвычайно интересны гигантские жилые башни в селении Лейлаг; междуэтажные перекрытия в них большей частью рухнули, но стены, при сравнительно значительной высоте, сохранились еще хорошо.

Боевые башни, отличающиеся более тщательной и сложной архитектурой, обычно непосредственно примыкают к жилым постройкам, реже — отстоят от них на некотором расстоянии. Основание квадратное или приближающееся к нему. Площадь его — около 25 квадратных метров. Стены сильно суживаются кверху. Кровля нескольких видов. Число ярусов от 4 до 6. У каждого этажа было особое назначение.

Подробное описание наружного и внутреннего устройства башен имеется в обстоятельной статье И. П. Щеблыкина, упомянутой выше. Сообщаем некоторые дополнительные сведения. Нам пришлось измерить замковый камень, упавший в селении Эрзи с одной из боевых башен. Он имел гладкое овальное основание (0,27 м × 0,31 м); высота его равнялась 0,54 метра. Камни эти не вделывались в кровлю, а ставились на верхнюю плиту ее и держались благодаря своему значительному весу. Точно так же ставились замковые камни на башенных склепах. В одном из замков, находящихся в селении Эгикал, устроена широкая каменная лестница, ведущая на второй этаж; под нею находится глубокий тайник. В селении Отзик в замковом укреплении имеется закругленная стена; пристройка такого рода была отмечена нами раньше в селении Хамхи. В некоторых смежных башнях сообщение поддерживалось при посредстве наружных привесных горизонтальных помостов; такие помосты сохранились в селении Лейлаг. Боевая башня замка в селении Белхан имеет необычное расположение окон — по два рядом в одном этаже, а также многочисленные крестообразные углубления. Несколько похожа на нее башня в опустевшем селении Магате (близ Салги).

Чрезвычайно живописна и интересна по некоторым характерным особенностям боевая башня, находящаяся

к северо-западу от селения Гу и называющаяся Магой-джел («джел» — по-ингушски овчарня). Она сооружена между двумя гигантскими глыбами скал и имеет в нижней части обширную пещеру (10×10 м), служащую для загона скота. Кровля башни и перекрытия этажей обрушились; на углах сохранились зубцы. Нередко на стенах башен высечены разнообразные изображения в виде крестов, кругов, человеческих фигур (иногда вооруженных луком), змей и др.; особенно много таких изображений в селении Эгикал.

В 1928—1929 годах нами подробно осмотрены многочисленные святилища, основными видами которых являются: 1) христианские храмы, впоследствии превращенные в кладбища, 2) христианско-языческие храмы, сохранившие преемственную архитектурную связь с первыми, 3) столпообразные языческие святилища, почти утратившие связь со вторым видом. Каждый из этих видов имеет свои варианты.

Сооружения первого и второго вида, обычно, по виду имеют некоторые общие черты: продолговатое прямоугольное основание, вход с полукруглым сводом, двускатную кровлю, желтую облицовку, каменную ограду, примыкавшую с одной или двух сторон. Памятники второго типа очень похожи по наружному виду на надземные склепы со ступенчатой двускатной кровлей. Эти храмы имеют внутри одну или несколько арок, иногда каменный алтарь (Маги-Ерды) или столп с нишами для икон (храмы в селениях Морч и Карт). Наиболее древними мы считаем христианские храмы, более поздними — сооружения второго вида, позднейшими — столпообразные святилища, отличающиеся иногда чрезвычайной примитивностью.

Помимо храмов, упомянутых нами в отчете о работе 1925—1927 годов и подвергшихся впоследствии дополнительному осмотру, в 1928—1929 годах нами были обследованы еще следующие:

Дик-Сели (на Столовой горе близ селения Фуртоуг), Тушоли (близ селения Лежг), святилище в селении Морч, святилище Мецхали (близ селения Мецхал), святилище в заброшенном поселке Кербите (близ селения Эрзи), храмы Галь-Ерды, Болам-дэла и Тушоли на горе близ селений Шуан и Терш, святилище Мекал (близ Шуана), святилища в селениях Бишт, Дошхакле, Кок,

Карт[1], Бархин, Гадаборш. Внешний вид храмов более или менее одинаков, но во внутреннем устройстве их замечаются большие различия; они имеют одну или несколько арок (в селении Карт 3, в селении Гадаборш 2, в Галь-Ерды 2, в селениях Дошхакле и Бархин 1); иногда внутри встречаются столпы с нишами (в селениях Карт и Морч) или подобие верхней части такого столпа, тоже с нишей (селение Бархин). Храм в селении Гадаборш делится глухой стеной на две неравные по величине части[2]; многие храмы не имеют внутри арки. Встречаются храмы чрезвычайно небольшие по размерам, даже лишенные входа (Дик-Сели).

Некоторые храмы украшались снаружи рогами быков или оленей, вделанными в стены (Маги-Ерды, святилища в селении Карт и др.). Над входом в святилище в селении Бархин имеется отпечаток руки, оттиснутой в наружной облицовке. Ниши в стенах внутри храма обычны; реже они сделаны снаружи (в селениях Эрзи, Дошхакле, Карт, Аушасел).

К сожалению, инвентарь храмов давно подвергся разграблению или был припрятан жрецами; теперь он может быть восстановлен лишь после тщательных, упорных разысканий. Прежние исследователи не проследили одной характерной особенности, присущей ингушским святилищам, — наличие в них тайников. Нами установлено, что в каждом святилище, в одном или в нескольких местах, бывают устроены в стенах тайники в виде канала, изгибающегося под прямым углом. Такие тайники во многих храмах обнаружены нами в различных местах: над входом, в алтарной или противоположной ей стене, в арках. Почти все тайники были опустошены ранее самими жрецами или кладоискателями, но в двух храмах в таких тайниках нами были обнаружены в 1928 и 1929 годах ценные предметы, а именно: 1) в храме Галь-Ерды, в замурованном тайнике, найдены 13 медных старинных церковных сосудов, 2) в храме Эрзе-

---

[1] По Г. А. Вертепову название этого храма Делите или Долте (см. его статью в газете «Терские Ведомости», 1897, № 150).

[2] Название этого храма Дзорах-дэла (см. очерк Б е р ж е С. А. Кавказ в археологическом отношении, Тифлис, 1874, стр. 68).

ли (в селении Эрзи) — три железных креста[1] и шесть одинаковых бронзовых орнаментированных блях. Кроме того, в одной из ниш в храме селения Дошхакле найден медный колокольчик. При содействии одного из жителей селения Шуан получены два предмета из святилища Мекал — железный трезубец, употреблявшийся при варке мяса, и железный вертел в виде трезубца с подставкой; в том же святилище найден обломок деревянного совка с остатками резьбы. В храме Маги-Ерды взяты деревянный кубок и два обломка глиняного сосуда с цветной поливой; в храме селения Кок найдено несколько стеклянных бус.

Среди сосудов, найденных в храме Галь-Ерды, имеются 10 чаш, 1 кувшинчик, 1 ковш, 1 обломок сосуда. Пять чаш орнаментированы; мотивы орнамента: 1) растительный (трех-и восьмилепестковый цветок), 2) геометрический. Величина сосудов: чаши — в высоту от 3,2 до 6,8 сантиметра, диаметр их верхней части — от 3,9 до 16 сантиметров, высота кувшинчика — 9,9 сантиметра; длина ковша — 34,5 сантиметра. На одной из чаш, с наружной стороны, вокруг всего сосуда имеется грузинская надпись, сильно стершаяся; неясные следы грузинской надписи имеются и на ручке ковша. Сосуды носят следы долгого употребления, но сохранность их удовлетворительная; лишь у одного сосуда сбоку имеется отверстие.

Столпообразные святилища с одной или двумя нишами встречаются во многих селениях (Эрзи, Эгикал, Кост и др.). Эти памятники имеют нередко двускатный верх, украшенный несколькими каменными плитами, расположенными уступами. В упомянутой статье об эволюции ингушских святилищ мы высказали предположение, что эти памятники более позднего, по сравнению с другими святилищами, происхождения и представляют подражание: 1) алтарной стене храмов, имеющей ниши или даже подобные столпы (в селениях Морч и Карт), и 2) ступенчатой кровле храмов. Средняя высота таких памятников около двух метров, но встречаются памятники еще большего размера (напр., в селении Эгикал).

[1] В ингушских коллекциях, описанных Уваровой, упоминается железный крест, кованный из цельного куска железа, из Галгаевского общества, переданный А. В. Комаровым («Коллекции Кавказского музея», том V. 1902, № 187).

Исключительный интерес представляет фаллический памятник, стоящий возле ограды храма в селении Кок. Он имеет вид четырехгранного каменного столба высотой в 1,42 метра, утвержденного на камне больших размеров; на этот столб надета каменная грибообразная шапка. Общая высота памятника 1,65 метра, окружность верхней части: вверху — около 0,56 метра, внизу — 1,14 метра. Сохранность памятника отличная.

К памятникам религиозного значения принадлежит четырехконечный каменный крест, находящийся близ полуподземного склепа между селениями Карт и Кели. Он вставлен в углубление, сделанное в громадном камне; высота креста — 1,75 метра.

К древнейшим могильным памятникам горной Ингушетии принадлежат погребения в каменных ящиках и подземных склепах. Могильники этого рода встречаются во многих местах. Они пока очень мало обследованы, и поэтому изучение их представляет выдающийся интерес. В нескольких местах нами произведены разведочные раскопки и осмотрены многие, уже вскрытые и опустошенные, подземные склепы. Отмечаем главнейшие подробности наших разысканий.

Раскопки производились нами в селениях Фуртоуг, Памет и Бишт; подземные и полуподземные склепы обследованы в окрестностях селения Шуан (в местности Мохте) и возле развалин селения Магате (в окрестностях Салги).

В селении Фуртоуг раскопка выполнена на трех отдельных могильниках: один находится на расстоянии около 1 километра от селения Фуртоуг, два других — непосредственно примыкают к селению с восточной и западной сторон.

Следы первого могильника были замечены в срезе дороги, ведущей от современного кладбища к селению. Здесь был обнаружен разрушающийся каменный ящик с костяком, лежащим на спине в вытянутом положении. При нем найдены два железных предмета—шило и нож.

При обследовании древнего кладбища, находящегося в западной части селения, было установлено обнажение нескольких каменных ящиков. В 1928 году мы обследовали шесть могил с каменными ящиками. В каждой находилось по одному костяку; одна из могил ока-

залась раскопанной. Размер могил первого и второго могильников: длина — от 1,50 до 1,75 метра, ширина — от 0,34 до 0,45 метра, глубина — от 0,20 до 0,32 метра. Устройство их: ящик сложен из шиферных плит, прикрыт сверху плитами в один или в три слоя (в одной могиле). Положение костяка во втором могильнике — на правом боку в вытянутом положении (в двух могилах) или в полускорченном (в двух могилах); в двух могилах ввиду их сильного повреждения (одна была раскопана раньше) точное положение костяка нельзя было установить. В одной из могил (детской) было заметно присутствие разложившегося деревянного гроба. Ориентация могил различна: 1) с северо-запада на юго-восток, 2) с юга на север, 3) с запада на восток. Инвентарь могил количественно довольно беден; в трех из них при костяках не было обнаружено никаких предметов; в остальных найдены следующие изделия: в мужской — бронзовая шарообразная пуговица, железный нож, обломки разложившегося железного предмета, в женской — исключительно бронзовые предметы: тонкая шпилька, шарообразные пуговицы, подковообразная подвеска с цепочкой, перстень.

В 1929 году нами была выполнена раскопка и на восточном могильнике селения Фуртоуг. Могильник этот одной стороной примыкает к селению, другой—обращен к крутому обрыву. Здесь можно отметить погребения различного рода и различных эпох: 1) каменные ящики, 2) надземные склепы (один конусообразный и один четырехгранный), 3) позднейшие погребения, отмеченные вертикальными плитами или деревянными столбами. Могильник пересекается проезжей дорогой. Со стороны обрыва, близ конусообразного склепа, во многих местах видны остатки каменных ящиков, разрушенных вследствие размыва и выветривания почвы. Для раскопки были намечены две могилы, неглубоко залегавшие и начавшие обнажаться, ориентированные с северо-запада на юго-восток. Одна из них имела сверху прикрытие из плит в четыре слоя, другая — в один; дно обеих было выстлано каменными плитами. Размер первой: длина — 1,81 метра, ширина в головах — 0,38 метра, в ногах — 0,35 метра, глубина в головах — 0,64 метра, в ногах — 0,51 метра; размер второй: длина — 1,93 метра, ширина—0,37 метра, глубина в головах—0,52 метра, в

ногах — 0,55 метра. В первой находился мужской костяк, лежавший на правом боку; правая рука была вытянута, левая согнута, при чем кисть руки находилась на черепе; ноги в коленях согнуты. Инвентарь: бронзовая круглая полая пуговица, два бронзовых неспаянных проволочных кольца, железный наконечник стрелы, обломок разложившегося железного предмета. Во второй находился женский скелет, лежавший на правом боку, правая рука вытянута; кисть левой руки лежала на уровне талии; ноги в коленях согнуты. Инвентарь: бронзовая круглая полая пуговица, бронзовая пуговица другого типа, два бронзовых кольца (одно с печатью), бронзовое колечко, железное колечко, железный нож.

На могильнике близ селения Памет были обследованы два частично обнажившихся каменных ящика, имевших ориентацию с северо-запада на юго-восток. В обоих дно было выстлано каменной плитой. Точный размер одного, вследствие значительной поврежденности, установить было нельзя; размер второго: длина — 1,86 метра, ширина — 0,33 метра, глубина — 0,38 метра. В первом находился костяк, лежавший на спине, с вытянутыми конечностями, без каких-либо предметов; во втором — костяк на правом боку, с согнутыми ногами; при нем найден железный нож. Оба погребения мужские [1].

Могильники селений Фуртоуг и Памет имеют однородную культуру, датируемую VI—IX вв. [2]. Могильник близ селения Бишт был отмечен нами еще в 1926 году, но подробное обследование его и раскопки на нем были выполнены в 1929 году. В научной литературе упоминаний об этом памятнике до сего времени не имелось. Расположен он у самого перевала Цей-Лам, на пологом холме, понижающемся в сторону Бишт. Приблизительный размер могильника — около 70 метров в ширину и 80 метров в длину. С северо-запада и юго-запада на краю холма для коллективных погребений находятся подземные склепы с мощной кладкой; 17 из этих склепов уже вскрыты и опустошены. По-видимому, раскопки носили кладоискательный характер. Верхняя часть холма покрыта многочисленными невысокими вертикальными плитами, указывающими на присутствие подземных мо-

[1] Описание могильника селения Памет дано на стр. 18.

[2] См. об уточненной датировке (XI в.) этого могильника: В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 101. (Прим. ред.).

гил другого типа. Над некоторыми могилами заметна невысокая насыпь. Все пространство, занятое могильником, поросло густой травой. Местность близ селения Бишт, находящаяся в полосе частых дождей и туманов, изобилует широко разливающимися ручьями. Почва сильно насыщена влагой, разрушающей подземные погребения. На этом могильнике в двух местах, на краю холма и в его середине, нами было вскрыто по одному погребению с каменным ящиком. Оба погребения снаружи были отмечены вертикальными камнями. Один ящик находился на глубине 0,75 метра, другой — 0,95 метра. Первый имел ориентацию с северо-востока на юго-запад, второй с северо-запада на юго-восток, и тот и другой были прикрыты сверху плитами в один слой. Размер первого: длина — 1,88 метра, ширина — 0,31 метра, глубина в головах — 0,36 метра, в ногах — 0,25 метра; размер второго: длина — 2,05 метра, ширина в головах — 0,65 метра, в ногах—0,60 метра, глубина — 0,46 метра. В первом ящике находилось мужское погребение, во втором — женское. Костяки очень плохой сохранности; оба имели одинаковое положение — вытянутое на спине. Стены каменных ящиков и дно были очень влажны. Инвентарь первой могилы: железный нож, железная пряжка, обломок бронзовой шарообразной пуговицы, обломок цветной бусины, глиняный кувшин красного цвета. Инвентарь второй могилы: 4 железных ножа, бронзовые шарообразные пуговицы, железные ножницы для стрижки овец, серебряная шарообразная пуговица, две серебряных серьги (в виде кольца с колонкой и зернью на конце), бронзовый наперсток, железные пряжки, бронзовое колечко. Отметим, что изящная серебряная пуговица, найденная в одной из данных могил, аналогична пуговице из подземных склепов Магате (об этих склепах упоминаем ниже); бронзовый наперсток могильника Бишта похож на наперстки, найденные нами в подземных склепах Мохте (о них см. ниже); бронзовые шарообразные пуговицы характерны для каменных ящиков селения Фуртоуг; изящные серебряные серьги Бишта напоминают серьгу из Казбекского могильника[1]; Бишта датируется эпохой VI—IX вв.

Чрезвычайно интересный материал дало обследова-

[1] См. МАК, т. VIII, стр. 155, рис. 155.

ние подземных и полуподземных склепов в могильниках близ покинутого древнего селения Магате (недалеко от селения Салги) и на горе, возвышающейся над селением Шуан, в местности Мохте.

Могильник Магате расположен на гребне высокой горы Заглдук, находящейся против селения Салги. На этой горе, поросшей густым сосновым лесом, между святилищем Маги-Ерды и развалинами Магате разбросаны многочисленные склепы. Они врыты в скалу; свод их, сложенный из камня и покрытый толстым слоем дерна, возвышается над землей невысоко и имеет низкую фасадную стену с прямоугольным лазом. Склепы эти, являющиеся по своему устройству промежуточным звеном между подземными и полуподземными, отличаются прочностью кладки, сложены на извести, имеют продолговатое, прямоугольное основание; стены кверху постепенно суживаются; вверху свод слегка приплюснут. Некоторые склепы совершенно погружены в землю, но имеют такое же устройство. В стенах склепов внутри сделаны неглубокие прямоугольные ниши. Размер их: длина — 3—4 метра, ширина и высота—около 1,5—2 метра. Ориентировка склепов различна, но большею частью лазы их обращены к северо-западу.

Раскопки производились здесь в 90-х годах XIX в. Г. А. Вертеповым; часть собранных им коллекций находится в Чечено-Ингушском музее краеведения. Значительное число склепов сделалось жертвой кладоискателей, которые кладоискательством занимались, по-видимому, разновременно. Из предметов, найденных ранее в этом могильнике, большую ценность представляют два глиняных кувшинчика с резными древне-грузинскими надписями, хранящиеся в Ингушском музее.

Своды некоторых склепов обрушились внутрь погребальных камер и для их обследования необходима длительная и упорная работа. Мы поставили своей целью в первую очередь подробно обследовать вскрытые, но не совершенно заваленные внутри склепы. Таких склепов мы осмотрели пять; в них найдено большое количество ценных и разнообразных предметов: бронзовые изящные подвески, серебряные серьги в виде кольца с коротким неподвижным стержнем, унизанным зернью, стеклянные бусы, точильные камни, глиняные кувшины, различные железные изделия—ножи, наконечники стрел, ножни-

цы и проч. Обряд погребения не представляется возможным установить. Остатки костяков указывают на коллективные погребения (15—20 и большее число). Невозможно по данным разрушенным склепам проследить с определенностью имеющиеся в них культурные наслоения.

Не меньший интерес представляет едва ли не самый обширный могильник в Ингушетии, находящийся в окрестностях селения Шуан. Он расположен на высокой горе, в местности Мохте. Здесь разбросано громадное количество (вероятно, не менее сотни) полуподземных и подземных склепов. Имеются они и на восточном склоне гребня, и на самом гребне и, большей частью, на западном склоне, местами поросшем густым кустарником. Все полуподземные склепы и значительная часть подземных разрушены кладоискателями. В. Ф. Миллер, посетивший данный могильник в 1886 году и производивший здесь разведочные раскопки, отмечает, что одни склепы провалились от действия времени, другие разрыты [1]. За сорок с лишним лет, прошедших с тех пор, могильник пришел в еще большее запустение.

По нашим наблюдениям, здесь имеются склепы трех основных типов: 1) древнейшие — совершенно погруженные в землю и заметные снаружи по невысокой насыпи; 2) более поздние, с явственной выпуклостью, образованной сводом, и очень невысокой фасадной стеной; 3) позднейшие, по сравнению с первыми, — с подземной камерой, ступенчатой кровлей, наполовину выходящей из-под земли. Они имеют более высокую фасадную стену с прямоугольным лазом и с просверленными плитами, вделанными в эту стену. В 1928 и 1929 годах мы осматривали лишь поврежденные склепы, подвергшиеся опустошению, но не заваленные обломками кровли.

Склепы сложены на извести, имеют двускатную кровлю, у многих из них задняя стена образована выступом скалы. Кровля прикрыта слоем дерна. В каждом склепе имеется прямоугольный лаз. Размер склепов различен: длина — 3—5 метров и более, высота — 1,5—2 метра и более, ширина — около 2 метров и более. В стенах, внутри, нередко сделаны неглубокие прямоугольные ниши. В задней стене, во многих склепах, устроена полка,

[1] МАК, т. I, стр. 29.

образованная выравненным выступом скалы или каменной плитой. Встречаются склепы, состоящие из двух частей: первая представляет собою тесное, низкое преддверие, вторая — обширный склеп, отделенный от передней камеры каменной стеной с обычным прямоугольным лазом. Вследствие каменистой подпочвы влага, поддерживаемая в этом районе обильно выпадающими осадками, задерживается в земле и проникает в склепы, отчего предметы из легко разлагающегося материала (из дерева, ткани) разрушаются почти бесследно. Для покойников устраивались полки из досок или каменных плит, возвышавшихся над землей в один или два яруса; покойников опускали также и прямо на дно склепа, в количестве 15—20 человек. Ориентация склепов различна, но значительная часть их обращена входным отверстием (лазом) к западу. В летнее время могильник этот, находящийся на большой высоте и видимый издалека, освещается солнцем до самого заката. Местное население называет его «райским».

Обряд погребения, вследствие полного разрушения склепов, установить нельзя, но, судя по наблюдениям, сделанным нами в менее расхищенных из них, покойники были положены на спину, с вытянутыми конечностями, в один слой на дно могилы; прочие погребенные занимали каменные или деревянные полки. Инвентарь очень разнообразен. Здесь найдены, например, бронзовые изделия (серьги, подвески, пряжки, наперстки и проч.), золотые (серьги), серебряные (серьги), железные (наконечники стрел, дротиков и копий, ножницы, ножи и др.), бусы из стекла и проч. Из отдельных предметов особенно ценны: глиняный сосуд с резной древне-грузинской надписью, обломок другого сосуда с аналогичной надписью, бронзовое круглое зеркало с рельефным растительным орнаментом, золотые, бронзовые и серебряные серьги различных типов, железные ножи с костяной орнаментированной ручкой, наконечник железной стрелы с черешком, оправленном медью, и др.

Склепы подобного типа были частично осмотрены нами и близ селений Дошхакле и Кок.

При обследовании могильных памятников в 1928—1929 годах главное внимание нами было уделено осмотру надземных и полуподземных

склепов, встречающихся в горных районах в большом количестве.

Наиболее распространенные виды склепов: 1) с неравносторонним прямоугольным основанием и ступенчатой двускатной кровлей; 2) с квадратным основанием и пирамидальной ступенчатой кровлей. Довольно часто, но в небольшом количестве встречаются склепы с круглым основанием и конусообразным или закругленным верхом. Более редки другие виды: 1) с квадратным основанием и гладкой пирамидальной кровлей; 2) с прямоугольным неравносторонним основанием, ступенчатой кровлей и поминальной камерой, открытой с фасада. Основные виды полуподземных склепов: 1) с двускатной ступенчатой кровлей, высокой фасадной стеной (иногда имеющей глубокую нишу) и погребальной камерой, вырытой в скале; 2) с низкой фасадной стеной, двускатной кровлей, покрытой дерном, и врытой в землю глубокой камерой (в упомянутых выше могильниках Магате и Мохте). К этим, ранее отмеченным нами видам следует добавить еще один, в нескольких экземплярах имеющийся в селении Эгикал: склеп с квадратным основанием, постепенно суживающимися кверху стенами, с плоской кровлей и зубцами по углам; склепы эти чрезвычайно напоминают боевую башню с такими же зубцами на углах (типа башни в селении Хани).

В селении Эгикал нами отмечено два чрезвычайно редких склепа. У одного из них, имеющего пирамидальную ступенчатую кровлю, в стене углубление в виде необычно затейливого геометрического рисунка. На облицовке другого, с такой же кровлей, нанесены краской различные рисунки: на одной стене — геометрического характера, довольно сложной формы (сильно поврежденные), на другой — несколько сцен, изображающих охоту на оленей. Фигуры оленей с детенышами и охотников (пешего и всадника) с копьями и собакой примитивны.

На одном из склепов, находящемся в окрестностях того же селения (несколько выше по ручью, на левом берегу), нам встретилась древне-грузинская надпись, сделанная в облицовке арки.

В ряде селений (Мецхал, Горак, Фалхан, Кошк, Эрзи, Эгикал и др.) обследовано значительное число надземных склепов. Многие из них были опустошены или

потревожены, но встречались и мало тронутые ярусы или отдельные погребения, позволяющие установить типичные черты последних и наличие инвентаря, отличающегося большим разнообразием.

Так, например, старинное мужское одеяние состоит из холщевой рубахи, холщевых штанов со вздержкой (иногда с кожаными штрипками), цветного шелкового халата, спускающегося ниже колен, с длинными рукавами (часто длиннее кистей рук), второго, более короткого, цветного, стеганого халата с укороченными рукавами, опоясанного белым холщевым кушаком или узким ремнем с медным или железным набором. На голову надевалась чаще — цветная стеганая шапка (иногда с кисточкой), реже — меховая, с цветным верхом. Обувь составляли сафьяновые чувяки (чаще красные, реже черные), иногда — башмаки или сапоги, подбитые железными скобками. Встречаются и более поздние погребения с шерстяными черкесками и газырями (деревянными или с костяной оправой). При мужских погребениях встречаются кожаные кисеты, в которые вложены деревянная трубка с глиняным чубуком, листья табака, огниво, трут, кремень; затем — железные ножи, кинжалы, луки со стрелами, музыкальные инструменты и прочее.

Женское одеяние состоит из холщевой или бумажной цветной рубахи, холщевых шаровар, цветного длинного халата, опоясанного кушаком; голова прикрыта куском холста (иногда им наглухо закрыто и лицо); нередко встречается особого рода головной убор — подобие изогнутого рога, суживающегося кверху и загибающегося спереди; сделан он из тонкого войлока, обтянут красной тканью, украшен перекрещивающейся перевязью и круглой выпуклой серебряной бляхой; старинное название такого убора «курхарс». У женщин волосы бывают заплетены в мелкие косы. На ногах сафьяновые чувяки. Для этих погребений характерны следующие предметы: дугообразные с 7—8 круглыми лопастями бронзовые или серебряные серьги, ножницы, медные перстни, стеклянные бусы, небольшое зеркало в деревянной оправе, кисеты из тканей или кожи, в которые вложены наперсток, моток ниток, деревянный или костяной гребень и прочее. Серьги бывают вдеты в уши или нашиты на ткань, которою окутывалась голова.

Мужские и женские тела положены вместе, в два—три слоя, на деревянных настилах, разделяющих склепы на несколько ярусов, и на земляном полу нижней камеры. Ориентировка покойников различна. Более редко они бывают вложены в колоды, прикрывающиеся опрокинутой колодой или доской и в двух — трех местах охваченные обручами. Детские погребения встречались нескольких родов; дети бывают положены: 1) в узкий ящик, напоминающий люльку, 2) в деревянную овальную коробку из лубка, 3) без гроба, завернутыми в длинный кусок белой ткани, 4) без гроба, завернутыми в защитную белую ткань (последние два способа применялись при погребении младенцев самого раннего возраста). В нетронутых детских погребениях найдены при костяках мальчиков альчики, железные ножи, у девочек — куклы (деревянные, в платьях) и маленькие кисеты; под головой детей бывали положены подушечки с землей.

В одном из склепов селения Тери найден поврежденный гроб, сплошь покрытый резьбой (с геометрическим рельефным орнаментом).

Нам встретились два нетронутых погребения в деревянных гробах. В обоих костяки лежали на спине, в вытянутом положении. В первом, мужском, инвентарь был беден; найдены оселок (у плеча), перстень на левой руке, несколько мелких бус; одежда истлела. Более богато было второе погребение, женское. Под черепом лежал, сложенный вдвое, головной убор «курхарс». На костяке были следы разложившейся одежды, по которым установили следующее одеяние. Верхняя одежда была из плотной шерстяной материи красного цвета, она спускалась до ступней ног. Талия была охвачена кушаком из более тонкой ткани, тоже красного цвета. Второй покров состоял из тонкой коричнево-красной материи; он имел вид длинной рубахи без воротника, с медными застежками и глубоким разрезом; справа, близ ворота, в ткань были воткнуты две железные иглы. На тело была надета холщевая рубаха желтоватого цвета, без воротника, застегнутая серебряной шарообразной пуговицей; разрез на груди менее глубок, чем во втором одеянии, рукава спускались ниже кистей рук. На ногах были широкие холщевые шаровары на вздержке, спускавшиеся ниже колен. Обувь состояла из шерстяных красных

ноговиц, доходивших почти до колен, и черных сафьяновых чувяк с острыми носками и глухим швом на подошве. Шея была повязана куском шелковой ткани (с полосами красного, зеленого и желтого цвета); на шею надета нить бус — сердоликовых и стеклянных. На левой руке было два серебряных перстня с цветными стеклами (на указательном и безымянном пальцах), на правой — один перстень (на мизинце). Под головой лежала небольшая холщевая подушка, набитая хмелем. Справа пояса лежали ножницы со спиральным кольцом в верхней части; немного ниже — три кисета (с мотками ниток); еще ниже лежал деревянный гребень; в ногах лежала неглубокая деревянная круглая чашка.

Экспедицией собрана обширная коллекция, в которую вошли: несколько одеяний, мужские и женские головные уборы, обувь (чувяки, сапоги, башмаки), пояса с металлическим набором, кисеты из ткани и кожи, с заключающимися в них мелкими предметами, перстни (серебряные и медные), бусы, газыри, серебряные и бронзовые серьги, деревянные сосуды, музыкальные инструменты, луки, железные ножи, железные ножницы, костяные и деревянные гребни, оселки, железные замки, медные наперстки и многие другие предметы. Особенно ценны халцедоновая полушарообразная печать с резным рисунком, малоазиатского типа[1], упомянутые выше резные доски от гроба, поясные орнаментированные пряжки из двух частей, металлический нательный крест, серебряная плоская подвеска изящной ажурной работы, бронзовое четырехгранное орнаментированное шило, серебряные и бронзовые восьмилопастные плоские серьги и др.

Упомянем еще о некоторых памятниках. Близ селения Дошхакле и в других местах того же района имеются остатки сооружений циклопического характера. Близ селения Кели находятся пещерные погребения; вход в пещеру прикрыт стеной, имеющей прямоугольный лаз.

---

[1] Размер печати: высота 2,2 сантиметра, диаметр — 3 сантиметра. Рисунок печати приближается к изображению, имеющемуся на одной из печатей, описанных проф. Захаровым А. А. в статье «Геммы и античные перстни Государственного исторического музея» (восточные печати с Кавказа в «Трудах секции археологии» РАНИОН, т. III. М., изд-во АН СССР, 1928, стр. 108, рис. 3).

III

В нашем предыдущем очерке мы уже указывали на связь ингушских памятников с памятниками смежных областей. Экспедиции 1928—1929 года дают очень интересный дополнительный материал по тому же вопросу.

Сходство ингушских башен с чеченскими и, в несколько меньшей мере, с осетинскими — общеизвестно, но до последнего времени не уделялось внимания сравнению ингушских башен с грузинскими. При обследовании района Военно-Грузинской дороги в 1929 году нами были осмотрены башенные сооружения в различных местах, причем установлено следующее. Грузинские боевые башни с квадратным основанием, суживающимися кверху стенами и плоской кровлей похожи на ингушские; они уступают последним в высоте, но общей структурой напоминают ингуше-чеченскую архитектуру; таковы, например, башни на станции Казбек, в селении Паншети и во многих селениях Койшаурской долины. В Грузии встречаются также и башни с зубцами на углах и с навесными бойницами, как, например, в селениях Паншети и Сиони. Наконец, в Ананурском замке имеется башня с пирамидальной ступенчатой кровлей, чрезвычайно напоминающая ингушские башни[1]; характерные особенности, отличающие эту башню от ингушских, — менее значительная высота, отсутствие машикулей в верхнем ярусе. Ступенчатое построение кровли имеется также над одной из больших бойниц живописного замка Шиолашвили, в селении Цно.

Возле зубчатой башни, находящейся в селении Паншети, имеется небольшая пристройка, прикрывающая лаз нижнего этажа. Кровля этой пристройки ступенчатая; она сильно напоминает кровлю двускатных ингушских склепов и храмов[2]. Форма круглой зубчатой башни, широко распространенная в Грузии, в Ингушетии не встречается; в Ингушетии очень редко попадаются, как

[1] Изображение Ананурского замка см. в МАК, т. VII, табл. VIII.

[2] О близости ингушских башен к чеченским и хевсурским мы говорили в предыдущем отчете. В дополнение отметим чрезвычайно близкие к ингушским башням хевсурские, изображение которых имеется в книге К а м а р а у л и А. Я. «Хевсурия», Тифлис, 1929 (на стр. 16 — со ступенчатой кровлей и на стр. 20 — с зубцами на углах кровли).

отмечено выше, лишь закругленные стены в башенных постройках.

Чрезвычайно интересные факты для сближения грузинской и ингушской архитектуры дало обследование святилищ и храмов в районе Военно-Грузинской дороги. Здесь нам неоднократно встречались столпообразные святилища с нишей, аналогичные ингушским; существенное отличие — наличие каменного креста на святилище (селение Паншети и др.). Большое сходство с ингушскими храмами имеют грузинские, находящиеся между станциями Млеты и Пасанаур. Например, в селении Нижние Млеты, близ дороги, под развесистой липой, находится древняя двускатная часовня, покрытая шиферными плитами (без уступов). Устройство входа, узкие окна, прямоугольные ниши внутри часовни напоминают ингушскую архитектуру. К стволу липы прибита пара оленьих рогов. В облицовке часовни на внутренней стороне стены (против входа) заметен оттиск руки; в ингушском селении Бархин над входом в святилище тоже есть оттиск руки; такой же оттиск имеется на наружной стене небольшого ингушского святилища «Ауша-сел», стоящего вблизи храма Алби-Ерды. В том же селении Нижние Млеты, возле новой церкви, стоит другая древняя часовня с желтой облицовкой. Над входом в часовню, с наружной стороны, в стене—три отпечатка руки. Часовня разделена внутри аркой на две части; устройство арки, имеющей два прохода, несколько отличается от ингушской архитектуры. На расстоянии 12 километров от Млет, близ самого шоссе, находится часовня с одной аркой. Облицовка желтого цвета. Внутри часовни, слева от входа, и на обеих сторонах центрального столба арки в облицовке имеются отпечатки руки[1].

[1] Отпечатки руки нередко встречаются на склепах в Ингушетии (Пуй, Эрзи), в Северной Осетии (Лац, Даргавс). В. Ф. Миллер отмечает отпечатки руки в Чечне — на орнаментированной плите и на башне (МАК, т. I, стр. 33, 38). По-видимому, это не столько декоративное, сколько культовое изображение. Подвески, в виде руки, встречаются в кавказских могильниках различных областей; См. МАК, т. I, табл. XXVI (рис. 105); т. VIII, табл. XXV, XXIX. Такая же привеска имеется в Ингушском музее (из могильника Могате). О культовом значении изображения руки см. Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып 46. Махачкала, 1929, стр. 201—202); Яковлев Н. Ф. Ингуши. Владикавказ, 1925, стр. 90.

Возле этой часовни — небольшое столпообразное святилище с двумя нишами, напоминающее ингушские памятники. В нескольких местах по пути нам встречались старинные каменные кресты (например, в селении Сиони)[1]. Изображение креста, типичное для ингушских боевых башен и иногда встречающееся в облицовке ингушских храмов (Маги-Ерды), находим в Грузии — на башнях (например, на круглой угловой башне Мцхетской крепости) и на храмах позднего времени (в Ананури). В жилой башне селения Мецхал (башня Котиевых) над входом, внутри постройки, имеются примитивные изображения крестов. Подобные кресты отмечены В. Ф. Миллером в Чечне[2]. Такие же кресты были обнаружены нами возле входа в грузинский замок в Цно. Железные кресты, найденные экспедицией в ингушском храме (в Эрзи), четырехконечные, плоские, с расширенными, закругленными концами — совершенно аналогичны железным крестам, находимым в Чечне[3] и в селениях Осетии, как, например, на Нузальской часовне. На ингушском храме Делите (Долте), находящемся над селением Карт, некогда тоже стоял железный крест[4]. На двух стенах этого храма имеются снаружи изображения креста, аналогичные башенным.

Инвентарь древних ингушских храмов имеет некоторые черты сходства с подобным инвентарем грузинских, осетинских и хевсурских храмов (колокольчики, церковная утварь, рога животных и др.).

Фаллический памятник ингушского селения Кок принадлежит к числу редчайших кавказских памятников. Фаллический культ имел в древности широкое распространение на Кавказе; большею частью он запечатлен в бронзовых статуэтках, находимых в Чечне[5], в Северной

---

[1] Каменные кресты имеются и в других областях Кавказа. См. напр., в Чечне (МАК, т. I, стр. 6), в Кубанском крае (МАК, т. VII, стр. 137—142).

[2] МАК, т. I, стр. 39, рис. 54—55.

[3] Железные кресты такого же типа из чеченского древнего храма имеются в Осетинском музее (во Владикавказе); см. рис. к статье Вертепова Г. А. в «Терском сборнике», вып. VI, 1898, МАК, т. I, табл. XVII.

[4] См. очерк Вертепова Г. А. в газете «Терские Ведомости» за 1897 год, № 150.

[5] См. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I. Тифлис, 1868, табл. к статье Ипполитова.

Осетии[1], в Грузии[2], в Армении и в других местах, реже — в виде фаллической подвески[3]. Ингушский фаллический памятник некогда пользовался большим почитанием у местного населения. В ингушской мифологии имеется богиня деторождения, плодородия — Тушоли (Тушол), которой были посвящены храмы в различных местах горной Ингушетии — в окрестностях селения Лежг, на горе, возвышающейся над селением Шуан, и др.[4]. В селении Кок, как любезно сообщил нам З. К. Мальсагов, последний жрец оставался еще в начале 20-х годов XX в. К нему приходили женщины молиться о даровании им детей; они получали от жреца ладанки с песком, взятым около памятника.

В настоящее время в селении Кок совершенно нет жителей, нет и жреца при храме, у ограды которого стоит фаллический памятник. Следы фаллического культа явственно сквозят в легендах о Тушоли и посвященных ей обрядах, в легендах о Хинане — матери вод.

Могильники в местностях Магате, Мохте, Дошхакле и Кок принадлежат к одновременной культуре. Явное сходство усматривается в устройстве склепов и в их инвентаре. В. Ф. Миллер, производивший разведочные раскопки в ингушских могильниках Мохте и близ храма Тхаба-Ерды, высказал предположение, что они относятся ко времени сооружения названного храма. П. С. Уварова те же ингушские могильники относила к эпохе XII—XIII вв.[5]. Мы предполагаем, что оба приведенные мнения частично верны, так как в склепах имеются наслоения различных эпох.

К древнейшим предметам принадлежат, например,

---

[1] См. МАК, т. VIII, табл. XXIX (Кобань) и стр. 302—303 (рис. 235).

[2] МАК, т. VIII, стр. 144 (рис. 124), стр. 148 (рис. 127—128), табл. LXX (рис. 8).

[3] Там же, стр. 106 и табл. LII (рис. 15) — глиняная фаллическая привеска из башенного склепа в Даргавсе.

[4] См. «Сборник сведений о Терской области», вып. VII, Владикавказ, 1878, стр. 252—254. Далгат У. Первобытная религия чеченцев, стр. 100—102, 115.

В храме Тушоли (в селении Кок) проф. Н. Яковлевым была найдена металлическая маска с древнего идола богини Тушоли (Яковлев Н. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927 г., 32).

[5] Сравни МАК, т. VIII, стр. 242.

следующие: 1) бронзовая пряжка из трех спаянных колец[1]; 2) серебряные полые шарообразные серьги с коротким стержнем и круглым незамкнутым кольцом; шарообразная часть серьги украшена шестью коническими выступами с круглыми шишечками; нижняя часть серьги украшена мелкою зернью[2]; 3) серебряная серьга с коротким стержнем, украшенным зернью, и с незамкнутым кольцом[3]; 4) бронзовая серьга с небольшим шаром, украшенным внизу мелкой зернью, с коротким стержнем и незамкнутым кольцом[4]; 5) бронзовая серьга удлиненной сферической формы, с крупной зернью в верхней части, с мелкой зернью внизу и с большим незамкнутым ушком, также украшенным зернью[5]; сюда же можно отнести, для полноты, некоторые предметы, найденные Г. А. Вертеповым в склепах Магате и находящиеся в Ингушском музее: подвески из зеленовато-голубой, так называемой египетской пасты в виде а) сжатой руки[6], б) виноградной лозы, в) скарабея[7].

К более поздним относятся следующие предметы:

---

[1] МАК, табл. XXV (рис. 8) и стр. 177 (Корца).

[2] Такие же серьги были найдены в Мохте В. Ф. Миллером (МАК, т. I, табл. III, рис. 5); сравни МАК, т. VIII, табл. L рис. 3—4 (Дзивгис—Северная Осетия); П. С. Уварова датирует эти серьги VIII—IX вв. (там же, стр. 105). Серьги такого же типа были найдены нами в 1925 году в могильнике Джимара (Северная Осетия), датируемом нами VI—IX вв.

[3] Сравни МАК, т. VIII, табл. CXXIII, рис. 18 (Камунта — Северная Осетия).

[4] Сравни МАК, т. VIII, табл. LII, рис. 2 (Дзивгис — Северная Осетия).

[5] Сравни МАК, т. VIII, табл. LXXXII, рис. 5 и стр. 200 (Лизгор — Северная Осетия); табл. LXXXIX, рис. 22 и стр. 222—223 (Камбулта—Северная Осетия); табл. CVII, рис. 6 и табл. CIX, рис. 3 (Махческ—Северная Осетия); П. С. Уварова серьги этого типа датирует VI—VIII вв. (там же, стр. 261).

[6] Сравни МАК, т. I, табл. XXVI, рис. 105 (Чегем — Кабарда).

[7] Сравни МАК, т. I, табл. XXII, рис. 23 и табл. XXVI, рис. 81—89, 113 (Чегем—Кабарда); МАК, т. VIII, табл. LXXII, рис. 15 (Далакау—Северная Осетия) и стр. 322, рис. 262 (Камунта—Северная Осетия); В. Ф. Миллер датирует Чегемский могильник II—VIII вв. н. э. (МАК, т. I, стр. 120). Скарабеи встречаются также в чеченских могильниках. См. Семенов Н. С. Заметка о древних могильниках Ичкерии и найденных в них предметах (Оттиски газеты «Терские Ведомости» 80-х гг. XIX в.); Пиотровский Б. Б. «Египетские предметы в Северо-Кавказском крае» в «Сообщениях ГАИМК», № 6, 1931, стр. 28.

1) серебряные шарообразные привески с зернью внизу [1]; 2) железная ложечка [2]; 3) серебряное колечко с тремя привесками на цепочках [3]; 4) к этой же категории можно отнести найденную Г. А. Вертеповым серебряную серьгу в виде тонкого стержня, с незамкнутым кольцом и маленькими шариками внизу.

Чрезвычайно ценные указания получены нами от проф. Тбилисского государственного университета А. Г. Шанидзе, любезно ознакомившегося с эпиграфическими памятниками, имеющимися в коллекциях Ингушского музея. Памятники эти следующие:

1—2) Две плиты от храма Тхаба-Ерды с древне-грузинскими надписями. Доставлены в музей Г. А. Вертеповым. Опубликованы В. Ф. Миллером; Д. З. Бакрадзе датировал их 830 годом.

Проф. А. Г. Шанидзе не вполне согласен с чтением Д. З. Бакрадзе и полагает, что надписи эти не древнее XII в.;

3) глиняная плитка с рельефным изображением пальмы, двух антилоп под нею и рельефною надписью. Размер плитки 10×12 сантиметров. Найдена она Тульчинским в 1901 году, в храме Тхаба-Ерды [4]. Проф. А. Г. Шанидзе дает следующее чтение этой надписи: EPHOREN или EUTHREN; надпись, по его мнению, также не древнее XII века;

4—5) надписи на кувшинчиках, найденных в склепах Магате в дореволюционные годы. Проф. А. Г. Шанидзе читает их следующим образом: а) ČIVOQR (Чивокр), б) MONZAK (Монзак); надписи, по его мнению, не ранее XIII—XIV вв;

6) надпись на кувшинчике, найденном нами в склепе Мохте в 1928 году, состоит из семи знаков, не вполне поддающихся расшифровке. Проф. А. Г. Шанидзе дает следующее чтение: ?A??GEM. Надпись, по его указанию, одновременна с №№ 4 и 5;

---

[1] Сравни МАК, т. VIII, табл. CXI (Махческ—Северная Осетия). П. С. Уварова датирует их XIV в. (там же, стр. 261).

[2] Сравни МАК, т. VIII, табл. XLVIII, рис. 11 (Кобань—Северная Осетия).

[3] Сравни МАК, т. VIII, табл. LII, рис. 9, стр. 106—107 (Даргавс—Северная Осетия).

[4] Упоминание об этой находке было помещено в газете «Терские Ведомости» (1901, №186), откуда перепечатано в «Известиях археологической комиссии» (прибавление к вып. 2, СПб., 1902, стр. 23).

7) надпись на осколке кувшина из склепа Мохте найдена нами в 1929 году. Чтение проф. А. Г. Шанидзе: XDZNA (Хдзна);

8) надпись на облицовке надземного склепа в окрестностях селения Эгикал. Чтение проф. А. Г. Шанидзе: INOVA (Инова)[1].

Отмечаем следующие соображения, высказанные проф. А. Г. Шанидзе. Некоторые буквы в надписях №№ 3 и 6 не совпадают с характером грузинского древнего церковного письма («хуцури»); быть может, этими буквами изображались особые звуки, имевшиеся в ингушском языке, но неизвестные грузинскому. Кроме того, древние начертания букв могли сохраниться у ингушей дольше, чем у самих грузин. Надписи на кувшинчиках и на склепе составлены не на грузинском языке и означали, быть может, ингушские собственные имена; значение надписи № 3 остается пока совершенно неясным[2].

Вопрос о значении надписей №№ 4—8 остается открытым и потребует дальнейшего изучения; по разъяснению З. К. Мальсагова, ознакомившегося с приведенной расшифровкой их, эти надписи ничего не означают по-ингушски. Предположение проф. А. Г. Шанидзе о том, что это могут быть собственные местные имена, представляется нам вполне вероятным; быть может, это имена, вышедшие из употребления; кроме того, как указывает проф. А. Г. Шанидзе, грузинские буквы обозначали, быть может, особое произношение некоторых звуков местного языка.

Авторитетные разъяснения проф. А. Г. Шанидзе про-

---

[1] В очерке проф. Яковлева Н. «Вопросы изучения чеченцев и ингушей» (Грозный, 1927) встречаем упоминание, касающееся, быть может, того же склепа, но с иным чтением надписи: «На штукатурке арки одного из древних могильников, который находится в одном из боковых ущелий Ассы, в Ингушетии, мною была обнаружена надпись грузинскими буквами. Эта надпись относится ко временам христианства, потому что рядом изображен крест грузинского (Георгиевского) типа. Эта надпись представляет собою, очевидно, имя Энола—имя, по-видимому, не грузинское, а местного происхождения» (стр. 20).

[2] Расшифровка и датировка упомянутых надписей сообщены нам проф. А. Г. Шанидзе в письмах и личных разъяснениях, сделанных им при посещении Ингушского музея в 1929 году. Опубликование приведенных нами указаний делается с разрешения уважаемого ученого.

ливают свет на вопрос о датировке ингушских храмов и склепов. Время построения храма Тхаба-Ерды следует отнести не к IX веку, а к более поздней эпохе, датируемой не древнее XII века. Можно предположить, что влияние Грузии на Ингушетию, Чечню и другие области Северного Кавказа наиболее сильно было в XII—XIV вв., когда политическое могущество ее достигло высшего расцвета (от времени царствования Тамары до Георгия V). В эту эпоху из Грузии на Северный Кавказ проникали строители древнейших христианских храмов и проповедники христианства, приносившие с собой церковные книги, через посредство которых грузинская письменность распространялась в местном крае. Сообщаемые нами надписи свидетельствуют о том, что грузинская письменность запечатлена здесь в различных памятниках: 1) в церковных книгах[1]; 2) в надписях на плитах храмов (в Тхаба-Ерды); 3) на стенах склепов; 4) на кувшинах, находимых в склепах.

Следы проникновения грузинской письменности фактически прослежены нами в разных местах — на правом берегу р. Ассы (в Тхаба-Ерды,) на левом берегу ее (склеп близ Эгикала), в Магате (на кувшинах из склепов), в Мохте (на таких же кувшинах)[2]. Таким образом, устанавливается проникновение грузинской письменности от Ассинского ущелья, главнейшего очага грузинского влияния в Ингушетии, в соседние ущелья, расположенные к западу, до селения Шуан (могильник в Мохте). Одни из эпиграфических памятников—на грузинском языке (надписи №№ 1—2), другие (№№ 4—8) — отражают, по-видимому, попытку применения грузинских письмен для передачи м е с т н ы х звуков и слов; может быть, как предполагает проф. А. Г. Шанидзе, в этих надписях есть иногда и тенденция видоизменения грузинского шрифта применительно к звукам местного языка, которым не было соответствия в грузинском.

Было бы крайне интересно расширить в дальнейшем разыскания следов грузинской культуры не только в

---

[1] Известно, что в Ингушетии употреблялись в храмах грузинские пергаментные книги; одна из них принадлежит Ингушскому музею.

[2] Грузинские надписи на церковных сосудах, найденных нами в храме Галь-Ерды, являются более поздними; по мнению проф. А. Г. Шанидзе, они датируются XVII—XVIII вв.

указанных районах, но и в других — в восточных ущельях, примыкающих к Чечне, в которую, как известно, также проникало влияние Грузии. По свидетельству грузинских летописцев, католикос Евфимий, в царствование Георгия V Блистательного (1318—1346), посетил храмы в различных местностях, в том числе у «Народов Нахче»; по его приказу списки евангелия были разосланы по всем церквам и монастырям[1]. Шантр сообщает, что на Ассе находятся развалины двух почитаемых ингушами храмов — Твирлис-Цминда и Тхаба-Ерды[2]. Мы предполагаем, что под первым из них подразумевается храм Алби-Ерды, являющийся действительно выдающимся архитектурным памятником. В настоящее время от него остались руины, также носящие следы грузинского архитектурного стиля.

Вопрос о политических и культурных связях Грузии и Ингушетии, до настоящего времени остающийся совершенно не изученным, заслуживает самого серьезного внимания ученых различных специальностей — историков, археологов, лингвистов и других; дальнейшие разыскания в этом направлении дадут, несомненно, богатый сравнительный материал, имеющий значение не только для Ингушетии, но и для смежных с нею горских областей, также издавна имевших общение с Грузией.

Сравнительное изучение основных видов ингушских памятников помогает уяснить их эволюцию и связь между ними. До настоящего времени не было определенной попытки выяснить, откуда заимствована одна из характерных черт ингушской, чеченской и осетинской архитектуры — ступенчатое строение крыши древних памятников.

Некоторые исследователи были склонны видеть в этой форме отражение восточной культуры. Например, А. М. Дирр в своей статье «В Тагаурской и Куртатинской Осетии» говорит: «Только в виде намека я позволю себе сказать следующее: многое кавказское

[1] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXII, отд. III, Тифлис, 1897 (статья М. Г. Джанашвили «Известия грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России», стр. 50).

[2] У Шантра храм имеет название Twirlis-Tzminda (Rêsurrection, воскресенье). E. Chantre „Recherches antropologiques dans le Caucase", IV, 1887, стр. 196.

можно найти также в центральной Азии, главным образом в Тибете, в Кашмире, Непале... Что касается «заппадз», то я недавно случайно наткнулся на фотографию развалин Анкоры в Камбодже. Конечно, с художественной точки зрения нельзя сравнивать башни анкорских храмов с башнями наших кавказских «заппадз»—что там доведено до великолепия, то здесь грубо и некрасиво, но архитектурный принцип тот же самый. Здесь и там тот же самый пирамидальный или конический купол разделен на части горизонтальными плитами»[1]. К. Ф. Ган высказывает аналогичное мнение: «Недавно в журнале „Die Erde" я случайно наткнулся на изображение пагод, крыши которых живо напоминают крыши «заппадз». По моему мнению, эти странные башни — остатки какого-то восточного, уже исчезнувшего народа»[2].

По нашему мнению, ступенчатое построение кровли надземных памятников, не восходящих, вероятно, далее XIV в., связано с аналогичным устройством более древних местных памятников — подземных склепов, из которых впоследствии развились полуподземные, а еще позже — надземные склепы.

Интересные для нас сведения о подземных склепах находим в сообщаемых П. С. Уваровой подробностях о раскопках проф. В. Б. Антоновича в селении Лац (Северная Осетия). «Поверх земли, — пишет она, — заметны были маленькие углубления; в ином месте, обложенном камнями, иногда поверх всего возвышался камень, род маленького менхира, который вынимался весьма легко. Сняв дерн, покрывавший могилу, попадали на крышу, сложенную чешуйчато, из каменных плит, пазы которых довольно часто являлись замазанными глиной. Под крышей находили общую могилу, более или менее обширную, аккуратно сложенную из каменных плит, с окошечком на западной стороне и лесенкой с восточной»[3]. Такие же могилы отмечаются Уваровой в селении Дзивгис. «Могилы,— пишет Уварова, — оказались одного устройства с лакски-

[1] Известия кавказского отделения русского географического общества, т. XXI, вып. 3. Тифлис, 1912, стр. 265.

[2] Там же, т. XXII, вып. I, 1913, стр. 364.

[3] Уварова П. С. Кавказские путевые очерки. М., 1887, стр. 81 (разрядка наша).

ми: те же ящики, та же чешуйчатая, шиферная крыша, смазанная глиною, но обе могилы одиночные»[1]. Оба могильника датируются V—IX вв. Изучая подземные склепы в Ингушетии, мы убедились, что они по своему устройству очень близки к надземным; промежуточным звеном между ними является полуподземный склеп, имеющий двускатную ступенчатую кровлю и невысокую открытую фасадную стену с прямоугольным лазом. Опираясь на это предположение, можно сделать следующие заключения.

Ступенчатое (чешуйчатое) построение кровли ранее всего встречается на Северном Кавказе, в подземных склепах, датируемых эпохой V—IX вв. (Лац, Дзивгис). Такое устройство кровли было вызвано чисто практическими соображениями, так как при минимальной затрате материала создавалась возможность возвести прочный свод. В последующее время (приблизительно от IX до XIV вв.) стали сооружаться склепы, первоначально погруженные в землю более чем на половину и имеющие тоже ступенчатую кровлю, выступавшую частично из-под земли, и открытую, но невысокую фасадную стену с лазом, устроенным на уровне земли (склепы в Магате, Мохте и др.). Около XIV в. стали сооружаться надземные двускатные ступенчатые склепы и храмы со ступенчатой кровлей (типа Маги-Ерды и т. п.). Несколько позже, не ранее XV в., стали воздвигаться четырехгранные склепы со ступенчатой кровлей и боевые башни с такой же крышей, которая и получила тогда законченное декоративное значение. Эти памятники, отличающиеся, несомненно, большой сложностью, изяществом и тщательностью кладки, завершают развитие местной архитектуры, процветавшей на территории Ингушетии в эпоху XV—XVI вв. Далее начинается упадок архитектурных форм. В храмах, ранее имевших две — три арки, остается одна арка; впоследствии она вовсе исчезает. Уменьшается и размер храмов. Форма их постепенно упрощается и сводится, наконец, к столпообразному святилищу. Это святилище, первоначально имевшее ступенчатую кровлю и две ниши (столпы в Эрзи), позже тоже упрощается; его эволюция завершается грубо сложенным столпом (как, например, в селении Мецхал). Упрощается и форма склепов; появляются склепы с че-

[1] Уварова П. С. Кавказские путевые очерки. М., 1887, стр. 83.

тырехгранной гладкой кровлей (Джерах) или в виде четырехгранной пирамиды (Фуртоуг).

Мы отметили близость предметов из ингушских подземных и полуподземных склепов к предметам из погребений Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Много общих черт и в инвентаре надземных склепов Ингушетии и других горских областей.

Ингушские памятники, как было отмечено нами в предыдущем отчете, имеют ряд индивидуальных черт, свидетельствующих о наличии самобытных особенностей местной культуры.

Отмечаем ряд фактов, указывающих на связь Ингушетии с культурой Востока; в этом отношении особенно характерны: архитектура мавзолея Борга-Каш, египетский скарабей из могильника Магате, малоазиатская печать, найденная в надземном склепе, и глиняная плита из храма Тхаба-Ерды, носящая следы средневековой культуры Закавказья.

IV

Этнографическая работа 1928—1929 годов выразилась в изучении материальной и духовной культуры, характеризующей старинный и современный быт ингушей. Производились наблюдения, касающиеся жилища, одежды, кустарных изделий, предметов домашнего обихода, различных обычаев; записывались местные легенды и поверья, приуроченные к памятникам древности.

Участниками археолого-этнографической экспедиции, а также Г. К. Мартиросианом, руководившим экономическим обследованием, в 1928—1929 годах собрана большая коллекция старинных предметов, типичных для ингушского быта; в нее вошли: плуг, борона, грабли, косы, складные примитивные корзины, приспособление для размягчения кожи, маслобойка, вьючное седло, приспособление для привязывания вьюков, мера сыпучих тел, очажные цепи, набор предметов, употреблявшихся при изготовлении сукна, кресла, скамеечка на трех ножках, деревянные чашки, медный кувшин для воды, железные вертела, детские салазки и др.

Выполнено значительное число рисунков в красках (с изображением орнамента ингушских ковров и вышивок) и фотографических снимков (типы населения, виды селений, бытовые предметы и т. п.).

Не останавливаясь на вещественных бытовых памятниках, специально изучаемых Г. К. Мартиросианом — с экономической стороны, И. П. Щеблыкиным — с художественной, отмечаем в кратких чертах то, что сделано экспедицией в отношении изучения фольклора и старинных форм быта.

Собраны интересные легендарные сведения, касающиеся истории расселения ингушей. Основная версия легенд сводится к тому, что древнейшим местом поселения ингушей является ущелье Галгачуэ — с селениями Эгикал, Отзик и другими.

По словам Бунухо Шанхоева (Гетахазова), жителя селения Шуан, умершего в 1929 году в возрасте 96 лет, шуанцы переселились из Отзика. Родоначальником их считается Шон, сын Баркима, одного из героев ингушского эпоса. У Баркима было три сына; младший остался с отцом. Шон ушел на запад и основал Шон (Шуан), Цор удалился на восток и основал селение Цори. Переселение Шона было 11—12 поколений назад.

Жители Хани вышли из Дошхакле, жители селений Кяз и Бишт — из Таргима (указание Б. Эльджаркиева). Легенду о происхождении жителей Хани из Дошхакле передавал нам и один из местных сельчан; это было, по его словам, 10 поколений назад.

Упорно держится предание о происхождении ингушей из Аравии. Житель селения Салги Тох Марзиев сообщил следующий вариант этого предания. Местные жители считают своим родоначальником араба по имени Абубусло, выходца из Шами (Сирии). Прожив некоторое время на Северном Кавказе, он удалился в Шами, оставив на Кавказе двух сыновей по имени Эшк и Маго. Они первоначально жили в Татартупе[1], затем в Эзми (Джерахское ущелье); оттуда переселились на гору Заглдук, где Маго основал селение Магате. У Маго было три сына — Вампол, Ги и Циким. Ги стал основателем селения Тумгой; Циким, враждовавший с ним, удалился в Цоринский район.

---

[1] Татартуп или городище «Верхний Джулат» — крупный средневековый аланский город, расположенный на левом берегу Терека у входа в т. н. «Эльхотовские ворота», ведущие через Владикавказскую котловину в Дарьяльское ущелье, в последние годы успешно исследуется СКАЭ. (Прим. ред.).

Эту же легенду передавал и другой местный житель — Билал Эльджаркиев. Основание Магате, по его словам, восходит к эпохе 14-го поколения. Потомки Маго переселились в Вовнушки, Бирк, Мяшхи и другие селения, лежащие к востоку. Он же сообщил следующий интересный отрывок из эпоса об арабах.

Некогда к ингушскому селению Датых, находящемуся близ границы с Чечней, подошло войско арабов, предложившее принять мусульманство и подчиниться его власти.

Последнее предложение не понравилось ингушам. Они отравили предводителя арабов, накормив его хлебом, к которому был примешан дурман. В войске арабов произошло замешательство; они ушли от Датыха, оставив часть воинов в плену у ингушей. Эти пленные навсегда остались в ингушской земле, и поэтому некоторые местные фамилии ведут свой род от арабов.

Магомет Екуров (из селения Ольгите) сообщил, что жители Эрзи считаются выходцами из селения Кербите, находившегося выше Эрзи[1]. Основание Эрзи было положено Дзауром, родоначальником рода Дауровых. Когда в Эрзи стало жить слишком тесно, некоторые фамилии переселились на противоположный берег Армхи и основали селение Ольгите; это было при деде Магомета Екурова.

Алихан Марзабеков (из селения Фалхан) передает, что местные жители считают себя выходцами из селения Аки (Чечня). До них в Фалхане жили не ингуши, а потомки какого-то Гама. Первые поселенцы Фалхана вышли из Аки одновременно с Дударовым[2]; они двигались верхними тропами, а Дударов нижними. Алихан назвал по имени всех своих предков: 1) Мойсыр Бузи, 2) Тейбик, 3) Мохаж, 4) Токк, 5) Дзор, 6) Джамурза, 7) Бахмет, 8) Пачи, 9) Эсмурза, 10) Той, 11) Алихан. Легенду о происхождении фалханцев из Аки мы слышали еще от одного из местных стариков (79 лет); он же сообщил, что жители Бейни — выселенцы из Фалхана; переселение в Бейни произошло лет 200 назад. Восьмидесятилетний

[1] В настоящее время Кербите является заброшенным местом. Там сохранились развалины башен и небольшое по размерам святилище.

[2] Дударов, родоначальник известной осетинской фамилии, считается у ингушей выходцем из чечено-ингушского края.

житель селения Бейни Мочко Шаухалов подтверждает легенду о заселении этого аула выходцами из Фалхана; он добавляет, что основателем селения Фалхан считается Тейбик, явившийся из селения Терш; жители Терш, в свою очередь, — выходцы из Шами.

Приведенные легенды, при наличии некоторых противоречий, имеют один и тот же основной мотив — о в о с т о ч н о м происхождении ингушей, первоначально (по большинству вариантов) поселившихся в ущелье Галгачуэ, а оттуда постепенно продвигавшихся в ближайшие ущелья и на запад.

В традиционной местной легенде о происхождении ингушей из Аравии могли сказаться, по нашему мнению, отголоски исторических преданий о пребывании арабов на Кавказе — в Грузии [1] и в Дагестане [2]. Памятником влияния арабской культуры на местную является мавзолей Борга-Каш, один из самых замечательных памятников Ингушетии [3]. Отметим также следующий интересный факт, требующий специального изучения: по сведениям арабских географов IX—X вв. на территории нынешней Ингушетии в горном районе находилось царство С у р с крепостью Б а б-С у л (Баб-Сур). Н. А. Караулов в комментариях к этому указанию арабского источника дает следующие разъяснения: «Нам удалось определить местоположение крепости Баб-Сур (Баб-Сул). Она сохранилась и до настоящего времени по течению реки Ассы при выходе ее из Цоринской котловины. Укрепление представляет из себя стену, перегораживающую ущелье; дорога проходит через ворота; над воротами башня. Царство Сур не что иное, как Цори во Владикавказском округе Терской области (сравни также ниже по течению р. Ассы ингушский аул Сур-Хойхи» [4]).

---

[1] В VII—X вв. (см. Б а р а т о в С. История Грузии, СПб., 1871, ч. II, стр. 71—81 и ч. III, стр. 1—43).

[2] В VIII-XI вв. (см. С а м у р с к и й Н. Дагестан, Махач-Кала, 1925).

[3] См. о нем наш очерк «Борга-Каш» («Известия Ингушского института краеведения», вып. I).

[4] К а р а у л о в Н. А. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXI, стр. 41, 57). См. названия Сур (Сул) и Баб-Сул на географической карте в вып. XXXVIII названного «Сборника». В одной из ингуш-

Об упомянутой выше башне Магой-джел существует интересная легенда, записанная нами со слов Б. Эльджаркиева.

В старину жители селения Хули платили дань жителям селений Эгикал, Таргим и Салги. Один из хулинцев, по имени Борз, не пожелал платить дани. Он был женат, но имел возлюбленную в селении Эрзи и временами посещал ее. Однажды в его отсутствие жители из Эгикала, Таргима и Салги сделали набег на Хули и взяли в плен его жену. Пастух Борза пошел в Эрзи известить об этом хозяина. Он встретил его у поселка Белхан и сообщил о случившемся. Борз, охваченный гневом при известии об этом оскорблении, ударом шашки убил пастуха; возвратившись в Хули, он убедился, что тот был прав. Тогда он удалился в башню Магой-джел. Враги осадили башню. Борз долго отражал их нападения, стреляя из лука, но вдруг у него порвалась тетива. Жена его, находившаяся в стане осаждавших, успела ему крикнуть, что если он будет голоден, то найдет еду в своем правом кармане. Эти слова имели скрытый смысл, так как она знала, что у мужа в том кармане спрятана запасная тетива, о чем он забыл. Борз понял намек, успел переменить тетиву и вновь стал отражать врагов; он разогнал их и освободил жену. С тех пор хулинцы перестали платить дань жителям других селений.

В предыдущем очерке мы сообщали легендарные ингушские сведения о Дударовых. В 1928—1929 годах нами собран дополнительный материал об этой фамилии. Мы установили, что легенды о Дударовых очень хорошо сохранились в Джерахо-Мецхальском районе; здесь подробно передают традиционную историю продвижения родоначальника Дударовых с востока на запад; центральное место в этих рассказах занимает эпизод о борьбе Дударова с жителями селения Харпе. Такие рассказы нам приходилось слышать от стариков, живущих в различных селениях, начиная от Фуртоуга до Шуана. Далее к востоку легенда тускнеет, передается в

ских легенд говорится, что храм Тхаба-Ерды построен на том месте, где пророком Магометом был зарыт коран. (Ахриев Ч. «Ингуши» в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. VIII, стр. 20). Было бы интересно проследить в дальнейшем, является ли эта легенда отголоском сношений ингушей с арабами до проникновения в Ингушетию христианства из Грузии.

менее красочной и связной форме (селение Салги). В Эгикале, например, один из местных жителей, интересующийся стариной и сообщивший ценный легендарный материал другого содержания, заявил, что о Дударове ему ничего не известно.

Новые сведения о Дударове, записанные нами в раздробленном виде от нескольких лиц[1], сводятся к следующему. По общему признанию, Дударов (по-ингушски — Дудар) родом из Чечни (из селения Кий или Аки). В Ингушетию вошел он с небольшой дружиной. Для избежания столкновения с местным населением, минуя Цори, двигался по горным хребтам, граничащим с Хевсурией. Поселился Дударов в селении Биср (в верховьях р. Армхи), засватал девушку из фамилии Тумгоевых и женился на ней. В этом селении и теперь сохранилось место, связанное с его именем и названное «Дудар-бей» («луг Дударова»). С местными жителями у него произошла ссора из-за земли, и он переселился из Бисра сначала в Салги, где прожил недолго, затем в селение Мекалте, находившееся на левом берегу реки Армхи, близ Шуана[2]. Имея кровников, Дударов, теснимый ими, продвигался на запад и по пути строил замки близ селений Лежг, Харпе, Духаргишт и, наконец, перешел за Терек и поселился в Чми. Находясь в родстве с ингушами[3], он впоследствии не прерывал с ними дружественных сношений и посещал праздники, совершавшиеся в урочное время возле известных в крае святилищ — Мятцил, Тушолп и Маги-Ерды. То же делали и его потомки еще в XIX в. Дударову приписывается возведение башен и замков в различных местах; надземных склепов он не строил, так как ингуши запрещали ему это. В замках Дударова после него никто не жил.

Отмечаем предания, связанные с различными памятниками древности.

О построении башен наиболее цельный рассказ мы слышали от Магомета Екурова. Жилые башни считаются более древними, по сравнению с боевыми. Прежде чем строить башню, необходимо было сначала найти

[1] От Бунухо Шанхоева, Тоха Марзиева, Б. Эльджаркиева и Мочко Шаухалова.

[2] Теперь этого селения не существует; в местности Мекалте сохранилось лишь святилище Мекал, посещавшееся шуанцами.

[3] Дударов имел родственников по женской линии — Аджиевых (селение Фалхан), Льяновых (селение Фуртоуг) и др.

подходящее место. Выбор его сопровождался гаданием. На намеченном месте ставили на ночь чашу, до краев наполненную водой. Если к утру уровень воды в ней понижался, это считалось дурным признаком. Поэтому для сооружения памятника приходилось искать новое место. Перед началом строительства башни заготовлялся весь необходимый материал — камни, балки и прочее. Построение башни должно было свидетельствовать о родовой сплоченности и мощи. В связи с этим, в работе добровольно принимали участие все члены данной фамилии. Они помогали и живой силой, и средствами. Одновременно использовались наемные рабочие, за которыми зорко следили владельцы башни. Они наблюдали за ходом построения ее и за тем, чтобы кто-нибудь, из недоброжелательства, не помешал работе[1]. Если рабочие умирали от несчастного случая, работая натощак, ответственность за это нес хозяин, если же их кормили хорошо, то с него такая ответственность снималась. По установившейся традиции, башню необходимо было закончить в один год; в противном случае она оставалась незаконченной[2].

Ингуши имели искусных мастеров, приглашавшихся даже в Осетию. В Джерахо-Мецхальском районе выдающимся мастером называют Янда. По окончании работ устраивали пиршество, на котором присутствовал весь род.

От других лиц нами собраны дополнительные сведения, также представляющие большой интерес. При выборе места для башни обращались к знахарю. Последний, на основании толкования снов, намечал это место. После выбора места для строительства башни убивали белого барана и кровью его поливали камни фундамента. Мясо использовали для угощения, на котором присутствовал и знахарь, предсказывавший данному роду благополучное возведение башни и удачу во всех прочих делах. В Фуртоуге некоторые башни были построены мастерами из селений Хули и Лейлаг. Ингушские строители вызывались в Осетию — в Чми и Саниба[3].

[1] В селении Эрзи есть боевая башня, имеющая наклон в одну сторону. Рассказывают, что при ее постройке кто-то из соседей подкупил мастера, сооружавшего башню, и тот согласился выстроить башню с указанным изъяном.

[2] Такие башни имеются в селениях Морч, Лейлаг и других.

[3] Сообщение Бибо Ахриева (селение Фуртоуг).

По сообщению Бунухо Шанхоева, в постройке башни участвовали исключительно члены одной фамилии. Особое внимание при этом обращалось на укладку угловых камней; стоимость такого камня равнялась стоимости овцы. По мере возведения стен камни и балки поднимались при помощи ворота. Башни сооружались без лесов. Наиболее трудным считалось возведение ступенчатой кровли боевой башни. Ее начинали возводить изнутри. Когда же надо было закончить покрытие свода и поставить замковый камень, на машикули ставили лестницу, привязанную веревками, прикрепленными к столбу, поставленному на время в верхнем этаже. Веревки пропускали сквозь отверстия, сделанные между уступами кровли. Мастер привязывал себя ремнем к этой лестнице, поднимался на купол башни и заканчивал работу. За установку замкового камня давали лошадь или быка.

Б. Эльджаркиев передал о следующем старинном обычае: при постройке башни землю поливали молоком; если оно не просачивалось, то почва для фундамента считалась достаточно крепкой, если же молоко просачивалось, землю рыли глубже. Башня Эльджаркиевых построена при восьмом поколении.

Чрезвычайно интересны упоминания о «дэви». Им приписываются развалины укрепления, находившиеся на перевале Цей-Лам, а также развалины других построек, разбросанных по ущелью Галгачуэ. Особенного внимания заслуживают руины циклопического характера, находящиеся к западу от Дошхакле.

По-видимому, это остатки большого укрепления, сложенного из гигантских камней. Упоминания о циклопических постройках встречаем в ингушском эпосе. Об одном из героев ингушских сказаний Колой-Канте рассказывается, что он «взлезши на вершину горы, поставил один на другой три камня громадной величины[1]».

[1] Ахриев Ч. «Несколько слов о героях в ингушских сказаниях». («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, отд. II, 1870, стр. 7). «Камни эти вместе составляют нечто вроде довольно высокой башни; каждый камень более 2 саженей. Между 2-м и 3-м находятся маленькие камни, вроде подпорок. Эти камни, служащие по-видимому, подпорками, приводят горцев к тому убеждению, что они положены человеческою рукою» (там же).

«Всех овец Колой-Кант загонял в огромную пещеру, имевшую вход наподобие ворот; вместо дверей он приставлял плоский камень, который могли передвигать только 60 человек; он же сам одной рукой ставил его».

Святилища повсюду находятся в заброшенном состоянии. Уцелевшие из них обычно служат местом для загона скота. В памяти стариков сохранились воспоминания об обрядах, связанных с культом святилищ и совершавшихся еще в конце прошлого века. Приводим важнейшие сведения, дополняющие опубликованные нами ранее.

По указанию Бибо Ахриева, некоторые святилища бывали фамильными, например, святилище Дик-Сели, расположенное на высоком склоне Столовой горы над Фуртоугом. Это святилище принадлежало фамилии Куштиевых (из Духаргишта). На праздник Мятцила, по словам того же Ахриева, приходили жители из осетинских селений Чми и Саниба.

Мочко Шаухалов сообщил, что святилище Мятцил считается более древним, чем святилище Бейни-Сели, находящееся в селении Бейни. Эти памятники построены ингушами. Особого праздника, приуроченного к Бейни-Сели, не было; в нем молились при совершении празднества на Столовой горе[1], а также перед покосом. Последним жрецом святилищ Столовой горы был Эльмурза Мехтиев из селения Фалхан. Празднество на Столовой горе во всей полноте совершалось до начала 70-х годов прошлого века. Местность, на которой расположено святилище Тушоли, находящееся к западу от селения Лежг, называется Мэлерэ. Кровля храма рухнула лет 20 назад; она была ступенчатая, двускатная. К этому святилищу приходили для моления женщины. Оно пользовалось большим почетом не только у жителей ближних, но и дальних ущелий. Празднество совершалось весной. Последним жрецом Тушоли был Хазиев, из селения Кошк.

Святилище Мецхали посещалось жителями селений Мецхал и Горак. Праздник справлялся в этом святилище перед покосом, на нем присутствовали мужчины и

[1] По словам Алихана Марзабекова, этот праздник справлялся через две недели после покоса.

женщины. Ритуал празднества обычный: резали баранов, пили пиво, молились и танцевали. Празднества прекратились лет тридцать тому назад [1].

По свидетельству Бунухо Шанхоева, столпообразные святилища строились в тех местах, где ударяла молния [2]. Перед построением памятника резали животных и их кровью и водой окропляли место, намеченное для святилища. Святилище Галь-Ерды, находящееся на горе между селениями Шуан и Терш, пользовалось до введения мусульманства большим почетом у жителей ближних и дальних селений. Внутрь храма, кроме жреца, никто не смел входить. Существовало поверье, что если скот поест травы в ограде храма, то издохнет. «А теперь,— добавил Бунухо,— коровы едят там траву и не умирают». Празднество в святилище Мекал справлялось дважды в год — летом (перед сенокосом) и зимой. Угощение приготовлялось из добровольных приношений в виде ячменя, баранины, пива и проч.; иногда резали быка или корову.

В Магате имеется небольшая полуразрушенная часовня Соска-Солса. Она начала разрушаться на памяти Б. Эльджаркиева, после землетрясения. По поверью, праведные люди, проспавшие ночь в этой часовне, видели вещие сны, благодаря которым местное население узнавало о предстоящем урожае, голоде и т. п. Святилища Маги-Ерды и Соска-Солса построены сыновьями чародея Маго. Селение Хани прежде тоже имело свое святилище, называвшееся Ханхе-Сели; теперь оно в развалинах (сообщение Б. Эльджаркиева).

Тох Марзиев дал интересные дополнительные сведения об этих святилищах; праздник в храме Маги-Ерды справлялся в августе (на «успение») и в декабре. От святилища Соска-Солса, по преданию, излучалось сияние; ночью возле него бывало так светло, что можно было бы шить.

По словам Гасана Аушева (жителя из селения Эгикал), постройка храма приписывается некоему Еркл у, одному из действующих лиц ингушских легенд; Еркл

[1] Сообщение Алихана Марзабекова. Святилище Мецхали было осмотрено нами в 1929 году; от него остались лишь руины.

[2] Интересные сведения об отношении ингушей к убитому молнией сообщает Ч. Ахриев (см. его заметку «Ингушские праздники» в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. V, отд. III, стр. 15).

явился откуда-то с севера. Алби-Ерды считается более древним, чем Маги-Ерды.

Магометанство, по свидетельству стариков, стало упрочиваться в горах около пятидесяти лет назад. Мечети начали строиться здесь с начала 900-х годов.

Теперь следы языческих верований проявляются редко и в слабой степени. Религиозные интересы местного населения направлены в другую сторону; большим авторитетом пользуется здесь, проникшая из Чечни, секта, основателем которой был Кунта-Хаджи. В селении Эрзи в 1929 году нам пришлось наблюдать обряд похорон, в котором принимали участие ревнители этой секты, и священный танец, исполнявшийся в мечети того же селения в праздничный день (в пятницу).

При расспросах о происхождении склепов нам обычно приходилось слышать от стариков, что они ингушского происхождения. Народная пословица, которую мы слышали от Б. Эльджаркиева, гласит: «Человеку при жизни нужна башня, после смерти — нужен склеп». Когда в старину выдавали замуж девушку, то ее родители осведомлялись, имеет ли жених башню и родовой склеп; если он их не имел, то считался неподходящим.

Склепы были фамильными. В некоторых случаях один и тот же склеп принадлежал двум фамилиям; тогда представителей одной фамилии хоронили внизу, представителей другой — вверху. В различных селениях местные жители определенно называют, каким родам принадлежат склепы. Обычай хоронить в склепах членов своей фамилии строго соблюдался. Если умирал заезжий человек, тело его увозили в родное селение, хотя бы для этого приходилось ехать несколько дней. Погребения в надземных склепах совершались, приблизительно, до середины XIX в. Алихан Марзабеков помнил погребение своего деда в склепе. При похоронах двое мужчин влезали в склеп и втаскивали туда покойника. Родственники вставляли в просверленные плиты, вделанные в стены склепов, шесты с белым флагом. Жители называют имена строителей некоторых склепов. В Фуртоуге строителем четырехгранного склепа называют Дуго Ахриева, конусообразного — Деци Льянова. По словам Бибо Ахриева, первый склеп построен лет 80 назад, второй — при четвертом или пятом поколении. В особо важных случаях в старину, в присутствии свиде-

телей, прибегали к клятве перед склепом. При этом в просверленную плиту вставлялся взятый из святилища жезл с флагом и колокольчиком [1].

В некоторых склепах, по преданию, погребены герои древности. Например, народная молва утверждает, что в одном из надземных склепов в Мгате, недалеко от замка, похоронены Маго, основатель селения, и его сподвижник Соска-Солса — знаменитый «нарт» (богатырь). Осмотр склепа помог обнаружить, что ранее он имел двускатную кровлю и один лаз. В настоящее время кровля обрушилась, внутренность камеры засыпана камнями. Стены внутри выбелены, пол был тщательно покрыт известковой массой. Склеп давно опустошен; при костяках, находившихся в нем, чрезвычайно мало предметов; нами найдены были железные наконечники стрел, альчики, железный нож, обломок газыря с костяной оправой. Недалеко от склепа лежит плоский камень размером 0,45×0,64 метра, в котором имеется углубление с выпуклым дном; ширина углубления 0,10 метра. Это углубление считается следом от копыта коня нарта Соска-Солса.

Удару копыт коня Соска-Солса ингушские легенды приписывают чудесную силу: «Так, существует поверье между жителями Галгаевского общества, что когда однажды Солса проезжал мимо аула Накиста и попросил у жителей напиться воды, то получил отказ. Тогда конь его, как бы по приказанию своего хозяина, ударил копытом в землю и из-под него хлынула вода и образовался колодезь, который до сих пор носит название Солса» [2].

В связи с этим отмечаем еще один случай, при котором представление о коне приурочено к склепу, — изображение всадников на расписных склепах в селениях Лейлаг и Эгикал. Мы расспрашивали местных жителей о значении этих рисунков, но пока не слышали каких-либо разъяснений. Между тем нам представляется, что подобная роспись имеет не только декоративное значение и что сюжет изображаемых на склепе сцен не слу-

---

[1] Ингушский обряд клятвы возле склепа отмечается в печати в несколько иных вариантах; см. Далгат У. Первобытная религия чеченцев, стр. 89—90; Ахриев Ч. Присяга у ингушей («Сборник сведений о Терской области», стр. 280—281).

[2] Ахриев Ч. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. IV, стр. 2.

чаен. В особенности заинтересовало нас изображение всадника. Прототипом этого рисунка, по нашему мнению, является аналогичное по стилю линейное изображение всадника, высеченное на плите, вделанной в южную стену храма Тхаба-Ерды; более грубое, но подобное ему же изображение обнаружено нами в облицовке южной стены, тоже с наружной стороны, другого святилища — Галь-Ерды.

Мы полагаем, что изображение всадника на склепе имеет связь с древним обрядом «посвящения коня», совершавшимся при похоронах. Б. К. Далгат так описывает этот обряд у ингушей: «Потом подводили к могиле коня в полном убранстве и конец узды давали в руки покойнику. Если он не имел своей лошади, то его ссужали ею близкие люди. Такая лошадь, будучи посвящена кому-либо, не могла быть посвящена другому. Коня три раза обводили вокруг могилы, причем один из стариков читал молитву, посвящая коня покойнику; затем коню отрезали правое ухо и бросали в могилу»[1]. До сего времени у ингушей существует мнение, что просверленные плиты, вделанные в стену надземных и полуподземных склепов, служили и коновязью[2]. Плиты эти иногда расположены слишком высоко над землей и в таком случае не могли быть коновязью, но упорная устная традиция является, по нашему мнению, отголоском того же обряда «посвящения коня». В связи с этим обрядом создалась, вероятно, и легенда об упомянутом выше камне с отпечатком копыта коня нарта Соска-Солса[3].

V

Затронутые нами в предыдущей главе мотивы легенд и черты старинного быта ингушей нередко имеют соответствие в культуре других кавказских народов.

Например, легенды о происхождении Дударовых из Ингушетии бытуют и в Осетии. Вопрос этот требует особого исследования. Сообщаем одну из легенд, записан-

---

[1] Далгат У. Первобытная религия чеченцев, стр. 66—67.

[2] В. Ф. Миллер, описывая ингушские склепы («каши»), отмечает следующее: «На правой стороне каша, как и на многих других кашах, выступали две каменные развалины, образовавшие как бы кольцо для привязывания коней». (МАК, т. I, стр. 27).

[3] На поминках у ингушей устраивались скачки (см. заметку Ахриева Ч. в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. III, отд. I, 1870).

ную нами в Кобани со слов Батырбека Канукова в 1928 году.

Когда Дударовы пришли из Ингушетии в Чми, то взяли на воспитание мальчика из кабардинской фамилии Мулдаровых, живших в то время близ Реданта. Однажды этот мальчик нечаянно свалился в врытый в землю котел с кипящим пивом и сварился. Дударовы скрыли от Мулдаровых истинную причину смерти мальчика, заявив, что он умер от какой-то болезни. Мулдаровы сначала поверили этому, но впоследствии узнали тайну и отомстили Дударовым, истребив всех их мужчин. Одна из женщин фамилии Дударовых, ожидавшая рождения ребенка и боявшаяся мести кабардинцев, укрылась в лесу. Там у нее родился сын, явившийся единственным представителем рода Дударовых. Прожив некоторое время у пастуха, мать переселилась с сыном в Джерахское ущелье, найдя приют у одной из ингушских фамилий — у Цуровых или Хаматхановых. Сын рос. Он не раз спрашивал у матери, кто его отец, но та скрывала, но потом, уступив его настойчивым требованиям, рассказала обо всем. Сын упросил ее отдать его на воспитание Мулдаровым. Выдав мальчика за ингуша, желающего выучиться кабардинскому языку, мать отдала его в семью Мулдаровых. Приемыш, играя с кабардинскими мальчуганами, поочередно убил 30 из них и каждому отрезал ухо. Возвратившись к матери, он показал ей уши убитых и спросил, столько ли он умертвил кабардинцев, сколько они убили мужчин в его роду? Возмужав, он не скрывал своего настоящего происхождения и вернулся в Чми, где и до сих пор живет фамилия Дударовых.

Фабула в этом предании новая, но в ней есть ряд черт, сближающих осетинский вариант о Дударовых с ингушским, а именно: 1) ингушское происхождение Дударовых; оно подчеркивается эпизодом о вторичном (временном) переселении членов фамилии Дударовых в Ингушетию; 2) дружелюбное отношение ингушей к Дударовым; 3) упоминание о кабардинцах; в одном из ингушских вариантов отмечается, что во время борьбы с жителями ингушского селения Харпе Дударову помогли кабардинцы.

Очень ценное указание сообщено нам художником А. З. Хоховым: во время экспедиционной работы в гор-

ной Чечне в 1929 году он встретил в селении Шунды осетинскую семью, предки которой давно проживали там; родоначальником этой фамилии считается Дударов.

Миф о «дэви» приобщает ингушскую народную поэзию к общекавказским и восточным мотивам о дэвах.

Легенды о циклопических памятниках широко распространены на Кавказе. Упоминание об одном из таких памятников встречаем у Вахушти в его «Географии Грузии»: «К югу от Чхинути есть церковь святого Георгия, Самеба, построенная из громадных скалистых глыб; человеческая сила не могла устроить то, что служит оградой» [1]. Интересные сведения о кавказских циклопических памятниках имеются в специальных статьях Л. М. Меликсет-Бекова [2] и В. А. Гурко-Кряжина [3].

К этим же легендам примыкают и другие — о нартских могилах. В Северной Осетии, близ аула Нар, один из надземных склепов считается могилой нарта Сослана [4]. В селении Лац находится известное «нартское кладбище» с погребениями в склепах и каменных ящиках [5]. Ингушский памятник с отпечатком следа коня Соска-Солса имеет аналогию в кабардинском камне нарта Сосруко, лошадь которого также оставила на камне следы копыт [6]. В эпосе кабардинцев, при описании смерти богатыря, упоминается про его верного коня, насыпающего могильный холм над телом героя: «В вырытую землю лег Сосруко, а затем его верный конь насыпал над его телом курган» [7].

В другой легенде встречаем аналогичную подробность: конь ударом копыт выбил землю, которая засыпала тело богатыря [8].

---

[1] Записки кавказского отделения русского географического общества, т. XXIX, вып. V. Тифлис, 1904, стр. 49.

[2] К археологии и этнологии Туальской Осии. Сборник «Юго-Осетия», Тифлис, 1924, стр. 252—279.

[3] Циклопические сооружения Закавказья. «Новый Восток», т. XV, стр. 212—221.

[4] МАК, т. I, стр. 58 и табл. XV.

[5] МАК, т. VIII, стр. 163—169.

[6] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. I, отд. II, Тифлис, 1881, стр. 3.

[7] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XII, отд. I, Тифлис, 1891, стр. 46.

[8] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. VI, отд. II, Тифлис, 1888, стр. 46.

Мы уже упоминали о двух расписных ингушских склепах с изображением человеческих фигур, животных и проч. В этих рисунках нас очень заинтересовало изображение всадника. По воззрениям кавказских народов, конь был необходим покойнику, чтобы прибыть в загробный мир и там продолжать пользоваться им.

Обряд «посвящения коня» и поминальные скачки существовали у многих кавказских народов, например у осетин[1], хевсуров[2], абхазцев[3], мингрельцев[4], татар[5], черкесов[6] и других. В селении Згид (Северная Осетия) имеется склеп, роспись которого напоминает ингушские мотивы росписи на склепе в селении Лейлат; на згидском склепе изображены фигуры всадников, пеших и проч.[7].

Чрезвычайно интересный материал для затронутой нами темы дают известные в археологии кавказские изваяния, находящиеся ныне в Государственном музее в Москве: 1) одно из них представляет фигуру человека, на которой имеется греческая надпись, а ниже нее рельефные изображения пеших и конных воинов и проч.; 2) на втором изображено несколько вооруженных всадников, из которых один поражает копьем трехглавого

---

[1] См. Шифнер А. Осетинские тексты. СПб., 1868, стр. 13, 25—30, 36—38; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, СПб., 1871, стр. 344—350; Гатиев Б. «Суеверия и предрассудки осетин» («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IX, отд. III, Тифлис, 1876, стр. 4—11); Миллер В. Осетинские этюды, т. I, стр. 109—115 и 132—133; Ковалевский М. Современный обычай и древний закон, М., 1886, стр. 85—86; Чурсин Г. Ф. (см. сборник «Юго-Осетия», стр. 219) и др.

[2] Дубровин Н. Ук. соч., т. I, кн. II, стр. 316—317; Худадов Н. А. «Заметки о Хевсуретии» («Записки кавказского отделения ученого географического общества», т. XIV, вып. I, Тифлис, 1890, стр. 87—89); Камараули А. Я. Хевсурия. Тифлис, 1929, стр. 111—112.

[3] Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V, 1871, стр. 23—24; Дубровин Н. Ук. соч., т. I, кн. II, стр. 58—59; Джанашиев Х. «Абхазский культ и быт» («Христианский Восток», т. V, вып. III. Петроград, 1916, стр. 176).

[4] Дубровин Н. Ук. соч., т. I, кн. II, стр. 255.

[5] Там же, стр. 383—384.

[6] Там же, стр. 191—192.

[7] См. изображение этого склепа в статье Миллера А. А. «Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в 1923 году» («Известия РАИМК», т. IV, рис. 15).

змея; на памятнике есть другие изображения и греческая надпись; 3) на третьем также сделаны изображения всадников (из них один держит на цепи трехглавого змея), имеется и греческая надпись. Первый из памятников найден в Кабарде, второй — в Кубанской области, третий — в бывшей Терской области (в пределах Ингушетии). Об этих памятниках существует специальная литература; наиболее обстоятельное описание и исследование о них дано В. Ф. Миллером в статье «Отголоски кавказских верований на могильниках»[1]. В. Ф. Миллер датирует второй и третий памятники концом XVI века; для нас эта дата представляет большое значение; эти памятники, следовательно, близки к эпохе культуры надземных осетинских и ингушских склепов, на которых встречаем изображения пеших и конных воинов. В сценах, высеченных на первом изваянии, В. Ф. Миллер усматривает изображение обряда «посвящения коня», во-втором и в третьем он видит отражение религиозных воззрений черкесов; всадник, поражающий змея, святой Георгий, имя которого упоминается в осетинской молитве, произносимой при посвящении коня. Отмечаем, что изображение змей имеется на упомянутом склепе в селении Згид[2].

«Посвящение коня», в свою очередь, восходит к более древнему обычаю — п о г р е б е н и ю с к о н е м, известному многим народам. В могильнике Балты[3] П. С. Уварова отмечает весьма частое погребение с ко-

---

[1] МАК, т. III, 1893, стр. 132—136. См. об этих памятниках еще следующие источники: Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, стр. 54; Труды восточного отделения археологического общества, ч. I, СПб., 1855, стр. 302—303, 311—312; Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, стр. 113; Латышев В. В. «Кавказские памятники в Москве» («Записки русского археологического общества», т. II. Новая серия. СПб., 1887); Государственный исторический музей. Краткий путеводитель по музею, М., 1923, стр. 129—130.

[2] Миф о змееборце, как известно, восходит к дохристианской эре. На одном из бронзовых кобанских топориков имеется изображение охотника, сражающегося с семью змеями. П. С. Уварова связывает сюжет этой сцены с осетинскими мифами и с изображениями на одном из упомянутых каменных изваяний (МАК, т. VIII, стр. 20—23).

[3] Могильник этот находится вблизи станции Балта на Восточно-Грузинской дороге, на левом берегу Терека.

нем, который, по-видимому, засыпался стоя[1]. Предметы конского набора обычны в кавказских погребениях (в Кобани и многих других). Бронзовые привески в виде коней и всадников нередко встречаются в кавказских могильниках в Ингушетии[2], Осетии[3], Балкарии[4] и др. Заклание коня, существовавшее в древности на Кавказе, впоследствии приняло упрощенную форму и заменилось отрезыванием или надрезом уха у коня при совершении обряда «посвящения коня». Особым видом надземных памятников является изображение коня в виде статуи, встречаемое на кавказских кладбищах. Такие памятники отмечались в Грузии[5], в Нагорном Карабахе[6] и в других местах. Эволюция обычая «посвящения коня» завершается на Кавказе памятником с изображением коня на вертикальных памятных плитах XIX—XX вв.[7].

Отмечаем еще одну характерную черту ингушских и осетинских надземных и подземных погребений, восходящую к древнему похоронному обычаю, следы которого можно проследить до XX в. включительно.

В ингушских полуподземных склепах в Мохте в 1929 году нам неоднократно встречалась скорлупа мелких орехов. Такую же находку мы отмечали и в Северной Осетии при обследовании погребения с колодой в надземном склепе в Даргавсе (в 1925 г. в подземных погребениях при раскопке каменных ящиков в том же могильнике. В одном из полуподземных склепов в селении Кобань в 1929 году). В настоящем году нам пришлось ознакомиться с очень ценной коллекцией предметов, случайно найденных в катакомбе могильника Галиат одним из местных жителей; среди них была скорлупа волошских орехов. Ту же деталь отмечала в неко-

---

[1] МАК, т. VIII, стр. 132.

[2] Альбом рисунков, помещенных в отчетах археологической комиссии за 1882—1888 гг. СПб., 1906, стр. 253, № 1561.

[3] МАК, т. VIII, табл. XVII, XXXV, XXXVIII, XL (Кобань), LVI (Чми), XCII (Кумбулта).

[4] МАК, т. I, табл. XIX, XXI, XXV.

[5] См. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XIII, отд. I, Тифлис, 1892, стр. 8, табл. 3.

[6] См. статью Мещанинова И. И. в «Сообщениях ГАИМК», т. I, М., 1926, стр. 232.

[7] См. изображения таких плит в работах Миллера В. Ф. (МАК, т. I, стр. 62 и табл. XV) и Миллера А. А. («Известия РАИМК», т. IV, рис. 22 и 24).

торых погребениях Осетии П. С. Уварова; в женском подземном погребении в Дзивгисе «покойница была от шеи до пояса усыпана орехами, следы которых мы встречаем и в Камунте»[1].

Мы полагаем, что присутствие орехов связано с древним обычаем «посвящения коня». Ч. Ахриев, описывая поминальные скачки, указывает следующие подробности: «Всадники, отправляющиеся на этих избранных лошадях, тоже держат в руках ветвистые палки с привешенными к ним яблоками и орехами. Когда они достигнут аула, предназначенного служить для них местом ночлега, то там они отдают свои палки почетным старикам, оставляя только одну из них для того родственника покойника, у которого они должны ночевать... Родственники покойника должны указать старику, кому именно из умерших посвящать всех остальных лошадей, бывших на скачке. Таким образом к старику подводят всех этих лошадей, и он всех их посвящает покойникам. После этой церемонии ездокам выносят ветвистые палки, на которые навешены яблоки и орехи, и они джигитуют перед народом в продолжение часа»[2]. Подобный обычай существует и у осетин. Когда справлялся праздник «ночи мертвых», на стол, помимо различных яств, подавали «груши, яблоки, пряники, орехи» и проч. На поминках устраивались скачки. «После скачек верховые берут на плечи елки и шесты, к которым прикреплены сетки со сластями, а иные берут в руки флаги и гурьбой скачут с ними по улицам аула в честь покойника. За ними бегут мальчуганы и подбирают падающие с елок сласти. Поджигитовав вдоволь, всадники отправляются на кладбище; здесь, сняв с елок все сласти и поделив их между собою, они привязывают к надгробному памятнику умершего флаги, пустые сетки и елки и расходятся по домам»[3]. Могильники Камунты, Дзивгиса и Даргавса датируются VI—IX вв.; следовательно, обычай осыпания покойника орехами имеет более чем тысячелетнюю давность. Это явление свидетельствует об удивительной устойчивости кавказских культовых пережитков и дает

[1] Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887, стр. 84.

[2] Сборник сведений о кавказских горцах, вып. III, отд. I, Тифлис, 1870, стр. 30—31.

[3] Известия кавказского отделения русского географического общества, т. XXIII, вып. I, Тифлис, 1915, стр. 73—76.

основание предположить, что дальнейшее сравнительное изучение памятников старины и бытовых черт позволит уловить и другие особенности древней обрядовой жизни горцев.

Выше мы указывали, что у ингушей существовала клятва перед склепом. Тот же обычай известен у хевсуров и кистин [1].

Выдающийся интерес представляет погребение в ладьеобразной колоде, накрываемой сверху другой такой же колодой. Подобный обычай, отмеченный нами в Ингушетии, был распространен и в Северной Осетии; в надземных осетинских склепах такие погребения наблюдались нами в различных местах — в селениях Даргавс, Хусар-Хинцаг и других; два таких погребения имеются в Осетинском музее [2]. Тот же обычай существовал у сванов: «Гроб (куб),—пишет Маргиани,—делают из соснового или елового дерева таким образом: берут дуплистое дерево, расщепывают его в длину пополам, эти половинки выдалбливают, после чего в одну половину кладут тело покойника, а другою сверху его покрывают» [3]. Погребения в колодах отмечались и в подкурганных погребениях Северного Кавказа — возле селения Эльхотово, в Пятигорском округе и в других местах [4]. Отзвуки этого обычая есть в известной поэме «Алгузиани»: вдовствующая царица, оплакивая мужа, говорит: «Ты оставил нас без покровителя, а сам сел на золотую лодку» [5]. Кавказский обычай погребения в колоде-челноке, поздний по времени, является последним звеном в эволюции одного из древнейших погребальных обрядов в лодке, имевшего большое распростране-

---

[1] Худадов Н. А. «Заметки о Хевсурии». («Записки кавказского отделения русского географического общества», т. XIV, вып. I, стр. 88).

[2] Одна из этих колод с погребенным доставлена в 1925 году Семеновым Л. П. и Щеблыкиным И. П., при участии хранителя древностей Кобанского района Канукова Б.

[3] Маргиани Д. «Сванеты» («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. X, отд. I, Тифлис, 1890, стр. 78).

[4] «Пятый археологический съезд в Тифлисе». «Труды предварительных комитетов». М., 1882, стр. 223, 225 (раскопки Антоновича); «Труды пятого археологического съезда в Тифлисе». М., 1887, стр. 43 (раскопки Самоквасова).

[5] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXII. отд. I. Тифлис, 1897, стр. 129.

ние у славян и у многих народов Запада и Востока[1].

VI

Археолого-этнографические разыскания в Ингушетии в 1928—1929 годах дали дополнительный материал к наблюдениям, произведенным нами в 1925—1927 годах, и намечают пути для дальнейших работ. Подводя краткие итоги исследовательской работы 1925—1929 годов, отметим следующее.

В первые два года нами было совершено предварительное ознакомление с памятниками Ингушетии; с этой целью в 1925 году мы посетили плоскостной район, в 1926 году — горный (до границы с Чечней). С 1927 года работа ведется полустационарно, в отдельных районах.

Материальная культура Ингушетии изобилует разнообразнейшими памятниками, имеющими не только местное, но и общекавказское значение. В дореволюционную эпоху эти памятники были изучены очень слабо. Их численность и степень сохранности оставались совершенно неустановленными. За истекшие годы мы ознакомились с общей картиной наличия памятников; многие из них подробно обследованы и описаны; таким образом, подготавливался материал к составлению археологической карты Ингушетии.

В ингушских памятниках отражена смена трех религий, последовательно сменивших одна другую: 1) языческой (наиболее древней), 2) христианской (начавшей проникать сюда около XII в.), 3) мусульманской (проникшей около XVIII в.).

Своеобразной чертой местной культуры является то обстоятельство, что новое религиозное учение, проникая в край, не вытесняло совершенно предшествовавшее, но уживалось с ним. Первоначально это выразилось в двоеверии: обряды, приуроченные к святилищам, носят следы и язычества и христианства; впоследствии сложилось троеверие, сохранявшееся в XVIII и XIX вв. Ко времени нашей работы это явление почти исчезло, в связи с окончательным господством мусульманства, но следы смешения трех религий запечатлены в памят-

[1] См. статью Анучина Н. А. «Об употреблении саней, ладьи и коней при погребении» («Древности археологического общества», т. XIV, М., 1904).

никах древности и в воспоминаниях стариков. Временами связь с древними религиозными обычаями сохраняется и проявляется в устройстве праздников перед покосом (с закланием животных), в молении о дожде при засухе и т. п.

Необходимо отметить, что эти языческо-христианские обычаи способствовали сохранению вековых суеверий и разрушали хозяйство сельчан. Известно, как сильно отражалось на бюджете горцев устройство праздников, приуроченных к святилищам, или поминок, требующих длительного массового угощения родственников, односельчан и приезжих гостей.

Характерна живучесть многих явлений, касающихся материального и духовного быта ингушей: например, ножницы со спиральным кольцом на конце, встречающиеся в подземных и надземных погребениях, бытуют до настоящего времени; орнамент ковров и вышивок конца XIX в. и начала XX в. имеет аналогии в некоторых древнейших изделиях подземных кавказских погребений; черты глубокой древности заметны в некоторых обычаях, легендах и поверьях.

Изучение памятников древности и быта Ингушетии производится параллельно с изучением смежных областей. В материальной культуре Ингушетии видны явственные следы влияния Грузии (архитектура храмов, надписи на кувшинах); много общего имеется в памятниках и фольклоре Чечни, Осетии, Кабарды. В частности, значительный интерес не только для данного края, но и в большем значении приобретает нахождение новых надписей с грузинскими письменами, сделанных не на грузинском языке. По-видимому, пользование грузинскою письменностью выходило из предела церковных нужд, и население делало попытки применять грузинский алфавит для закрепления слов на м е с т н о м я з ы к е.

В связи с этим выдвигается другой чрезвычайно важный вопрос о д а т и р о в к е ингушских архитектурных памятников. С накоплением новых материалов, собранных нашими экспедициями, вопрос этот несколько разъясняется и уточняется. Крайне ценными являются авторитетные указания проф. А. Г. Шанидзе о датировке ингушских эпиграфических памятников. Снижение древности храма Тхаба-Ерды, ошибочно отнесенного Бакрадзе к началу IX в., вполне согласовывается с нашими общи-

ми новейшими наблюдениями. Приведенная нами выше датировка основных этапов развития ингушских архитектурных памятников является ориентировочной и в дальнейшем должна быть уточнена.

Очень интересен еще один, совсем не изученный вопрос — о монетных находках в Ингушетии. Находки эти пока весьма редки. В «Коллекциях Кавказского музея» П. С. Уваровой[1], в находках из ущелья Ассы (стр. 36—38) отмечены татарские серебряные монеты (№№ 378—379). По свидетельству Х.-Б. Ахриева, в могильнике, примыкающем к селению Фуртоуг с восточной стороны, при случайных обнаружениях древних погребений встречались иногда различные монеты (какие именно, неизвестно). В 1926 году одним из жителей селения Сурхохи найдены при вспашке земли две монеты, которые были представлены нам для определения. Одна из них оказалась золотой, византийской — эпохи Феодосия II Младшего (408—450 гг.). На ней имелись следующие изображения и надписи: на лицевой стороне — бюст Феодосия в шлеме, с копьем за плечом и надписью: DN. THEODOSIUS. PF. AUG; на оборотной стороне—фигура Победы с длинным крестом в правой руке и звездой над ним и надпись: VOT. XX (слева), CONOB (внизу посредине), MULT. XXX (справа)[2]. Вторая монета, серебряная, была любезно определена для нас Е. А. Пахомовым, давшим следующее чтение надписей: 1) Бирдибек-хан, 2) чекан гор. Гюлистана, 759 г. В соседней Северной Осетии арабские, персидские, византийские и другие монеты встречались во многих могильниках: некоторые из этих могильников прилегают к границам Ингушетии (например Чми). Несомненно, аналогичные находки будут сделаны в дальнейшем и здесь.

В памятниках древности Ингушетии нередко улавливаются связи с внекавказскими культурами. Большого внимания заслуживают некоторые предметы, например, глиняная плита из храма Тхаба-Ерды, поздняя по времени, но воспроизводящая мотивы закавказской культу-

---

[1] Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея, т. V. Тифлис, 1902.

[2] См. аналогичное изображение в труде Sabatier. „Description générale des monnates Bizantines", т. I, 1862, табл. V, рис. 1 и 5 и стр. 114—117.

ры, малоазийская печать, гроб в виде колоды — челнока и другие.

Параллельно с изучением древностей выполняется этнографическая работа. Бытовая культура (предметы домашнего обихода, одежда, жилище и т. п.) и духовная (родовые предания, суеверия, легенды о первых насельниках края и проч.) также вводят нас в широкий круг давних общекавказских, а нередко и общечеловеческих переживаний. В связи с ломкой уклада, вызванной революционным строительством, и переселением жителей из гор на плоскость, происходит чрезвычайно интересная в этнографическом отношении борьба старых форм быта, уступающих место новым. Успешности этнографической работы содействовало участие в экспедициях и в разработке их материалов научных сотрудников ингушей Х.-Б. Ахриева и З. К. Мальсагова—знатоков языка и обычаев местного края.

Материалы, собранные нашими экспедициями, имеют большое значение для изучения края в других отношениях — экономическом, историческом, лингвистическом.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ В ИНГУШЕТИИ В 1930—1932 ГОДАХ

I

В дооктябрьскую эпоху Ингушетия принадлежала к числу наименее обследованных горских областей в археологическом и этнографическом отношениях. Научно-исследовательские работы, производившиеся в ней, начиная со второй половины XVIII в. и до начала XX в. включительно, носили случайный и нередко поверхностный характер; они выполнялись без какой-либо преемственности, без привлечения национальных сил. Первый ингушский краевед — Чах Ахриев (1850—1914 гг.) вел изучение материальной культуры и быта ингушей исключительно по личной инициативе. Дореволюционная литература по вопросам археологии и этнографии местного края, количественно довольно обширная, содержала в себе много противоречивых, неполных, в значительной степени устарелых и отрывочных работ, в которых

нередко выступали то в совершенно обнаженном, то в несколько затушеванном виде шовинистические тенденции авторов. Ни одного сколько-нибудь цельного, хотя бы и сжатого очерка по изучению памятников и быта ингушей не имелось. Археологические коллекции, собиравшиеся в Ингушетии, большею частью вывозились из ее пределов и поступали в музеи Тифлиса, Москвы, Ленинграда и Западной Европы. Проблема связей ингушской культуры с культурой смежных областей Северного Кавказа и Закавказья затрагивалась лишь эпизодически. Не предпринималось никаких мер по учету и охране памятников материальной культуры.

Перед исследователями местного края в послеоктябрьскую эпоху встал, таким образом, ряд едва затронутых или совершенно не изученных вопросов, касающихся культуры и быта ингушей.

По окончании гражданской войны, в связи с экономическим и культурным развитием горских областей, в Ингушетии возникают научные учреждения и организации, которые и выполняют систематическое и всестороннее изучение края, в частности, в этнографическом и археологическом отношениях. Основная работа в этом направлении ведется теперь местными силами, при близком участии в ней специалистов краевых и центральных научных учреждений. С начала 20-х годов XX в. проведен ряд экспедиций и разведочных поездок по Ингушетии, опубликованы статьи и материалы, собраны обширные коллекции. Все это в целом дает обильный комплекс очень ценных данных для разработки историко-культурных проблем прошлого и настоящего Ингушетии.

В настоящей статье мы сообщаем, в общих чертах, итоги археолого - этнографических обследований 1930—1932 годов. Нами были совершены две экспедиции в нагорную Ингушию, поездки в Северную Осетию (в нагорный и плоскостной районы) и в Грузию (в Труссовское ущелье), а также разведочные поездки с целью охраны памятников Ингушетии.

В экспедиции 1930 года, посетившей горную Ингушетию, участвовали Л. П. Семенов (археолог, руководитель экспедиции), Х.-Б. Ахриев (художник), И. П. Щеблыкин (художник), А. Шадиев (студент Горского сельскохозяйственного института) и Е. И. Крупнов (археолог).

В экспедиции 1932 года участвовали Л. П. Семенов (руководитель экспедиции), Х.-Б. Ахриев, И. П. Щеблыкин, Г. М. Даурбеков (аспирант, художник) и М. И. Слободской (член Ингушского литературного общества).

Л. П. Семеновым и И. П. Щеблыкиным в 1930 году были совершены поездка в Северную Осетию, экскурсия в Дарьяльское ущелье и поездка в селение Эльхотово, с целью обследования городища Татартуп и его окрестностей; в поездке приняли участие: от Ингушского научно-исследовательского института Л. П. Семенов и Е. И. Крупнов, от Осетинского научно-исследовательского института—Дзугаев (ученый секретарь института).

В 1931 году Л. П. Семенов и И. П. Щеблыкин посетили Труссовское ущелье и совершили экскурсию в Дарьяльское ущелье с участием Х.-Б. Ахриева.

Кроме того, были произведены следующие выезды: в марте 1931 года в селения Памет и Южный Джерах, с участием Л. П. Семенова и Х.-Б. Ахриева, с целью принятия мер по охране памятников в районе от р. Терека до санатория Армхи; ими же в ноябре того же года совершена поездка в район селения Балты для осмотра остатков погребений в пещерах, обнаруженных при расширении в этом районе шоссе Военно-Грузинской дороги. Летом 1931 года Л. П. Семеновым и И. П. Щеблыкиным совершена экскурсия в район поселка Редант (по Военно-Грузинской дороге) для осмотра памятников старины. В том же году Л. П. Семенов и проф. А. А. Захаров посетили городище в окрестностях города Орджоникидзе (близ кирпичного завода). То же городище посетили в 1932 году Л. П. Семенов и И. П. Щеблыкин.

В настоящей статье используются, главным образом, материалы, собранные в Ингушетии; из материалов, собранных в Северной Осетии и Грузии, привлекаются лишь те, которые имеют непосредственное отношение к изучению материальной культуры и быта Ингушетии; ими дополняется наша работа предыдущих лет.

II

Основными видами архитектурных памятников посещенных нами районов горной Ингушетии являются башни, святилища и склепы с их различными вариантами.

Типичные черты их отмечены нами в статьях, посвященных работам, произведенным в 1925—1929 годах.

Из башенных сооружений, вновь осмотренных нами, наиболее примечательным является замок Евлоевых, находящийся в селении Пялинг. Построен он на выступе скалы, находящейся на окраине нижней части названного селения, на берегу ручья, и представляет собою комплекс нескольких жилых башен, соединенных снаружи оборонительной стеной, внутри — сложной системой проходов. Боевая башня в замке одна. Она сооружена на линии восточной оборонительной стены в средней ее части, имеет пирамидальную ступенчатую кровлю и машикули; во втором ярусе — каменный свод с четырьмя гуртами; сохранилась эта башня лучше всех жилых башен замка, своды которых уже обрушены. В наружной стене замка окна с полукруглыми сводами и узкие бойницы. Жилые башни расположены несимметрично. У замка имеется один наружный широкий вход, находящийся близ боевой башни; он также с полукруглой аркой.

Чрезвычайно интересна одна подробность: на наружной стороне стены замка, между боевой башней и входом, выше арки входа, вделано каменное изваяние мужской головы с ясным очертанием лица и его отдельных частей. Такое украшение впервые встречается нам на башенных сооружениях. Деталь эта, как мы указываем ниже, не случайна: она связана с некоторыми аналогичными мотивами других ингушских памятников. Форма лица изваяния удлиненная; нос, глаза и брови выпуклы; рот обозначен углублением в виде короткой черты. Линия бровей сливается с краями овала лица. Над переносьем дугообразная впадина; лицо имеет маскообразный вид. Поверхность изваяния покрыта слоем желтой облицовки. В целом это скульптурное изображение отличается изяществом и несравненно большим совершенством по сравнению с несоразмерными в различных деталях и весьма примитивными изваяниями мужских лиц на барельефах храма Тхаба-Ерды.

Над окном оборонительной стены (с наружной стороны), находящимся между упомянутым изваянием и боевой башней, на плите высечен знак тамги, напоминающий начертание буквы «Т».

Той же фамилии Евлоевых принадлежит большой

замок в селении Евлой, расположенном близ селения Пялинг. Замок носит следы глубокого разрушения, причиненного действиями карательного отряда генерала Абхазова в 1830 году. Он тоже состоит из боевой башни и нескольких жилых башен. Боевая башня с машикулями и знаком креста под ними; во втором ярусе свод с четырьмя гуртами. Башня эта расположена в северо-восточном углу замковой оборонительной стены. В этой стене четыре наружных входа — два с северной стороны и два с западной; каждый вход с полукруглым сводом. Особенно примечателен один вход, идущий под помещением второго яруса жилой башни; ширина его — 1,51 метра, длина — 2,63 метра, высота с наружной стороны — 1,49 метра, с внутренней — 1,58 метра. В жилых башнях лазы и окна с полукруглым сводом, но одно окно имеет удлиненную прямоугольную форму. Линия оборонительной стены образует прямоугольную фигуру с прямоугольным выступом на западной стороне. Боевая башня не так высока, как, например, боевые в селениях Лежг, Эрзи и Пялинг. Она напоминает скорее башню в селении Салги. На стенах жилых башен, с внутренней стороны, сохранились следы облицовки.

Очень своеобразен замок в селении Вовнушки. Расположен он на скате горы, близ пешеходной тропы, и состоит из двух больших жилых башен и одной боевой; каждое жилое помещение в три яруса. Кровли и междуярусные перекрытия жилых помещений обрушились: местами сохранились лишь толстые деревянные поперечные балки. Сохранность боевой башни удовлетворительная; кровля пирамидальная, ступенчатая; лаз второго яруса—с наружной стороны, тогда как в обеих упомянутых выше боевых башнях замков Евлоевых он обращен внутрь двора. Линия наружных стен башен и соединяющей их оборонительной стены образует неравносторонний прямоугольник: на одном из его углов расположена боевая башня. Особенность кладки наружных стен замка — применение нескольких столбов, вделанных в их толщу. Вдоль верхней продольной стены и между жилыми помещениями идут проходы; проход между жилыми помещениями имеет каменную лестницу. В замке два наружных входа. В середине обоих жилых помещений сохранились мощные центральные каменные

столбы. В одном из этих помещений устроены два глубоких тайника для хранения зерна. В стену продольного прохода, с внутренней стороны, вделано несколько камней для коновязи.

Упрощенную форму оборонительного сооружения представляет замок Героевых, расположенный в опустевшем поселке Аршаут, на вершине высокой горы, близ селения Цори. Укрепление это состоит из двух, примыкающих одна к другой, башен — боевой (с плоской кровлей, ныне разрушенной) и жилой.

Помимо упомянутых замков, нами были подробно обследованы одиночные башенные сооружения. Большой интерес представляет хорошо сохранившаяся боевая башня Доловых в селении Пуй. Она имеет пять ярусов и ступенчатую пирамидальную кровлю; число уступов кровли — 10. Особенность внутреннего устройства башни — наличие каменного свода не только во втором, но и в третьем ярусе; свод второго яруса имеет четыре гурта, в третьем ярусе их нет. В углу пола второго яруса имеется отверстие, ведущее в каменный мешок для хранения зерна. Прикрыто оно небольшим жерновом.

Боевые башни прекрасной сохранности имеются в целом ряде посещенных нами селений (например, в селениях Пялинг, Нюй, Цори, Оздие и других). Отмечаем особенность одной из башен в верхней части селения Пялинг. У нее имеется пристройка в виде высокого столба, примыкающего к углу и поднимающегося выше лаза второго яруса; по-видимому, назначение столба (контрофорса) — упрочить устойчивость башни, сооруженной на крутом скалистом выступе.

Отмечаем, что сохранность боевых башен со ступенчатой пирамидальной кровлей несравненно лучшая по сравнению с сохранностью жилых башен. Это повсеместное явление, наблюдавшееся нами как в 1930—1932 годах, так и в предшествовавшие годы. Кладка стен и кровли боевых башен, имевших военное назначение, отличается большею тщательностью и прочностью. Техника постройки жилых башен более упрощенная, верхнее перекрытие их, сооруженное не из камня, а из бревен, прикрытых хворостом, засыпанным землей, легче подвергалось разрушению. В удовлетворительном состоянии находятся теперь лишь те жилые башни, которые

служат обиталищем для их владельцев до наших дней. Такие башни встречались во многих селениях, например, в селении Тумгой, Пуй, Пялинг, Цори, Оасег, Мухул.

Жилые башни были в старину принадлежностью каждого рода и содержались его же членами. Боевые башни и замки воздвигались наиболее богатыми, сильными фамилиями, подчинявшими себе, в большей или меньшей степени, беднейшие фамилии ближайших мест.

Эти сооружения, отличавшиеся сложной и более утонченной архитектурой и имевшие важнейшее значение для обороны, могли строиться только самыми обеспеченными родами, которым было по средствам приобрести и лучший строительный материал, и пригласить наиболее искусных мастеров. Феодализм не получил в Ингушетии такого развития, как в Северной Осетии или в Кабарде, но зачатки его имелись. Об этом свидетельствуют наличие боевых башен, замков, исторические документы, а также данные фольклора, в котором имеются упоминания о «лучших» ингушских фамилиях, о борьбе между отдельными родами, о рабах и т. п.

До настоящего времени в ингушском быту довольно часто приходится слышать мнение о том, что ингуши в старину не имели привилегированных фамилий, что представители отдельных родов были будто бы равны между собою. Это мнение опровергается рядом данных — материалами по обычному праву [1], историческими документами, мотивами фольклора (например, легендами о Дударовых, враждовавших со многими фамилиями Джерахо-Мецхальского общества), данными археологии.

Приводим, в дополнение к ранее опубликованным нами материалам, новые сведения, собранные в 1930—1932 годах.

Кэколайцы, представители стариннейших фамилий из

[1] «Слабая фамилия часто приходила под защиту сильной; кто-либо приходил и резал быка у башни сильного рода в присутствии народа и просил принять его в род; с этих пор он принимает новую фамилию (приютившего рода) и пользуется защитой ее». (Далгат Б. К. «Материалы по обычному праву ингушей» в «Известиях Ингушского института краеведения», вып. II—III, стр. 312—313). Слабые фамилии назывались «жившими около плетня сильных», они считались ниже высших, сильных фамилий; за покровительство слабые фамилии выполняли работы сильным (там же, стр. 347).

селений Хамхи, Таргим и Эгикал, брали дань с некоторых местных фамилий (сообщил Элбиздко Долов, житель селения Пуй).

Возле замка, развалины которого доныне сохранились на реке Ассе ниже селения Таргим, некогда была сооружена заградительная стена со входом, который запирался. С тех, кто проходил здесь, брали плату — пулю и мерку пороха (сообщено Билалом Эльджаркиевым из селения Салги).

В давние времена к числу влиятельных фамилий Джерахо-Мецхальского общества принадлежала фамилия Цицкиевых (из селения Эбн). Она враждовала с другими джераховскими фамилиями — Цуровыми, Хаматхановыми, Бимарзиевыми, Ахриевыми, Льяновыми; представители этих фамилий препятствовали Цицкиевым свободно переходить через реку Армхи (сообщил житель селения Фуртоуг Бибо Ахриев).

Доныне в горах и на плоскости популярна легенда о попытке ингушей избрать себе князя. Легенда эта уже опубликовывалась Б. К. Далгатом[1] и другими лицами. Новые варианты, с традиционными подробностями о выступлении Газди против выбора князя, записаны нами со слов Э. Долова (в горном селении Пуй) и А. Доурбекова (в плоскостном селении Барсуки).

Сообщаем генеалогию некоторых фамилий.

Доловы и Итаровы (селение Пуй): 1) Гогик, 2) Хизир, 3) Ахмет, 4) Яуп, 5) Исраил, 6) Топ, 7) Мельк, 8) Гомкорт, 9) Дол, 10) Умахан, 11) Элбиздко (сообщил Элбиздко Долов).

Ахриевы: 1) Дерх (выходец из Грузии), 2) Джейрах, 3) Леван, 4) Леварс, 5) Том, 6) Ахр, 7) Бай и Шебети, 8) Дзуго, 9) Исап, 10) Бибо, 11) Магомет. Дерх похоронен в надземном склепе, находящемся против селения Эбн; жена его — осетинка, Тагиева, из селения Саниба; Дзуго (Дуго) — известный строитель; им, между прочим, сооружен пирамидальный склеп в селении Фуртоуг; в этом склепе он впоследствии и был похоронен (сообщил житель селения Фуртоуг Бибо Ахриев).

Доурбековы: 1) Гарак, 2) Итхол, 3) Доурбек, 4) Каз, 5) Дзенгл, 6) Гайти, 7) Науруз, 8) Албаст,

---

[1] Далгат Б. К. Материалы по обычному праву ингушей, стр. 313—314.

9) Гази (сообщил житель селения Барсуки Албаст Доурбеков; Доурбековы происходят из горного селения Гарак).

Билал Эльджаркиев передал следующие интересные сведения о рабах.

Рабов из среды самих ингушей не было. В старину ингуши собирались небольшими отрядами, человек по 10—15, запасались провизией недели на две (брали жареный ячмень, который не портился в дороге) и отправлялись к границам одного из соседних народов — чеченцев, осетин, хевсуров, орстхоев. Там они подкрадывались к тем местам, где молотили хлеб, и похищали мужчин и женщин. Пленных некоторое время содержали в башнях, а затем давали знать родным, что те их могут выкупить за соответствующую плату. Обыкновенно, люди побогаче выкупали своих родственников, в плену оставались бедняки, превращавшиеся в рабов. Пленных выкупали за скот.

Бегство из плена было сопряжено с большими трудностями и опасностями. В одиночку устроить бегство было не под силу, а бежать нескольким пленным сразу — также было нелегким делом. Рассказывают, что один пленный чеченец подготовил следующим образом побег: он в течение нескольких лет притворялся послушным человеком, всю работу, поручавшуюся ему хозяином, выполнял аккуратно и этим самым приобрел доверие, ходил на свободе. Однажды ночью он захватил оружие хозяина — ружье и кинжал — убил его спящего и бежал в Чечню.

Пленные, став рабами, выполняли различную работу по хозяйству, жили там, где помещался скот, не пользовались никакими правами, с ними не роднились, им не давали земли. Дети, прижитые от рабынь, были на положении самих рабов.

Если кто-нибудь из ингушей убивал холопа богатого человека, то его владелец мог потребовать от убийцы уплаты, как за убитого ингуша. В войне холопы не участвовали, так как несли только черную работу, оружия им не давали. Рабов продавали за скот, оружие и землю, за тяжкое преступление (бесчестие женщины и т. п.) их убивали.

Если раб что-нибудь крал у кого-либо, то хозяин передавал его пострадавшему во владение. Если бывали

лишние холопы, то владелец сообщал об этом другим односельчанам и продавал их желающим.

По истечении 15—20 лет рабы, хорошо работавшие и приобретшие доверие, получали свободу, а вместе с нею и право родниться с ингушами, приобретать землю, строить для себя жилище. У ингушей есть много фамилий, ведущих род от рабов. За убитого члена богатых фамилий взимали по 12 коров, за человека бедного — 6 коров (записано в 1932 году).

К числу древнейших сооружений башенного типа, о которых существуют лишь отрывочные, чисто легендарные сведения, относятся развалины циклопической кладки близ селения Дошхакле. Ингушские предания приписывают построение этого сооружения «дивам» («дэвам»), жившим в этих местах раньше нартов. Развалины находятся в боковом ущелье около названного селения и расположены на скалах террасами. В настоящее время постройка разрушена почти до основания и первоначальную форму ее, без расчистки, связанной с большими техническими затруднениями, не представляется возможным восстановить. Большею частью камни лежат бесформенной грудой, но на верхней террасе можно определить очертания кладки. Сохранились нижние ряды камней, лежащих в 2—3 яруса. Некоторые камни, в особенности угловые, носят следы грубой обработки, прочие — без явного ее признака. Величина и форма камней различны; длина наиболее крупных — 1 метр и более, ширина и толщина — до 0,40— 0,60 метра. Следов цементировки нет. Площадь этой постройки — 5,75 × 7,50 м.

III

Наиболее древние ингушские культовые памятники, дошедшие до нашей эпохи, относятся приблизительно к XII в. (н. э.). Самым монументальным и выдающимся из них является известный храм Тхаба-Ерды, неоднократно описывавшийся путешественниками и археологами, начиная с XVIII в. Сооружен он грузинскими строителями, изобилует орнаментированными плитами и многочисленными рельефными изображениями людей и животных. Мы осматривали храм, начиная с 1926 года, несколько раз. Отметим важнейшие подробности, касающиеся его современного состояния.

С тех пор, как его обследовал В. Ф. Миллер, он пришел в еще большее запустение. В стенах много глубоких трещин. Особенно сильно повреждена юго-западная стена. В каждом из четырех отделений храма в кровле зияют большие провалы. Снаружи разбросано много камней, упавших с кровли и с разрушающихся стен. Местное население еще со второй половины прошлого века пользуется им для загона мелкого скота; пол покрыт толстым слоем слежавшегося навоза и мусора.

Среди обломков, находящихся внутри храма, в 1930 году мы откопали и очистили от приставшей земли нижнюю часть модели храма, которая первоначально была вделана в юго-западную стену, над центральной человеческой фигурой, как ее видел В. Ф. Миллер. Модель эта высечена из камня; высота ее — 0,52 метра; верхняя часть модели — купол находится в Ингушском музее. Храм Тхаба-Ерды заслуживает специального всестороннего обследования. Не располагая достаточным временем для этого, мы могли пока выполнить в 1930 году лишь обмер его, более полный, нежели тот, который в 1886 году был сделан В. Ф. Миллером [1].

Бакрадзе датировал этот храм 830 годом. По нашим наблюдениям, совпадающим с наблюдениями проф. А. Г. Шанидзе, основывающего свое мнение на анализе грузинских письмен, имеющихся на плитах названного храма, Тхаба-Ерды сооружен не ранее XII в.

Не менее древним является другой христианский храм — Алби-Ерды, развалины которого находятся на левом берегу реки Ассы, против селения Таргим. Прочие культовые сооружения—более позднего времени. Это или христианские церкви упрощенной, по сравнению с Тхаба-Ерды и Алби-Ерды, архитектурой, или языческие молельни, возникшие в эпоху упадка христианства. Описание этих храмов дано в статье И. П. Щеблыкина «Архитектура древних ингушских святилищ». Сообщаем дополнительные сведения, собранные в процессе наших новейших разысканий.

В 1930 году нашей экспедицией был посещен храм Гурмте, находящийся на горе Гурма, в окрестностях

[1] См. план храма и данные о его постройке в XII в. в статье Крупнова Е. И. «Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе». КСИИМК, вып. XV, М., изд-во АН СССР, 1947, стр. 116—125. (Прим. ред.).

одного из самых высокогорных ингушских селений — Гаппи, на скалистом гребне, поросшем сосновым лесом. Гурмте представляет собою каменное сооружение с неравносторонним прямоугольным основанием и двускатной ступенчатой кровлей, плиты которой имеют наклон вниз. Постройка эта сложена на извести, с облицовкой белого цвета, сильно выветрившейся. Вход с полукруглым сводом, образованным цельным прочным камнем. Ориентировка святилища — с востока на запад. Вход в западной стене. Закрывался он деревянной двухстворчатой дверью. В восточной и западной стенах — узкие окна. В левом углу, у восточной стены, — каменный выступ со следами белой облицовки, подобие жертвенника, с небольшой ступенькой. Внутри имеются ниши. Стены выбелены. Сохранность памятника в общем удовлетворительная. Пол завален большим количеством рогов — оленьих, турьих, бараньих, воловьих, очень древних и совершенно поздних, а также заостренных палочек и обломков деревянных кубков. Сохранились две поперечные балки; между ними в стенах углубления для третьей, отсутствующей.

Наружный обмер площади храма — 2,70 × 3,92 метра; толщина стен — 0,65 метра; наружная ширина входа — 0,72 метра; высота — 1,09 метра; внутренняя ширина входа — 0,96 метра; высота — 1,77 метра; внутренняя высота храма — 3,30 метра. Гребень кровли частично разрушен; число сохранившихся уступов ее — 7.

Близ этого храма находятся развалины еще двух святилищ. Одно из них по своим размерам приблизительно равняется первому; от него остались лишь невысокие развалины стен. Другое представляет собою глухую постройку меньшей величины, с большой наружной прямоугольной нишей; оно сильно разрушено упавшей на него сосной.

В храме Гурмте до настоящего времени совершаются моления, на которые приходят жители Ассинского ущелья из района Эгикал-Пуй. Местность, в которой расположен храм, является одной из живописнейших во всей горной Ингушетии.

В 1930 году экспедицией вновь был посещен храм Тушоли, находящийся в заброшенном селении Кок. Тушоли — божество плодородия; культ его был широко развит в Ингушетии с древнейших времен. Остатки этого

культа сохранялись до начала XX в. В храме некогда было деревянное изображение Тушоли, имевшее, по свидетельству одного из ингушей, когда-то видевшего его, форму человеческой фигуры высотою около $^2/_3$ метра; идол был сильно изъеден червоточиной; к нему была прикреплена металлическая маска. Статуя не сохранилась до нашего времени; металлическая же маска, найденная в этом храме в 1921 году экспедицией, которой руководил проф. Н. Ф. Яковлев, находится теперь в Ингушском музее. Это предмет уникального значения.

Главной целью посещения храма Тушоли была доставка в Ингушский музей фаллического памятника, стоявшего перед оградой храма. Памятник это чрезвычайно редкий на Северном Кавказе[1].

В дореволюционную пору фаллический памятник пользовался большой известностью. К нему приходили молиться о даровании детей бесплодные женщины. Около памятника совершались в засушливую пору мольбища о ниспослании дождя. По тени, падавшей от него, жители определяли время дня. Затем культ его заглох. Селение Кок совсем опустело. По рассказам жителей ближайших мест, памятник этот иногда опрокидывался бурей; верхняя часть его временами сваливалась и далеко откатывалась. Учитывая исключительную ценность и возможность порчи или полного разрушения памятника, мы в 1930 году доставили его в Ингушский музей.

В 1932 году впервые был обследован храм Тумгой-Ерды, находящийся в селении Тумгой, на северной его окраине, у самой тропинки. Построен он на выступе скалы. В основании храма — прямоугольник с неравными сторонами; ориентация его—с северо-востока на юго-запад, длина стен снаружи: юго-восточной — 10,04 метра, северо-западной — 10,12 метра, северо-восточной — 4,56 метра, юго-западной — 4,26 метра. Храм имеет двускатную ступенчатую кровлю с 13 уступами и вход (в юго-восточной стене) с полукруглой аркой. Наружная ширина входа — 0,83 метра, высота—1,32 метра. Наружная облицовка желтоватого цвета; частично она выветрилась; внешняя и внутренняя сохранность храма удовлетворительная.

[1] См. размеры и описание памятника на стр. 43.

Внутри храм имеет три арки. Над средней аркой устроена еще одна арка, малого размера. Высота арок— 2,03 метра, 3,03 метра, 2,19 метра; ширина внизу — 1,69 метра, 2,66 метра, 1,53 метра. Храм слабо освещается маленькими окнами и светом, проникающим из входа. Окна расположены следующим образом: одно окно в северо-восточной стене, четыре в северо-западной (два в алтарной части и 2 в смежной с нею части храма) и два в юго-западной стене; амбразуры окон расширяются во внутрь. Пол каменистый, неровный. В алтарной и смежной с нею части он повышен, в других отделениях храма заметно снижается. В стенах и арках большое количество прямоугольных ниш и коленчатых тайников. Некоторые ниши расположены рядом и разделены лишь тонкой перегородкой. Ниши и тайники пусты. Только в двух нишах находилось по одному бараньему рогу. Кроме того, в различных местах в стены вделаны небольшие каменные плиты, образующие полочки,— треугольные или прямоугольные (одна из таких полок устроена над аркой), а также каменные крючья, козьи и бычьи рога. В храме много поперечных деревянных балок, вделанных в стены и арки на различной высоте. Балки закопчены. Толщина стен (в окнах) 0,48—0,50 метра.

В день осмотра храм был чисто прибран и выметен. На стене, против входа, висел веник из пучка сухой травы. В северо-западном углу были свалены в одну груду предметы культового обихода — деревянные кубки (цилиндрические, на ножке), деревянные блюда, небольшие корыта, скамеечки на трех ножках. Кубки разной величины, некоторые из них сильно расширены в верхней части. Размер одного из корыт: длина—0,74 метра, ширина 0,44 метра. Сохранность его хорошая. Нами взято несколько кубков различной формы.

Перед храмом, с южной стороны, сохранились остатки каменной ограды. Близ храма против входа сооружено высокое каменное столпообразное святилище со стрельчатой нишей с юго-западной стороны. Памятник покрыт облицовкой желтого цвета. Верхняя часть его частично разрушена. Площадь основания—1,44 × 0,70 метра, высота—3,70 метра, высота ниши—1,06 метра, глубина —0,49 метра.

Храм Тумгой-Ерды и столпообразный памятник, находящийся возле него, до сего времени не были отмече-

ны в литературе. О столпообразном памятнике имелось лишь беглое упоминание в очерке Ч. Ахриева «Ингуши» следующего рода: у одного из ингушских легендарных родоначальников, по имени Магол, был сын, которого звали Гуй; сыновья последнего поставили в память отца столб высотой 2 сажени, шириною 2 аршина. Памятник этот соответствовал якобы настоящему росту Гуя; Гуй жил в селении Тумго[1]. Легенда о построении столпообразного памятника до сих пор жива в том же варианте в памяти местного населения; нам приходилось слышать ее в 1932 году от жителя селения Салги Б. Эльджаркиева.

Тумгой-Ерды принадлежит к числу крупнейших по величине святилищ горной Ингушетии; по размерам он приближается к святилищу Маги-Ерды, площадь основания которого равна 3,97 × 10,34 метра. Наличие трех арок до сего времени было отмечено нами еще только в храмах Тхаба-Ерды и Делите (Долте). Тумгой-Ерды, отличающийся, по сравнению с многими другими местными культовыми памятниками, более сложной архитектурой, прочностью кладки и хорошей сохранностью, может быть причислен к самым выдающимся (после Тхаба-Ерды и Алби-Ерды) древним христианским сооружениям Ингушетии.

Большой интерес представляет своеобразное столпообразное святилище, находящееся в окрестностях селения Нюй. Беглое упоминание о нем, с приложением рисунка, встречается только в труде В. Ф. Миллера[2] без каких-либо указаний о величине памятника.

Памятник подробно обследован нашей экспедицией в 1930 году. Построен он на выступе скалы, на левом берегу ручья, выше селения Нюй. Сложен из камня, на извести, имеет вид столпа со ступенчатым двускатным верхом, увенчанным гребнем из цельного камня, и глубокой стрельчатой нишей внизу. Отмеченная форма обычна для ингушских столпообразных памятников, которые очень часто встречаются в горных районах области. Отличаются размерами и деталями второстепенного значения; памятники этого типа имеются, например, возле селений Лежг, Эрзи, Эгикал, Таргим. Насто-

[1] Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, стр. 17—18.
[2] МАК, т. I, стр. 34.

ящий памятник имеет ряд индивидуальных черт, придающих ему большую археологическую ценность.

На южной (лицевой) стороне его, в которой устроена ниша, в верхней части, между краями нижних уступов шиферных плит, вделано каменное изваяние человеческого лица, ныне сильно поврежденное (отбиты обе щеки). При обследовании В. Ф. Миллером изображение это было в хорошей сохранности. Несколько ниже, почти посредине между изваянием лица и нишей, вделана поперечная широкая шиферная плита; первоначальная длина ее была 0,76 метра; теперь правая часть ее, длиною 0,28 метра, отбита. При осмотре В. Ф. Миллером плита была цела. На ней высечены следующие знаки и изображения: 1) часть окружности с двумя лучами (слева), 2) орнаментировка елочного типа, которую В. Ф. Миллер счел за изображение пера, 3) ниже высечены два знака, подобные букве «п» в опрокинутом виде, 4) справа от них имеется третий такой же знак, повернутый на бок, 5) под первыми двумя знаками имеются следы аналогичных двух знаков, обращенных в противоположную сторону; над первым из этих знаков и между вторым и третьим—углубление в виде точки. По описанию В. Ф. Миллера, на правой стороне плиты, теперь отсутствующей, находились два круга с вписанными в них знаками тавра. На западной стене, вверху, имеется углубление в виде четырехконечного креста; ниже, на уровне орнаментированной плиты, вделан камень, выступающий из стены под прямым углом (подобие коновязи); еще ниже вделан второй такой же камень меньших размеров.

Общая высота памятника — 2,78 метра, площадь основания — 0,78 × 0,90 метра, высота ниши—1,05 метра, глубина ее—0,50 метра, ширина внизу—0,46 метра, расстояние снизу до нижнего уступа верхней части—2,08 метра; ширина орнаментированной плиты—0,22 метра. Памятник кверху суживается, и ширина его на уровне изваяния лица—0,63 метра; расстояние между плитками верхней части—0,12 метра; толщина этих плиток—0,05 метра; расстояние снизу до первого каменного выступа—0,75 метра, до второго — 1,47 метра.

Изображение лица, имеющееся на этом памятнике, характерно для данного района. Аналогичное изображение имеется на стене замка Евлоевых (в соседнем селе-

нии Пялинг). Ценность этих изваяний тем более велика, что барельефные мотивы, в общем, в противоположность Дагестану, весьма редки в Ингушетии и в соседней с нею Северной Осетии. Древнейшими образцами барельефного искусства в Ингушетии являются изображения людей и животных на стенах храма Тхаба-Ерды—памятнике грузинского зодчества. Изваяние лиц на замке Евлоевых и на святилище близ селения Нюй—памятники более позднего времени, созданные, по нашему мнению, местными мастерами. Напомним также о деревянном изображении божества Тушоли, украшенном металлической маской, и каменной бабе примитивной работы, доставленной одной из наших экспедиций из селения Фуртоуг в Ингушский музей. Пластические изображения человеческих фигур и лиц, как видно из приведенных примеров, не случайны в Ингушетии; характерно, что они связаны с памятниками различного назначения— с замковой постройкой, культовыми и могильными памятниками.

Два столпообразных святилища упрощенной формы отмечены нами, дополнительно к прежним разысканиям, в боковом ущелье близ селения Нижний Джерах, на левом берегу ручья. Памятники стоят рядом на выступе скалы, близ ручья. Сложены из камня, на извести, сохранили следы известковой облицовки. Один из них высотой в 1,57 метра, имеет три прямоугольных ниши на лицевой стороне и три уступа в верхней части. Другой сверху сильно поврежден, имеет одну нишу; высота его—0,94 метра.

Небольшие столпообразные святилища отмечены нами также на окраине селений Пялинг и Нюй, близ селения Бешт (к востоку от селения Вовнушки).

Житель селения Гули Паци Гулиев сообщил сведения об урочище Елти-корт, находящемся на высокой горе в окрестностях названного населенного пункта. Место это считается священным. Там грудой свалены рога оленей. Деревья, росшие на этом месте, в старину нельзя было рубить— из боязни навлечь на себя несчастье; запрещалось пасти скот —из боязни, что у коров и коз не будет молока. Во время засухи жители ближайших мест ходили туда молиться о ниспослании дождя, приносили медный котел для варева, резали козленка для еды, а шкуру вывешивали там же на шесте. После Октябрьской ре-

волюции почитание урочища упало. Последний раз моление в Елти-корт было совершено лет 5—6 назад. Жители стали рубить священный лес и уже не боятся, что с ними будет какая-нибудь беда.

Несомненным является то обстоятельство, что остатки язычества с каждым годом все более и более слабеют, но, умирая, они временами дают вспышки, к которым надо внимательно присматриваться при проведении культурно-просветительной работы в нагорной полосе. В 1932 году летом в горах была засушливая погода, и местные жители, опасаясь, что это явление будет затяжным, совершили в различных местах моления по древнему обряду — о ниспослании дождя. В сентябре того же года от продолжительных ливней сильно испортилось скошенное сено, и суеверная часть населения в разных местах, от селения Бейни до Цейламского перевала, вновь молилась древним богам, но уже о прекращении дождей.

Общее состояние храмов свидетельствует о глубоком их запустении, заброшенности и о пренебрежительном отношении к ним местного населения. Большею частью храмы пусты; часто они служат местом для загона скота, хранения сена или сельскохозяйственных орудий (Тхаба-Ерды, Маги-Ерды, Мятцил, Бейни-Сели и многие другие). Примитивный культовый инвентарь встречается в очень немногих святилищах (Гурмте, Тумгой-Ерды). Мусульманство, в своих интересах, использует пережитки языческих обрядов, принимая участие в проведении культовых празднеств; еще в статье о наших работах в 1925—1927 годах мы отмечали, что на одном из массовых празднеств, совершенном в 1927 году перед началом покоса, руководителем мольбища, сопровождавшегося закланием молодого быка, был мулла. Видное место в быту жителей нагорной и плоскостной Ингушетии занимает вопрос о мусульманстве, о его различных сектах. Нашими экспедициями собраны материалы, касающиеся этой проблемы, но данный вопрос еще очень мало исследован и требует углубленного изучения.

IV

При обследовании могильных памятников главное внимание уделялось нами надземным и полуподземным склепам и лишь частично—подземным погребениям, об-

следование которых связано с затратой длительного времени, которым мы в 1930—1932 годах не располагали. Основные типы этих памятников и их разновидности описаны нами в предыдущих очерках о работах 1925—1927 годов и 1928—1929 годов. В настоящей статье отмечаем важнейшие дополнительные сведения.

В селении Кяхк, близ жилых построек, разбросаны склепы двух видов — надземные (с пирамидальной кровлей) и полуподземные — с камерой, глубоко врытой в скалу. В окрестностях в различных местах имеются полуподземные склепы и большой, сильно разрушенный двускатный склеп.

Несколько склепов имеется в селении Гапи; один из них с круглым основанием и ступенчатой конической кровлей. Могильники из надземных склепов находятся ниже селения Евлой (на берегу ручья), в селениях Пялинг, Нюй и других.

Близ селения Гвези находится могильник с различными памятниками; основные виды их следующие: 1) памятники с полукруглой каменной кладкой, частично выступающей из-под земли; камни сложены в несколько ярусов; над памятниками возвышается невысокая каменная вертикальная плита; 2) невысокая каменная кладка с прямоугольным продолговатым основанием, с плоским верхом; с одной стороны, в уровень с верхней частью памятника, возвышается каменная вертикальная плита; 3) подземные погребения, отмеченные вертикальными каменными плитами; 4) подземные погребения с невысокой каменной кладкой, над которой возвышается каменная вертикальная плита.

Надземные склепы имеются близ селения Евлой. В одном месте заметно присутствие подземных погребений, прикрытых толстыми каменными плитами, частично обнажившимися.

Обширное древнее кладбище расположено близ селения Мухул. Оно раскинулось на крутом склоне горы, близ тропинки, обнесено невысокой каменной сухой кладкой.

Основные виды находящихся здесь памятников следующие: 1) невысокая прямоугольная продолговатая каменная кладка, прикрытая сверху поперечными каменными плитами; с западной стороны — вертикальная плита; 2) невысокая насыпь с вертикальной плитой с

западной стороны; 3) столпообразные памятники с прямоугольным основанием и плоским верхом; немного ниже самого верха с каждой стороны выступают тонкие шиферные плиты в 1, 2, 3 яруса; памятники этого рода по два или по три соединены между собой невысокой каменной стеной; на некоторых столпах вделаны камни с утолщением на конце (типа коновязи, вделывающейся в стены башен); 4) полуподземные склепы; 5) невысокая каменная прямоугольная кладка с плоской кровлей; 6) вертикальные каменные плиты. Склепы и столпы имеют желтую облицовку.

Большое скопление надземных склепов возле селения Тумгой; здесь находятся надземные склепы с пирамидальной и двускатной кровлей, один конусообразный, полуподземные склепы. Надземных склепов более пятнадцати. Они имеют обычную желтую облицовку; некоторые лазы склепов стрельчатой формы; лазы прикрыты деревянными или каменными ставнями. Большей частью склепы хорошей сохранности. По количеству надземных погребальных сооружений это кладбище — одно из самых значительных в Ингушетии, наряду с ним могут быть поставлены древние кладбища лишь двух селений — Фалхана и Таргима.

Нами были осмотрены многие склепы как в упомянутых, так и в других селениях — в селениях Пуй, Хамхи, Карт, Дошхакле, Харпе и прочих. Целью обследования было ознакомление с внутренним устройством склепов и с типом погребального обряда.

Лишь немногие из этих склепов оказались совершенно нетронутыми; прочие носили следы и естественного разрушения, и расхищения, особенно склепы селения Хамхи.

Надземные склепы датируются эпохой XIV — XVIII вв. Встречаются погребения, в которых естественная мумификация еще не закончена (селение Кяхк). Во всех склепах погребения коллективные. В значительном большинстве случаев покойники хоронились без гробов, реже — в деревянных гробах: 1) выдолбленных из колоды и накрывавшихся сверху другой колодой, 2) сделанных из досок, скрепленных деревянными заклепками или обручами. Детские гроба имеют вид удлиненных узких ящиков, напоминающих по форме позднейшие горские люльки. Детей младенческого возраста хоронили

без гроба, завернутыми или зашитыми в длинные, узкие куски белого холста. В большом двускатном склепе селения Евлой нами найдено несколько досок от гробов, покрытых художественной резьбой с геометрическим орнаментом. Резные доски того же типа доставлены нами в Ингушский музей в 1929 году из склепа селения Тери.

Встречаются высохшие тела очень хорошей сохранности, с вытянутыми конечностями или сильно скорченными. В Ингушский музей нами привезена мужская голова (из склепа близ селения Харпе) в стеганой шапке синего цвета.

Предметы мужских погребений: стеганые шапки из цветных тканей; широкие халаты; кисеты из ткани или кожи с вышитым на них узором, заключающие в себе глиняные трубки, кусочки кремня, трута, огнива; узкие пояса из ремня с примитивным металлическим (медным или железным) набором и передвижными пряжками; костяные пороховницы; газыри (трубки для хранения пороха) из дерева или кости с пулями и порохом; железные ножи и кинжалы с костяной или деревянной рукояткой, с деревянными или кожаными ножнами; серебряные и медные перстни; чувяки и сапоги; деревянные и глиняные сосуды; луки со стрелами; музыкальные струнные инструменты; в более поздних погребениях — конца XVIII в. и начала XIX в. — встречаются шерстяные черкески.

Чрезвычайно интересен найденный нами в склепе селения Евлой мужской головной шлемообразный убор из стеганой ткани, расшитый изящным узором, с четырьмя разрезами по краям.

Предметы женского погребения: головные высокие роговидные уборы красного цвета («курхарс»), платки, бусы (стеклянные и сердоликовые, круглые и граненые); 8-лопастные медные и серебряные серьги; двухсторонние костяные и деревянные гребни; стеклянные зеркальца; кисеты из цветной ткани (в виде «конверта») или кожаные с вложенными в них мелкими предметами — медные наперстки, иглы, мотки ниток, вата; серебряные и медные перстни; длинные цветные халаты, охваченные у талии куском белой ткани, с привешенными к нему кисетом и железными ножницами; чувяки; деревянные и глиняные сосуды.

В детских погребениях встречались игрушки: куклы

из палочек и дощечек, обшитых тканью, с вышитыми глазами, носом и ртом, альчики, чувяки, маленькие железные ножи.

Здесь можно отметить как местные, так и привозные предметы. К числу местных относятся изделия из железа (ножи, огнива, кинжалы, ножницы), дерева (гребни, чубуки, луки, чашки, музыкальные инструменты), кожи (ремни, обувь, кисеты), серебра (кольца, серьги, бляхи для головных уборов), меди (височные кольца в виде одной или трех спиралей), кости (газыри, пороховницы, гребни); к числу привозных (из Грузии и России) относятся ткани (шелк, ситец), стеклянные бусы, медные наперстки, стеклянные зеркальца, железные замки.

К наиболее старинным предметам относятся: 8-лопастные плоские медные и серебряные серьги или височные кольца, сердоликовые бусы (круглые и граненые), костяное шило изящной работы, с отверстием для привешивания, изящная медная подковообразная привеска.

К предметам, издавна бытующим в крае до начала XX века, относятся следующие: железные ножницы со спиральным кольцом на конце и длинными выгнутыми лезвиями (такие ножницы встречаются в подземных погребениях VI—IX вв., в полуподземных склепах эпохи X—XIV вв.), деревянные круглые чашки, чувяки, железные ножи и кинжалы, музыкальные инструменты, кисеты из ткани для туалетных мелких предметов.

Ряд изделий отличается примитивностью, например, деревянная утварь в виде неглубоких чашек большого и малого размера, железные ножи, деревянные и костяные гребни, серебряные и медные перстни (с цветными стеклянными глазками), кисеты из ткани и кожи, холщевые пояса.

Своеобразны и изящны женские головные роговидные уборы, обтянутые красной тканью, со свешивающейся сзади короткой тыльной частью какого-либо другого цвета (синего, золотистого и др.); убор этот украшен выпуклой круглой серебряной бляхой, кружевом и лентами.

В архиве русского посольства первой половины XVII в. упоминается, что женщины горной Ингушетии «носят на голове рога в поларшина»[1]. Упоминание об

[1] Генко А. Н. «Из культурного прошлого ингушей». («Записки коллегии востоковедов», т. V. Л., 1931, стр. 731).

этом уборе ингушских женщин встречаем и в труде Клапрота, который отмечает, что такое украшение отличает кистинских женщин от татарских, кумыкских и черкесских женщин. Он дает довольно подробное описание убора [1] и схематичное изображение его.

При обследовании нетронутого женского погребения в колодообразном гробу (в надземном склепе селения Гарак) в 1929 году нами было отмечено, что подобный убор был положен под голову погребенной. Судя по приведенным данным, «курхарс» носили ингушские женщины по крайней мере с начала XVII в. до начала XIX в.

Бусы — чаще стеклянные, круглые и граненые, цветные; реже — с глазками или несложным узором; сердоликовые бусы встречаются в небольшом количестве.

Из предметов, попадавшихся в единичных экземплярах, назовем следующие:

1) медное шило — плоское, с зигзагообразной насечкой и отверстием для привешивания (селение Пуй);

2) костяное шило, упомянутое выше (селение Пуй); в описании обследования одного из надземных склепов Джераховского района В. В. Долбежев упоминает о костяной игле [2];

3) изящная подковообразная медная подвеска (см. Пуй);

4) деревянное изображение птицы, вероятно, голубя, грубой работы (из склепа селения Хамхи);

5) медная полая серьга сферической удлиненной формы, с зернью внизу и кольцом в верхней части, позд-

---

[1] „... Les femmes des Mitzdjeghis portent une coiffure, dont le haut a la forme d'une corne de chamois, mais qui est recourbée sur le devant... Gette corne est ordinairement d'ecorce de bouleau, creuse et couverte de drap ou d'etoffe de sole; elle a prés, de deux pouces de largeur et sept de hauteur: la pointe courbée est tournée vers le front; elle a pour base une petite guirlande, large de quelques doits, qui pose sur le sommet de la tete, et qui est garnie de corail: cette coiffure s'appelle t c h o u g o u l. Les filles des Mitzdjeghis portent des bonnets tscherkesses". (Klaproth. „Voyage au mont Caucase et en Georgie". Paris, MDCCC XIII. т. II, 47).

Клапрот не дает перевода слова „Tchougoul", но, по-видимому, оно взято им из черкесского языка; на странице 186 упоминается слово „Tchougouldour", означающее по-русски „тур".

Прим. ред.: „чlугал" означает по-ингушски „хохол", „петуший гребень".

[2] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XIII, отд. I. Тифлис, 1892, стр. 137.

ней выделки (подражание более древним бронзовым, характерным для подземных погребений в каменных ящиках VI—IX вв. и полуподземных склепов эпохи IX—XIV вв.).

Наибольший интерес в нашей новой коллекции представляют серьги или височные кольца, обыкновенно восьмилопастные, плоские.

Украшения этого типа еще не отмечались в печатных трудах об Ингушетии. Укажем ряд характерных особенностей, присущих названным изделиям.

Они встречаются в женских погребениях вдетыми в мочку уха, прикрепленными к волосам на висках или пришитыми к платку, покрывающему голову. Изготовлялись изделия из меди или серебра; имеют вид серповидной пластинки, окаймленной по наружному краю восемью лопастями, реже — семью или шестью. Лопасти закругленные или притупленные, плоские или выпуклые. Пластинка украшена узором, имеющим традиционные черты (элементы растительного орнамента и линейная мелкая штриховка). В верхней части пластинки бывают два круглых отверстия или два полусерповидных выреза, разделенных зубчатым выступом. Встречаются серьги без выреза и отверстий. Каждая имеет большую дугообразную петлю для подвешивания; оба конца ее снабжены отверстиями; во многих серьгах отверстия скреплены нитями. В одном погребении мы встречали не более пары серег. В 1930 году нами было собрано 16 таких серег, в предшествовавшие годы — 5; всего в коллекции 21 серьга.

Чаще всего встречаются 8-лопастные: в нашей коллекции 8-лопастных — 19, семилопастных — одна, шестилопастных — одна. Количество серег, имеющих в пластинке два отверстия или два глубоких выреза, приблизительно одинаково; у нас имеется по 8 экземпляров каждого вида; реже встречаются пластинки без отверстия или вырезов (5 экземпляров).

Серьги с 6 и 7 лопастями имеют небольшой размер: 3,7 сантиметра в длину (по вертикальной линии); серьги со слабо выраженными лопастями (общее количество их около $\frac{1}{3}$) также небольших размеров — от 5,3 до 5,9 сантиметра. Значительно крупнее господствующий тип серег — с восемью большими лопастями, их размер от 6,1 до 8,8 сантиметра в длину.

Изделия эти представляют большую археологическую ценность, так как имеют заметное сходство с височными кольцами вятичей; от вятических они отличаются меньшей изысканностью и числом лопастей (8 вместо 7).

А. В. Арциховский датирует вятические семилопастные височные кольца эпохой XII—XIII вв.[1]. Относительно происхождения височных колец А. В. Арциховский отмечает две теории: о византийской их родине и арабской[2].

Серьги этого типа прослежены нами в различных районах нагорной Ингушетии — в полуподземных склепах (селение Кошк) и надземных (селения Эрзи, Кяхк, Пялинг и др.) — в погребениях, датируемых XIV—XVIII вв., то есть более поздних, нежели вятические. Нам известно, что такие же серьги встречаются в нагорной Чечне. Таким образом, выдвигается новый аспект изучения связей культуры народов Северного Кавказа с культурами славян, византийцев и арабов. По отношению к Ингушетии наименее вероятным является византийский источник; больше данных, по нашему мнению, о связи ингушской культуры данного типа с арабской и, в особенности, со славянской, на что указывает и заметная близость эпох бытования этих предметов на Севере (XII—XIII вв.) и в Ингушетии (XIV в. и позже). Пребывание же арабов в Грузии и Дагестане, оставивших в истории материальной культуры Ингушетии некоторые следы, относится к более ранней эпохе. При дальнейших разысканиях необходимо выяснить, встречаются ли упомянутые серьги в более ранних кавказских погребениях, а также в областях, смежных с Ингушетией и Чечней.

В 1930 году нами обследовано несколько полуподземных и подземных склепов близ селения Кяхк, у храма Тхаба-Ерды и в других местах. Собранный материал не прибавляет чего-либо нового к ранее сделанным и опубликованным нами наблюдениям.

При осмотре обширного могильника близ селения Памет и селища (см. стр. 18, 45) в обнаженных выветривающихся срезах культурных слоев были найдены обломки глиняной утвари красного и черного цвета, поделка из шиферной плитки круглой формы (диаметром

[1] Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1928, стр. 140, 149—150.

[2] Там же, стр. 47—48.

4,5 сантиметра), полусферический предмет из кости (диаметром 4,5 сантиметра) с отверстием, железное кольцо, три наконечника железных стрел, стеклянная круглая бусина.

V

В предшествующих статьях мы отмечали тесную связь древней ингушской материальной культуры (архитектурных памятников, погребального инвентаря, культовых предметов) с материальной культурой смежных и более отдаленных областей Кавказа. Большой интерес для изучения культурно-экономических взаимоотношений Ингушетии с соседними областями представляет, в частности, вопрос о художественной резьбе по дереву.

Выше мы упоминали о находке в склепах орнаментированных досок от гробов. Это не единичные, не случайные находки. Искусство резьбы по дереву, известное ингушам еще в глубокую старину, проявлялось в различных видах. Отмечаем ряд образцов этого искусства.

В Ингушском музее хранится жреческий жезл из храма Маги-Ерды, находящегося в окрестностях селения Салги. Доставлен он покойным Г. А. Вертеповым в 90-х годах прошлого века. Жезл покрыт несложным геометрическим орнаментом и имеет железные петли для привешивания колокольчиков.

В коллекциях культовых предметов нашего времени имеются деревянные кубки (из храмов Маги-Ерды, Гурмте, Тумгой-Ерды и др.); на некоторых из них вырезан знак креста. В святилище Мекалте нами был найден старинный, сильно попорченный временем совок, покрытый разным геометрическим орнаментом. Из одного из полуподземных склепов Магате в наш музей доставлен небольшой продолговатый ларчик с выдвижной крышкой, покрытой аналогичной резьбой.

В Ассинском ущелье, и еще чаще в восточном районе Ингушетии, нередко встречали образцы деревянной художественной резьбы, поздней по времени (середина или конец XIX в.), но приближающейся по орнаментировке к предметам, встречающимся в древних склепах.

Чаще всего находим деревянные лари для хранения зерна. По внешнему виду они напоминают большие ящики с неравносторонним четырехугольным основани-

ем. Передняя (удлиненная) боковая сторона их бывает покрыта резным узором, состоящим из крестов, звезд, кругов и других геометрических элементов. Такие лари мы видели, например, в селениях Кяхк, Пялинг, Нюй, Гул. Особенно интересны лари, найденные в селениях Пялинг и Гул.

По словам жителя селения Кяхк Мачко Шадиева, узор на ларе, принадлежащем ему, сделан знакомым хевсуром. Ларь, принадлежащий жителю селения Гул Паци Гулиеву, вывезен им лет 30 назад из Чечни.

Наиболее интересные предметы, украшенные резьбой, встретились нам в селении Мухул. Здесь, в доме Эдельби Бузуртанова, мы видели следующие художественные изделия: шкаф, створки дверец которого покрыты узором, напоминающим узор ингушских ковров, и две кровати с фигурными сквозными спинками, тоже покрытыми изящным орнаментом; часть узора зачернена краской. Стена одной невысокая, у другой — украшена несколькими зубчатыми выступами, к концам которых прикреплена вешалка для головных уборов и платьев. По словам хозяина, эти три предмета приобретены им лет 30 назад в Чечне (у харачоевцев). Во дворе Э. Бузуртанова мы нашли спинку сломанной старинной кровати, украшенную резьбой; одним из элементов узора является изображение руки с раздвинутыми пальцами.

Орнаментировка ингушских ларей напоминает мотивы осетинских и грузинских резных изделий. Образцы осетинских мотивов имеются в альбоме художника А. Хохова[1]. Отметим, что резной столб, часть которого изображена на рисунке 30 (стр. 11), доставлен в местный музей мною и И. П. Щеблыкиным в 1925 году из селения Цагат-Хинцаг. Владелец столба сообщил нам, что предмет этот, по фамильным преданиям, был когда-то вывезен из Южной Осетии.

Вопрос об ингушском орнаменте, встречающемся на деревянных изделиях, коврах, старинных вышивках, на стенах башен, на могильных плитах, связан с изучением орнамента соседних с Ингушетией горских областей. Бытование в горной Ингушетии орнаментированных деревянных изделий восходит к глубокой старине, что подтверждается узорными досками от гробов и культо-

[1] Хохов А. Осетинские орнаменты, кн. I, Орджоникидзе. 1932.

выми предметами (жреческий жезл, кубки и др.), вышедшими, несомненно, из рук местных мастеров.

В 1930 году, в одном из склепов селения Хамхи, нами было найдено деревянное изображение птицы, — вероятно, голубя,— примитивной работы: оно доставлено в музей. Предмет этот совершенно аналогичен изображению голубя, вывезенному мною и И. П. Щеблыкиным в Осетинский музей в 1925 году из святилища Майрем (близ селения Цей). Более изящное изображение сфотографировано нами с небольшого деревянного голубя, найденного тогда же в ограде святилища Реком. Изображения эти, как известно, были прежде прикреплены к верхним частям змеевидных украшений, прикрепленных к колоннам Рекома.[1]

Говоря о пластических изделиях, мы должны также вспомнить о деревянной статуе божества Тушоли, хранившейся некогда в святилище селения Кок.

Резное искусство проявлялось в Ингушетии издавна и в различных формах, причем материалом служили камень, дерево, кость, металл; оно связано со старинными и позднейшими кустарными ковровыми и другими изящными изделиями и изучение его представляет большой интерес в разных отношениях — для освещения вопроса о зарождении орнаментального искусства, для оказания содействия развитию самодеятельного национального искусства, для использования орнаментальных мотивов в керамике, при изготовлении тканей, в архитектуре и проч.

VI

Параллельно с обследованием археологических памятников нами собирался этнографический материал, характеризующий старый и новый быт нагорной полосы в их взаимоотношениях.

Из мотивов фольклора, восходящих к глубокой древности, большой интерес представляют сказания о дэвах, которым приписывают создание циклопических сооружений (близ селения Дошхакле) и полуподземных склепов (близ селения Карт). Это роднит ингушскую

[1] Дирр А. М. «В Тагаурской и Куртатинской Осетии». «Известия кавказского отделения русского географического общества», т. XXI. Тифлис, 1912, стр. 273.

мифологию с мифологией народов Закавказья и Передней Азии.

С боевыми башнями связаны предания о давней борьбе их владельцев с данниками, представителями более слабых фамилий.

Ценный материал для изучения зачатков феодализма представляют легенды о замках Дударовых (на некоторых мотивах этого цикла мы останавливались в предыдущих статьях) и о замках Евлоевых, фамилия которых была некогда одной из сильнейших в Ассинском районе. Одно селение и носит название — Евлой. Этой фамилии принадлежали крепкие замки в нескольких селениях. Евлоевым принадлежало право пользоваться одной из четырех частей храма Тхаба-Ерды во время совершения торжественных культовых празднеств. Главный жрец этого храма был из того же рода. Евлоевы жили в селениях Пялинг, Евлой, Нюй, Муслиево.

Чрезвычайно интересны предания о связях с Чечней и Грузией — о происхождении ингушских фамилий из Чечни, чеченских фамилий — из Ингушетии, об уходе ингушей в Грузию и об обратном возвращении их на родину. Сообщаем основные мотивы некоторых из этих преданий.

Родоначальник Евлоевых считается выходцем из Грузии. Первоначально Евлоевы жили в опустевшем ныне селении Евлой. Они вступили в борьбу с Мездоевыми, жившими по соседству, и вытеснили их. Мездоевы навсегда переселились в селение Ахкиюрт (сообщено сыном Инала Евлоева в 1932 году).

По фамильным преданиям Чаниевых (селение Пялинг), их родоначальник переселился в Ингушетию из чеченского селения Кий; с тех пор сменилось 11 поколений (сообщение красного партизана Чаниева, 1932 год).

Красный партизан Паци Гулиев передал следующие сведения о прошлом местного района. По преданию, в селении Гули первоначально жила фамилия Базиевых, которой принадлежала верхняя жилая башня. Позже из Галанчожского района (Чечня) прибыл Шото Эзг, родоначальник нескольких здешних фамилий. Шото вступил в борьбу с Базиевыми и вынудил их покинуть селение Гул; Базиевы переселились в Грузию. Шото выстроил нижнюю башню; он родоначальник фамилии Бекботовых, Нагадиевых и других.

Родоначальником некоторых фамилий Хамхинского района считается легендарный мудрец Маго. От него якобы произошли не только ингушские фамилии Эльджаркиевых (селение Салги), Оздоевых (селение Вовнушки), но и одна из чеченских — Шатоевых, поселившихся в селении Чиндах (сообщено красным партизаном из селения Салги Билалом Эльджаркиевым).

В различных местах горных районов нами разыскивались сведения о бацби (цова-тушинах) и об одиночных переселенцах из Ингушетии в Грузию.

Один из жителей селения Салги сообщил, что бацби считаются выходцами из Мелхестинского района (Чечня). Он отметил, что они до сего времени поддерживают связь с мелхестинцами, имеют там родственников, которых навещают.

Бибо Ахриев (селение Фуртоут) передал следующее: известно, что несколько ингушских фамилий из Джерахского ущелья когда-то давно переселились в Грузию и живут там где-то близ Тифлиса. Переселились они из-за какой-то ссоры с другими фамилиями, жившими в Джерахском ущелье. По рассказам, потомки выселившихся в Грузию ингушей приходили временами в Джерахское ущелье, чтобы брататься с местными жителями и поддерживать с ними прежние родственные связи.

Особенно интересные данные записаны со слов жителей селения Салги-Маги и Ардагана Зауровых. По их свидетельству, они в 1913 и 1916 годах посещали Хевсурию в районе селений Шедлой и Орбле[1]. Там среди хевсурских селений находятся небольшие поселки в 3—4 двора, называющиеся Мести и Вовнушки. В поселке Вовнушки имеется жилая башня. Жилые постройки там каменные; боевых башен и подземных склепов нет; святилищ (типа ингушских «elgas») не было заметно. Жители разводят пшеницу и овес, занимаются скотоводством, говорят на ингушском языке, в котором есть несущественные отличия от настоящего ингушского. По преданиям, они когда-то переселились в Грузию из-за кровничества; из каких селений выехали и когда—никто не помнит. Прежде они были христианами, теперь—мусульмане, до революции поддерживали сношения с ин-

[1] Выражаем глубокую благодарность Х. Ошаеву за разъяснения, что шедлой означает Шатиль (по-чеченски—шедил), Орбле—Ардоти (по-чеченски—Орблие), хевсурские селения.

гушами. Около пяти поколений назад один из жителей этих поселков, Бекбузаров, переселился из Грузии в Ингушетию—в селение Хамхи. М. и А. Зауровы посещали те места с целью покупки коров. На наш вопрос, не могут ли Зауровы назвать какую-нибудь фамилию из обитателей названных ими поселков, они сообщили, что одного жителя звали Бата Шабриевич Ломройгов (записано в 1932 году).

О переселении Бекбузаровых из Хевсуретии в Ингушетию Б. Эльджаркиев передал следующее предание.

Жители мест, названных Зауровыми, были известны как хорошие знатоки обычного права; они умели искусно разобрать самые трудные тяжбы. Ингуши обращались к ним за помощью в тех случаях, когда сами не могли разобрать какие-нибудь спорные дела. Как-то произошел такой случай. Один из Хамхоевых спал в поле. К нему подошел один из Тергимхоевых и, желая в шутку напугать его, изо всей силы ударил палкой оземь около головы спящего. Тот от неожиданности и испуга внезапно умер. Из-за этого между Хамхоевыми и Тергимхоевыми началась тяжба. Первые говорили, что Тергимхоев — виновник смерти члена рода Хамхоевых; Тергимхоевы считали, что обвиняемый не виновен, так как не коснулся спящего и ударил лишь о землю. Тогда Хамхоевы обратились за помощью к Бекбузарову. Тот приехал из Хевсуретии и, расспросив об обстоятельствах дела, велел принести чашку с нетронутым кислым молоком, поставил ее на землю и попросил Тергимхоева, обвинявшегося в убийстве, сильно ударить палкой о землю, не задевая чашки. Тот ударил, и молоко в чашке треснуло. Тогда Бекбузаров сказал, что точно так же и у спящего Хамхоева должен был от сотрясения повредиться мозг, что и послужило причиной его смерти. Все присутствовавшие, в том числе и обвиняемый Тергимхоев, признали справедливость решения Бекбузарова. Тергимхоевы уплатили Хамхоевым то, что следовало отдать за убийство члена их фамилии. После того Бекбузаров попросил у жителей селения Хамхи маленький клочок земли, на котором можно было бы построить башню. Ему позволили, и он построил жилую башню. Спустя некоторое время Бекбузаров обратился к хамхоевцам с просьбой дать ему еще небольшой клочок земли, чтобы он мог косить траву для своего скота. Хамхо-

евцы не хотели исполнить этой просьбы. Бекбузаров обратился к народному суду, и тот признал требование Бекбузарова правильным, потому что если человек имеет целую башню, то ему для хозяйства нужна и земля. Так Бекбузаров получил участок земли и навсегда переселился в Ингушетию (записано в 1932 году).

В селении Эрзи одна из женщин рода Зауровых сообщила нам в 1932 году следующее. Некогда весь их род (а может быть и другие роды) решил переселиться в Грузию. Когда путники поднимались вверх по ущелью, одна из женщин оглянулась назад с перевала; она не в силах была покинуть родину и вернулась домой. Остальные ушли в Грузию и остались там [1].

По нашим наблюдениям, предания о переселении ингушей в Хевсуретию бытуют в Джерахо-Мецхальском районе и в западной части Хамхинского района (селение Салги); в Ассинском ущелье и далее к востоку нам в 1932 году не пришлось слышать даже отрывочных фольклорных мотивов о бацби.

VII

Из пережитков глубокой старины, отмирающей в борьбе с новым бытом, весьма интересны поверья и приметы, связанные с различными животными. Изучение их представляет большое значение для ознакомления со старинным укладом жизни, со следами тотемизма и для выяснения связи фольклора с материальной культурой. В горах коренное население, занимавшееся скотоводством, земледелием, охотой и пчеловодством, издавна соприкасалось с обширным миром животных, жизнь и повадки которых ему были прекрасно знакомы. Касаясь этой темы лишь частично, отмечаем, что очень ценные сведения были сообщены нам Хаджи-Бекиром Ахриевым, постоянным участником наших экспедиций.

Одним из наиблоее почитаемых в древности живот-

[1] Аналогичные мотивы о переселенцах из селения Эрзи имеются в трудах Далгата Б. К. «Первобытная религия чеченцев» («Терский сборник», вып. III, кн. 2. Владикавказ, 1893, стр. 97); Генко А. Н. Ук. соч., стр. 693. Другие сведения о происхождении бацби см. в следующих источниках: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 2. Тифлис, 1871, стр. 281—282; Генко А. Н. Ук. соч., стр. 697—698; Мациев А. Г. Тушско-чечено-русский словарь. Грозный, 1932, стр. 8—9.

ных был олень. По рассказам стариков, когда-то в местном крае было много оленей. Их можно было убивать, но в небольшом количестве. Существовало поверье, что семью того, кто убьет много оленей, будут преследовать несчастья. Рассказывают, что один из жителей селения Нижний Джерах убил беременную самку оленя. В это время у жены охотника родился сын, оказавшийся немым. Народ это объяснил тем, что охотник убил беременную самку оленя.

С культом оленя мы знакомимся при изучении святилищ. Рога оленей вделывались в стены храмов; обычай этот прослежен нами при осмотре многих святилищ— Мятер-дэла, Маги-Ерды, Аушасел,Долте. Оленьими рогами украшались кровли и изгороди храмов. В развалинах святилища над селением Верхний Джерах нашей экспедицией в 1926 году было найдено бронзовое изображение оленя[1]. На стене одного из башенных склепов селения Эгикал изображена сцена охоты на оленей[2]. Рога оленя являются одним из основных мотивов в орнаментике ингушских ковров и вышивок. Культ оленя запечатлен в бронзовых изделиях могильников в Северной Осетии, на барельефах Дагестана, в кустарных художественных изделиях и в фольклоре многих кавказских народов.

Большим почетом пользовался также волк. В народном представлении он является олицетворением храбрости. Существует поговорка: «храбр, как волк». Встреча с волком, по поверьям, означала счастливый путь. Альчику волка приписывали магическую власть: если его пронести между двумя друзьями или влюбленными, то те теряли и дружбу, и любовь; завистливые и ревнивые люди альчиком волка пользовались с той целью, чтобы из личных интересов посеять рознь между другими людьми.

Медведь — олицетворение всего страшного и уродливого; некрасивых, безобразных людей сравнивают с медведем. Если сосчитать до тысячи звезд, то можно, по поверью, превратиться в медведя. Так случилось с одной девушкой, превратившейся в созвездие Большой

---

[1] См. стр. 13—14.

[2] Воспроизведение этой фрески см. в нашей статье «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928—1929 гг.» («Известия Ингушского института краеведения», вып. II—III, Владикавказ, 1930).

Медведицы. Из когтей медведя изготовляют амулеты; считается, что они приносят счастье.

Одно из виднейших мест в фольклоре ингушей занимает голубь — священная птица, символ чистоты. Тот, кто держит в доме много голубей, может навлечь на себя несчастье, так как, по поверью, невозможно как-нибудь не согрешить против голубей, имея их около себя в большом количестве; убить голубя — грех. Изображение голубя употреблялось жрецами при совершении празднества перед храмом Мятцил.

В одном из сказаний говорится, что на том месте, где потомки легендарного основателя селения Верхний Джерах — Левана собирались на религиозное празднество, находилась часовня. В ней хранилось чучело голубя. Впоследствии один из Боровых, желая пошутить, взял это чучело; голубь ожил и улетел, а Боровы с тех пор стали бедствовать[1].

Голубь упоминается в мифах о популярном эпическом ингушском герое Соска-Солса. Когда умирающий богатырь, томимый жаждой, стал просить воды у пролетавших птиц, то ни одна из них не исполнила его просьбы. Только голубь сжалился и принес ему воды. Соска-Солса привязал к шее птицы свой волос и велел ей произносить его имя до светопреставления. С тех пор голубь постоянно выкрикивает «Калиг Соска-Солса, Калиг Соска-Солса!» — («бедный Соска-Солса!»)[2]. Выше мы упоминали о деревянном изображении птицы,— вероятно, голубя,— найденном нами в 1930 году в надземном склепе селения Хамхи. В горных селениях Северной Осетии до настоящего времени на детских могилах матери прикрепляют изображение голубя, причем туловище птицы сшито из ткани, а крылья и хвост—из бумаги. Образцы этих изделий имеются в Осетинском музее.

Ласточка — символ чистоты. Она, по поверью, приносит счастье; ее нельзя убивать. У того, кто разорит гнездо ласточки, загорится или разрушится дом. Ласточка, как быстролетная птица, считается гонцом божества. В ингушской сказке «Черкес-Иса и чеченец-Иса», записанной Ч. Ахриевым, говорится, что прикосновение языч-

[1] Ахриев Ч. Ингуши. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VIII, стр. 31.

[2] Далгат Б. Страничка из северо-кавказского эпоса («Этнографическое обозрение». т. IV. СПб., 1901 стр. 40).

ка ласточки к черепу окаменевшего чеченца-Исы и убитого сына черкеса-Исы оживляет обоих[1].

Удод (по-ингушски «тушоли-котэм») — вестник весны, связан с культом божества плодородия — Тушоли; этому божеству были посвящены храмы в селениях Лежг, Шуан, Кок и других.

Общераспространенными являются поверья о животных, предвещающих несчастье (встреча с зайцем в пути — к несчастью, крик вороны — не к добру, он же предвещает дожди).

Лягушке приписывается свойство очищать воду. По ингушским поверьям, змея впускает в воду яд, а лягушка уничтожает его; она — «владычица вод». Название лягушки употребляется в клятвах. Во дворе того, кто убьет лягушку, падет корова.

Змея принадлежит к числу вредных животных. За убийство ее «прощается 40 грехов». Однако в доме, по закону гостеприимства, нельзя убивать и змею: ее надо выбросить. Змей соблазнил Азу, дочь Солнца. Кожа змеи считается целебной: ею натирают тело больного. Существует поверье, будто у змеи в период возмужалости вырастают два рога: правый приносит счастье, левый — несчастье; если правый зарыть под своим домом, это принесет удачу; левый, зарытый под домом недруга, принесет последнему неудачу. Изображение змеи встречается в старинной орнаментике ингушей и осетин.

Еще более вредным считается большой рогатый жук, питающийся падалью; его, по обычаю, надо убивать.

О кабане и рыбе существует следующая легенда. Когда бог, при сотворении мира, наделил все существа присущими им качествами, то вслед за другими к нему направились кабан и рыба. Рыба доплыла до берега и попросила кабана похлопотать за нее. Бог дал кабану храбрость, а рыбе пронырливость. Когда кабан возвратился к берегу и рассказал обо всем рыбе, та сказала: «Какой ты глупый! А что взял себе человек?»— «Ум».— «Лучше было бы и тебе попросить ума. Теперь человек возьмет власть над нами и станет нас истреблять».

Из домашних животных большим почетом, неизмен-

---

[1] Ахриев Ч. «Несколько слов о героях ингушских сказаний» («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, стр. 20).

ной любовью пользуется лошадь, оказывающая горцу незаменимые услуги и в хозяйстве, и в пути, и на войне. Найти подкову, обращенную устьем к нашедшему, считается предвестием удачи. Череп лошади до сих пор вывешивается на пчельниках — для защиты от «дурного глаза», как это мы наблюдали, например, в селениях Мецхал, Лежг, Эрзи, Салги. В опустевшем очень древнем селении Магате (близ селения Салги) возле склепа, в котором якобы похоронен знаменитый герой Соска-Солса, лежит плоский камень с овальным углублением, имеющим посреди выпуклость; по преданию, это «след» от копыта коня героя.

В одной из ингушских легенд говорится, что Соска-Солса на крылатом коне перескакивал с горы на гору и разрубал своим богатырским мечом скалы[1]. Конь Соска-Солса перепрыгивал через башни[2]. От удара копыта этого чудесного коня образовался родник близ селения Някист[3].

Изображение всадников встречаем на стенах храмов Тхаба-Ерды и Галь-Ерды, на расписных склепах в селениях Лейлат и Эгикал.

Лошадь занимает видное место в древнем обряде погребения ингушей и других кавказских народов, у которых широко распространен обычай «посвящения коня». Ингушский обычай описан Б. Далгатом (см. стр. 77). Обряд этот восходит к распространенному в древности обычаю заклания коня на могиле воина у кавказских, славянских и других народов[4]. Упрощаясь с течением времени, он вылился в форму «посвящения коня», когда последнего не убивали, а лишь отрезали у него ухо или делали на нем надрез. В позднейшее время обычай этот окончательно упростился; изображение коня находим на осетинских вертикальных надмогильных плитах конца XIX и начала XX века.

---

[1] Головинский П. «Чеченцы» («Сборник сведений о Терской области», вып. I, стр. 257).

[2] См. «Этнографические обозрения», 1901, № IV, стр. 36.

[3] Там же, стр. 38—39; Ахриев Ч. «Несколько слов о героях в ингушских сказаниях» («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, отд. II).

[4] В кавказских погребениях эпохи VIII—IX вв. нередки погребения с конем (см. МАК, т. VIII, стр. 132). Предметы конского набора, изображения коня и всадника часто встречаются в погребальном инвентаре кавказских могильников раннего железного века.

В поминках кавказских народов большую роль занимают скачки. Описание скачек на поминках ингушей дано Ч. Ахриевым [1].

Земля, по одному из поверий, держится на рогах быка. Когда он шевелит головой, происходит землетрясение. Быки и бараны приносились в жертву во время аграрных массовых культовых праздников. Рога их вделывались в стены некоторых святилищ с внутренней стороны. Бараньи альчики нередко находились в погребениях подземных и полуподземных склепов.

На пчельниках, помимо лошадиного черепа, вешают от «дурного глаза» яичную скорлупу, нанизанную на деревянный прут, и примитивное изображение человека, нарисованного на бумаге.

В клятвенных обычаях встречаем упоминанье о собаке: «Обязанный присягою отправлял свою мать или жену с собакой к истцу, который, узнав об этом, выходил навстречу посланной и начинал рубить палкой собаку, приговаривая при каждом ударе, обращаясь к женщине, державшей собаку: «Если твой муж (или сын) виноват в том, в чем я его подозреваю, то пусть будет эта собака вашим покойником». Убив таким образом собаку перед глазами женщины, истец считал себя удовлетворенным и возвращался домой» [2]. Аналогичные сведения сообщает Б. Далгат [3]. К суевериям о животных близки суеверия об оборотнях. По народным поверьям, оборотнями большею частью бывают женщины; превратившись в кошку, барана или волка, они приносят людям различные беды.

В подобных воззрениях на животных видны следы чрезвычайно древних суеверий—языческих и христианских; к числу последних можно отнести поверья, связанные с культом голубя и коня (сравни легенды о святом Георгии). Во всех упомянутых суевериях много мотивов, связывающих ингушский фольклор с

---

[1] См. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. III, отд. I. Тифлис, 1870, стр. 30—31.

[2] Ахриев Ч. «Присяга у ингушей» («Сборник сведений о Терской области», вып. I, стр. 281).

[3] Далгат Б. Первобытная религия чеченцев, стр. 89; см. также «Известия Ингушского института краеведения», вып. II—III. Владикавказ, 1929, стр. 353—354.

фольклором народов Кавказа, а также Востока и Западной Европы.

Материалы, в которых можно найти аналогии к ингушским поверьям, широко распространены[1].

Собирание и анализ подобных материалов представляет большое значение для содействия проведению культурной революции в горской деревне, в частности — для антирелигиозной работы. Пользуясь этими пережитками старины, классово-чуждые элементы (муллы, кулаки и т. п.) тайно агитируют против советских мероприятий. Отметим, например, следующий характерный случай. В январе 1930 года, когда нам пришлось работать с бригадой, откомандированной в селение Ангушт по организации колхоза, мы узнали, что часть стариков, беспокоясь о «спасении» своей души, зарезала в счет будущих собственных поминок значительное количество скотины из опасения, что этот традиционный религиозный обряд нельзя будет совершить после обобществления скота. Этот подрыв социалистического хозяйства совершался под воздействием реакционных граждан, запугивавших стариков гибелью их душ, которая последует в том случае, если они не поторопятся пожизненно, сами по себе справить поминки.

VIII

Типы ингушских жилищ нагорной полосы и давность их возникновения различны.

К наиболее примитивным и древним относятся естественные пещеры, часто встречающиеся в скалах, особенно на верхних крутых склонах Столовой горы. В настоящее время они используются пастухами для загона скота. Некоторые из них частью прикрыты каменной

---

[1] Они имеются во многих трудах: Булашов Г. О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Киев, 1900; Клингер В. Животные в античном и современном суеверии. Киев, 1909; Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913; Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских горцев. («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46, Махачкала, 1929 и др.).

кладкой. Иногда в пещерах устраивались святилища, например, святилище Тамыж-Ёрды [1].

Жилые башни являются древнейшими из известных нам специальных жилых монументальных сооружений. Самая давняя постройка для жилья — упомянутая выше циклопическая кладка, остатки которой сохранились в Ассинском ущелье, первоначальном месте поселения ингушей.

Высшим развитием архитектурного искусства ингушей надо считать боевые башни, отличающиеся прочностью, сложностью и изяществом кладки. Боевая башня и несколько жилых, будучи соединены оборонительной стеной, образуют замки различных типов; в одних замках боевая башня сооружена на линии оборонительной стены (на углу или в середине одной из стен), в других— внутри укрепления. Количество башен и расположение проходов между ними очень разнообразно; наличие тайников для зерна, внутренних двориков, каменных лестниц, каменных кормушек для лошадей, искусное использование естественных условий (высоких утесов, склонов и уступов скал) свидетельствуют о высоком мастерстве ингушских строителей, умевших при сравнительно небольшой площади и экономии расходования строительного материала сооружать крепкие, надежные, хорошо удовлетворявшие своему прямому назначению жилища-крепости. Мало того, много усилий затрачивалось на то, чтобы внешний вид этих построек отличался соразмерностью отдельных частей (особенно в боевых башнях) и красотой внешних очертаний. Об этом свидетельствуют искусный выбор живописного местоположения башен, тщательность их облицовки, весьма разнообразная орнаментировка на наружной стороне стен.

К этим старинным постройкам, уже утратившим прежнее значение, примыкают сакли позднейшей эпохи из камня или дерева; снаружи они обмазаны; имеют плоскую кровлю из плотного слоя земли. Комнаты расположены в одну линию; окна и двери большею частью расположены с одной стороны. Вдоль фасадной стены тянется узкий балкон, кровля которого поддерживается

[1] См. А х р и е в Ч. «Ингушские праздники» («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. V, отд. III, Тифлис, 1871); Д у б р о в и н Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, стр. 385 и др.

рядом деревянных столбов. Балкон несколько возвышается над землей; посреди или сбоку сделаны каменные ступени. Окна, обычно, с двухстворчатыми рамами. Ставни одностворчатые или двухстворчатые, прикрывающиеся железным болтом. Между смежными комнатами иногда устроены небольшие сени, в которые выходят двери из этих комнат и на балкон. Пол комнат и балкона чаще земляной, аккуратно выравненный и вымазанный глиной; реже пол деревянный, некрашенный. Дверь одностворчатая, с невысоким порогом, к которому иногда прибивается подкова; запирается изнутри на железный крючок или деревянную щеколду. Стены внутри обыкновенно выбелены; снизу идет широкая серая кайма; по верхнему краю ее и вокруг окон нередко бывает нанесен несложный узор (цветочный, елочный или точечный орнамент). Такая же кайма и орнамент бывают и снаружи. Потолок подшит тонкими досками; в одном месте оставляется отверстие для трубы железной печки, устанавливаемой не только в холодную пору года, но и на лето. В сакле имеются одна — две жилых комнаты для хозяев и одна для гостей.

В комнатах, занимаемых хозяевами, устроены широкие нары, крытые циновками и войлочными ковриками. По стенам развешена одежда. На висячих деревянных полках расставлены посуда и мелкие предметы домашнего обихода. Сакля отапливается каминами или железными печами; в летнее время железная печь выносится иногда на балкон. Во время еды употребляются низкие круглые столики, к которым подставляют маленькие скамеечки на трех ножках. В комнате, в которой готовят еду, у стен расставлены медные большие сосуды с высоким, расширяющимся кверху горлом и одной ручкой, маслобойки, большие плоские медные тазы для омовения и проч.; по стенам — полки для посуды.

В комнате для гостей устроены с одной или двух сторон (углом) широкие нары, стоят одна — две деревянные или железные кровати. Кровати аккуратно прибраны, покрыты одеялом; на каждой кровати по две или по четыре подушки в белых наволочках. Нары покрыты циновками и войлочными ковриками. В одном углу сложены запасные коврики, одеяла и подушки. Иногда кровать бывает сплошь покрыта белой бязью. На окнах часто видны занавески. В этой комнате поставлены предметы

получше: вывезенные из города комод, небольшой стол, покрытый клеенкой, один-два сундука, несколько стульев. На стенах развешены лучшая одежда, бурки, оружие (кинжалы, винтовки, револьверы, шашки), козья шкурка, употребляющаяся во время намаза. На комоде или столе поставлены лампа, маленькое зеркало, графин для воды, самовар, чайная посуда. Украшениями служат многоцветные войлочные ковры, семейные фотографические карточки, лубочные картинки, бумажные цветы, красочные плакаты агитационного характера или кинопостановок, бархатные, расшитые золотом и серебром, крючья для полотенец и карманчики для часов, денежные знаки, вышедшие из употребления,— дореволюционные ассигнации, «керенки», встречаются лубочные рисунки религиозного характера с арабским текстом. На стену вешается пучок душистой высушенной травы. Здесь же встречаем музыкальные струнные национальные инструменты старинного образца и гармоники, а также швейные машины и чемоданы из крашеной фанеры.

Более архаичный домашний инвентарь встречаем в жилых обитаемых башнях. Там можно увидеть очажные железные цепи с острыми или плоскими крючьями (плоская часть цепи иногда бывает покрыта несложным орнаментом), медные котлы для варки мяса и пива (одни громадной величины, удлиненной яйцевидной формы, другие меньших размеров, со слегка выпуклым дном), большие деревянные лари для муки, замыкающиеся деревянными замками, старинную деревянную утварь и прочее. Комнаты освещаются керосиновыми висячими или стоячими лампами.

Предметы городского обихода — самовары, керосиновые лампы, швейные машины, стулья, фабричная посуда и прочее до революции в горные районы (особенно в восточные районы) проникали в малом количестве. Например, житель крайнего селения Цоринского района Гул, Паци Гулиев, сообщил, что железные печи в их местах стали употреблять лет двадцать назад. Лет тридцать назад Паци приобрел медный самовар — первый в Цоринском обществе. В то время такая покупка была диковинкой, о которой много и долго говорили в соседних селениях. Находящийся в его же доме небольшой прямоугольный столик, сделанный по типу городских, на четырех ножках, соединенных внизу перекладиной, был

изготовлен лет 35 назад; раньше таких столов здесь не знали; столик сделан Идиком Чориевичем Зейтуловым.

На наружной стене или столбе балкона подвешивается железный или медный рукомойник.

Одна из крайних комнат сакли часто бывает занята под кладовую. Там хранят запасы зерна, муки, вяленого мяса, различную утварь и прочее.

К жилым помещениям примыкают надворные постройки для скота, небольшие пчельники; изредка встречаются фруктовые сады и огороды.

Сакли одной фамилии бывают расположены рядом, то в одну линию, то под прямым углом, образуя маленький замкнутый дворик. Нередко встречаются двухэтажные жилые строения с балконами в верхней части, имеющими перила (селения Фуртоуг, Эрзи, Пялинг и другие). Горные селения строились обычно по скалистым склонам, порою очень крутым (Шуан, Лейлаг, Вовнушки, Пялинг), поэтому башни и сакли вздымаются ярус над ярусом. Проулки извилисты и узки.

Земледельческие орудия — бороны, плуги и другие— расставляются под навесом, под балконами, в сараях. Для хозяйственных целей используются нередко памятники старины, когда-то очень почитавшиеся. Известный храм Тхабы-Ерды, уже давно служивший местом для загона скота (как и многие другие святилища), в течение последних лет является и местом хранения сена; в склады земледельческих орудий превращены часовня Бейниселн (селение Бейни), стрельчатые ниши полуподземных склепов в селении Салги, открытая погребальная камера большого склепа в селении Таргим.

В черте селений или на их окраине расположены небольшие мельницы, сложенные из камня или бревенчатые; приводятся в движение водой, бегущей по узкому желобу или по длинным деревянным трубам.

Ингушское жилище нуждается в целом ряде мероприятий по его улучшению и коренному изменению. Важны, например, следующие меры: утепление (устройство деревянных полов, двойных рам на зиму, улучшение отопления), увеличение оконной площади, устройство форточек, удаление от жилищ свалочных мест для всевозможных отбросов (как это наблюдается, например, в селениях Пялинг, Цори и других), изолированность от помещений для скота, усовершенствование уборных,

устраиваемых пока очень примитивно, улучшение наружных лестниц, ведущих во второй этаж, очень крутых, иногда лишенных перил. В гигиенических целях необходимо замурование надземных склепов, находящихся в черте селений и нередко заключающих в себе тела, естественная мумификация которых еще не завершена.

Новый быт, начавший слагаться в послеоктябрьскую эпоху в условиях упорной борьбы с устаревшим укладом, видоизменяет внешний и внутренний вид ингушских жилищ. В различных селениях стали появляться черепичные кровли. Начали входить в употребление в большом количестве предметы, вывозимые из города: комоды, железные кровати, швейные машины, стулья, металлические рукомойники. В темных дедовских жилых башнях расширяются и застекляются окна. В селении Бейни имеется уличный металлический фонарь.

В маленьких саклях или уголках жилых башен ютятся и бойко торгуют молодые кооперативы (Эгикал, Салги, Пялинг, Цори). На полках и на полу в ящиках разложены за стойкой различные товары: обувь, цветные платки и шали, мануфактура, готовое детское платье, мыло, нитки, пуговицы, табак, спички, яйца, конфеты, тетради, карандаши, конверты, книги на ингушском языке, столовые и чайные ложки, одеколон, пудра, оконное стекло, серпы и прочее.

В 1925 году наша экспедиция посетила в селении Эгикал первый горный кооператив, тогда только что открытый. В 1930 году организован кооператив в Цори, в 1931 году — в селениях Нюй и Салги; в 1932 году работали четыре кооператива — в селениях Салги, Эгикал, Пялинг и Цори. По словам председателя сельского потребительского общества Абу Долова, наибольший спрос в Хамхинском районе на следующие товары: на мануфактуру, обувь (сапоги, башмаки), готовое платье (особенно брюки «галифе»), личное и бельевое мыло, нитки, гвозди, оконное стекло; хорошо идет торговля одеколоном и пудрой. Письменные принадлежности, зубные щетки, зубной порошок пока не в большом ходу. Слабее других работает Цоринский кооператив, многие предметы первой необходимости, быстро разбирающиеся в Хамхинском районе, в Цоринском районе залеживаются на долгое время. Товары доставляются из города вьюками.

Покупатель, зайдя в кооператив, подолгу задержива-

ется в нем. Для местных жителей, особенно пришедших из более отдаленных селений, посещение лавки — важное событие. Как ни дорого рабочее время, надо внимательно пересмотреть все товары, убедиться в добротности ткани, обменяться новостями с заведующим кооперативом и встречными знакомыми. Горных жителей, прекрасных ходоков, не затрудняют большие расстояния; здесь обычной является прогулка из Хули в Салги, из Цори в Пялинг.

Работа партийной и советской общественности, школы, ликбез, хозяйственные кампании изо дня в день вытесняют старый быт. Громадную культурно-революционную роль играет санаторий Армхи. В 1925 году здесь был густой лес, пересекаемый узкой тропинкой; теперь выросли прекрасно оборудованные, светлые здания; курорт соединен с городом Орджоникидзе хорошей шоссейной дорогой. Жители окрестных мест несут сюда для продажи яйца, птицу, масло, молоко, осведомляются о городских новостях, заходят в кооператив, присматриваются к новой жизни, которая бьет ключом. Любознательные экскурсанты, в одиночку и группами, заходят во все уголки Джерахского ущелья, подымаются на Столовую гору, знакомятся с местным бытом. Мужское население привлекается к различным техническим работам — исправлению шоссе и деревянных мостов, участию в геолого-разведочных партиях, обнаруживающих в различных местах горных районов ценные ископаемые. Джерахское и Ассинское ущелья часто посещаются экспедициями, занимающимися изучением режима рек, животноводства, климата, языка, материальной культуры.

Местное население с большой готовностью помогает изыскательским отрядам, оказывает им возможное содействие предоставлением ночлега, изустных сведений, проводников, переводчиков, вьючных животных и т. д. Особенно ценен для всех путников Билал Эльджаркиев, красный партизан, образцовый хозяин, самоучка, постоянно занятый осуществлением различных нововведений в сельском хозяйстве (насаждение новых культур) и пчеловодстве. Он лучший из коренных жителей проводник и знаток края, оказывает всем экспедициям и туристам незаменимые услуги.

Старый быт окончательно отмирает, но борется, на-

прягая остатки последних сил, проявляясь в суевериях и других формах пережитков прошлого.

В те самые дни, когда в Армхинском районе (в 1932 году) работала во главе с академиком Белопольским экспедиция астрономов по обследованию Столовой горы, на которой проектируется устройство высокогорной обсерватории, на склонах этой же горы совершалось по старинному ритуалу, с закланием жертвенных животных, моление о прекращении затянувшихся и мешавших полевым работам дождей. Такое же моление, с закланием двух баранов, было справлено в окрестностях селения Салги, возле древнего святилища Маги-Ерды. На склоне крутого правого берега р. Армхи, южнее селения Лежг, врыта в землю старинная толстая каменная плита с круглым отверстием. Сквозь это отверстие издавна прогоняют мелкий скот, считая, что это предохранит его от повальных болезней. Однажды, во время нашего пребывания в Джерахо-Мецхальском районе, выпадали сильные дожди, препятствовавшие уборке сена; некоторые жители приписывали это явление тому обстоятельству, что мы производили археологические раскопки; по древним верованиям — обнажение костей погребенных вызывает дожди [1].

Языческие верования переплетаются с мусульманскими; последние жрецы и последние муллы помогают друг другу; муллы занимаются знахарством, присутствуют на языческих молениях.

Имеются мусульманские секты, из которых наиболее известна секта «зикристов». Опорой их являются зажиточные горцы, периодически предоставляющие свое помещение для мольбищ, ими же устраиваются для участников этих мольбищ угощения.

Талантливый ингушский художник Хаджи-Бекир Ахриев, активный участник наших экспедиций, прекрасный знаток быта местного края, ярко изобразил на одной из своих картин священную пляску зикристов. Им схвачен следующий момент: в полутемной просторной комнате жилой башни, освещаемой небольшой керосиновой лампой и колеблющимся пламенем камина, танцуют, следуя в кругу один за другим, сектанты — старики, люди пожилого возраста и юноши. Мелькают приподнятые

[1] Такое же поверье существует у осетин и у многих других народов Кавказа и СССР. (Прим. ред.).

руки; развеваются полы одежды; пыль взвивается из-под босых ног. Один из стариков от изнеможения лишился чувств; его оттащили в сторону и отливают холодной водой, приводя в сознание. В дверях столпились женщины, наблюдая священный танец, являющийся, по верованиям сектантов, подражанием тому танцу, который исполнили ликующие ангелы, возрадовавшиеся при известии о рождении пророка Магомета. Близ женщин, на круглом низком столике, еда и питье, за которые должны приняться молящиеся по окончании обряда.

На другой картине того же художника изображена сцена «изгнания беса» из душевнобольного. На переднем плане — спокойная, упитанная фигура муллы, читающего заклинания, обращенные к душевнобольному, который крепко привязан к столбу и болезненно извивается; охваченный неописуемым ужасом, он тщетно старается разорвать путы, а возле него другая спокойная фигура — прислужник муллы, мерно ударяющий в медный таз. На заднем плане в соседней комнате видны, освещенные лампами, быстро мелькающие фигуры молящихся зикристов.

Большая картина — «Жертвоприношение на Столовой горе» — знакомит зрителей с обрядом, совершавшимся в старину перед святилищем Мятцил. Обряд этот сопровождался закланием быка, баранов, молением о даровании урожая, приплода скота и прочих благ, нужных крестьянину, а также танцами и пиршеством.

Эти красочные картины Х.-Б. Ахриева, очень содержательные по замыслу, глубоко оригинальные и смелые по композиции, реалистичные, обнаруживающие превосходное знание прошлого и современного быта ингушей, имеют большое значение для антирелигиозной пропаганды среди посетителей музея.

Сектанты занимаются гаданием. Нам передавали, что они прибегают, например, к такому приему. Пользуясь темнотой какого-нибудь набожного сельчанина, они сообщают ему, что могут узнать, как поживают на том свете его умершие родные. Они идут с ним на кладбище, останавливаются около намеченной заранее могилы, прислушиваются к чему-то и заявляют, что этому покойнику очень плохо живется в загробном мире, поэтому надо помолиться об успокоении его страждущей души, зарезать барана, угостить «святых» людей. Иногда сектанты,

сговариваясь с женихом и родителями невесты, содействуют, против воли невесты, совершению насильственного брака.

Случаи похищения девушек и кровной мести теперь редки, но все же до конца не изжиты, как и не изжиты многоженство и различные другие бытовые пережитки, с которыми ведется упорная борьба.

IX

В этой последней главе настоящей статьи мы даем ряд предварительных обобщающих археологических наблюдений и выводов, накопившихся к концу первой пятилетки. Наша разведочная работа в изучении местной материальной культуры в главных районах Ингушетии в основных чертах закончена.

Наиболее богата памятниками горная полоса — родина ингушей. Здесь мы находим жилые и боевые башни, замковые сооружения, храмы, столпообразные святилища, надземные, полуподземные и подземные склепы, пещерные погребения, подземные погребения в каменных ящиках и другие памятники материальной культуры. Некоторые из этих памятников повсеместно распространены по горной Ингушетии, иные характерны лишь для определенных ущелий. Культура плоскостной Ингушетии в целом резко отличается от культуры горной части области, что мы отмечаем ниже.

К числу памятников, встречаемых во всей горной полосе, можно отнести следующие: жилые башни, боевые башни со ступенчатой, пирамидальной и плоской кровлей (без зубцов на ее углах), надземные склепы с пирамидальной ступенчатой и двускатной ступенчатой кровлей, примитивные столпообразные святилища, подземные погребения, характеризующиеся возвышающейся над землей каменной кладкой с плоским верхом и вертикальной каменной плитой возле нее или отмеченные на поверхности земли памятными вертикальными плитами и столбами. Эти памятники представлены в большом количестве.

Боевые башни со ступенчатой пирамидальной кровлей, высшее достижение ингушского зодчества, снабжены машикулями у верхних окон, нередко украшены углублениями в виде крестов и шашечным узором. Башни

эти часто встречаются по реке Армхи, в Ассинской котловине и в боковых ущельях, идущих от реки Ассы к востоку (Пялинг, Евлой, Нюй), но по пути от селения Нюй до селения Гул башня указанного типа была отмечена нами только в селении Меллер; ряд селений — Никоты, Гвези, Мухул, Цори, Гул и другие — не имеет этих сооружений. Жилые башни, более многочисленные, повсюду встречаются в довольно значительном количестве, особенно в селениях Эбн, Лежг, Эрзи, Лейлаг, Эгикал, Таргим, Пялинг, Нюй, Цори; боевые башни с пирамидальной кровлей встречаются в небольшом количестве — от одной до четырех; по четыре таких башни имеется в следующих селениях: Эрзи, Эгикал, Таргим, Пялинг, Нюй. Они всегда строились в замковых сооружениях.

Для всей горной полосы характерны также боевые башни еще иного типа — с плоской кровлей и зубцами на углах ее; однако они представлены сравнительно небольшим количеством; мы видели их, например, в «Дударовском замке» близ селения Лежг, близ селения Гу (башня Магой-джел), в селении Хани, в селении Вовнушки (несколько башен), между селениями Пялинг и Нюй, в селении Цори. Замковые сооружения встречаем от начала Джерахского ущелья до границ Чечни.

Боевые башни и замки принадлежали только наиболее сильным и влиятельным фамилиям; присутствие этих сооружений свидетельствует о том, что такие фамилии господствовали главным образом в местности «Галгачуэ» (селения Эгикал, Отзик, Лейми, Кок, Карт, Дошхакле и другие), в соседних больших селениях — Таргим, Хамхи, Пуй, к востоку от реки Ассы — в селениях Вовнушки, Оздие, Пялинг, Нюй, Меллер, Цори, к западу от реки Ассы — в селениях Лейлаг, Хани, Салги, Эрзи, Мецхал, Харпе, Джерах.

Не случаен, конечно, выбор места для боевых башен и замков. Они сооружались близ реки и ручьев, у входа в ущелья, то есть там, где пролегали важнейшие пути. Одиночные боевые башни и небольшие замки часто воздвигались на очень высоких, трудно доступных местах, играя роль наблюдательных или сторожевых (селение Гапи, башни с зубчатой кровлей между селениями Пялинг и Нюй, близ селений Кашиете и Гауст). Самые сильные фамилии, уверенные в своей мощи, строили

оборонительные сооружения у входов и выходов ущелий, преследуя этим самым и стратегические и экономические цели — взимание платы за провоз товаров и т. п.

Особые категории памятников распространены лишь в определенных, более или менее ограниченных районах нагорной Ингушетии.

Так, например, святилища со ступенчатой двускатной кровлей широко распространены от Столовой горы до реки Ассы. Мы встречаем их на Столовой горе, в селении Бейни, близ селений Лежг и Мецхал, в селениях Морч, Эрзи, близ селений Шуан и Салги, в селении Тумгой, близ селений Бишт и Гадаборш, в селениях Дошихакле, Карт, Кок, Бархин, близ селения Гапи[1]. Начиная от правого берега Ассы и далее к востоку памятники этого рода отсутствуют: мы, по крайней мере, пока не встречали их между рекой Ассой и границами Чечни; местные жители не могли нам назвать ни одного такого памятника восточнее реки Ассы. Культовые памятники в восточной части области представлены лишь небольшими столпообразными сооружениями более поздней и упрощенной архитектуры.

Храмы строились в низменных местах (Тхаба-Ерды, Алби-Ерды), на окраине селений (Бейни, Эрзи, Морч, Бархин и др.), в стороне от них, на вершинах высоких гор (святилища на Столовой горе, святилище Гурмте близ селения Гапи и другие).

Надземные конусообразные склепы часто встречаются в западной и центральной частях нагорной полосы (селения Фуртоуг, Нижний Джерах, Морч, Эрзи, Тумгой, Эгикал, Гапи, Вовнушки и другие); этот тип могильных сооружений нами пока не был отмечен. Меньшим количеством представлены двускатные ступенчатые склепы с открытой поминальной камерой в селениях Эрзи, Хамхи, Эгикал, Таргим, Вовнушки, Нюй (в последнем — малых размеров); восточнее селения Нюй мы их также еще не находили.

В западной и центральной частях горной Ингушетии находим полуподземные и подземные склепы типа могильников Шуан, Матате, Бишт, Дошхакле, Тхаба-Ерды. Быть может, они имеются и в местах, отстоящих да-

[1] Подробный перечень культовых памятников с их описанием см. в статье Щ е б л ы к и н а И. П. «Архитектура ингушских древних святилищ».

лее к востоку, но пока не встречались во время наших разысканий; в нетронутом виде памятники эти бывают искусно замаскированы. Подземные погребения в каменных ящиках отмечены нами в селениях Фуртоуг, Памят, Бишт, близ Тхаба-Ерды.

Наконец, некоторые памятники встречаются в одиночных или очень немногих экземплярах. Таковы, например, следующие: пирамидальный склеп с гладкой кровлей (селения Фуртоуг, Верхний Джерах), башенные склепы с плоской кровлей и зубцами на ее углах (селение Эгикал), склепы с фресками на наружных сторонах стен (селения Лейлаг и Эгикал), чашечный камень (селение Хамхи — в склепе с открытой поминальной камерой), фаллический памятник (селение Кок), каменная баба (селение Фуртоуг), пещерные погребения (Столовая гора, селение Кели), столпообразное святилище с изваянием лица (близ селения Нюй), развалины циклопической кладки (близ Дошхакле); наконец, древнехристианские храмы грузинской архитектуры — Тхаба-Ерды и Алби-Ерды[1], из которых первый богат барельефами (изображения людей, животных, растений и геометрический орнамент).

Сведения, приводимые нами, с очевидностью показывают, что наиболее насыщена памятниками Ассинская котловина, в особенности местность Галгачуэ. Это колыбель ингушской древнейшей культуры. Здесь большое количество боевых башен со ступенчатой пирамидальной кровлей, замковых построек, обилие склеповых сооружений (надземных, полуподземных и подземных). В Ассинской котловине находятся наиболее выдающиеся храмы (Тхаба-Ерды, Алби-Ерды, Долте, святилища близ селения Бархин, Кок, Дошхакле и другие), остатки циклопической постройки, фаллический памятник. Наиболее развито здесь изобразительное и скульптурное искусство, представленное барельефами и орнаментированными плитами храма Тхаба-Ерды, фресками с изображением охоты на стене одного из склепов в селении Эгикал, многочисленными рисунками на стенах башен (примитивные изображения людей с копьями, змей, геоме-

[1] Позднее автор опубликовал описание еще одного храма у селения Таргим грузинского типа. См. Семенов Л. П. «К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа». (МИА, № 23. М., 1951, стр. 302). (Прим. ред.).

трические мотивы). Здесь же отмечен ряд ценных эпиграфических находок с древне-грузинскими письменами: каменные плиты на стенах Тхаба-Ерды, глиняные плитки, найденные в этом храме [1], надпись на стене арки полуподземного склепа (близ селения Эгикал). В этом же районе найдены металлическая маска божества Тушоли (селение Кок) и чашечный камень (селение Хамхи).

В Ассинской котловине, несомненно, было средоточие многовековой хозяйственной и культурной жизни ингушского народа. Эта котловина, с ее прекрасным, здоровым климатом, обилием рек, ручьев и лесов, хорошо защищенная со всех сторон горными громадами, с удобными выходами: на восток (в сторону Чечни), на юг (в сторону Хевсуретии), на запад (в сторону Северной Осетии) и на север, где жили кочевые народы, представляла очень благоприятные условия для создания крупных и мелких поселков. Достаточно было взглянуть на карту горной Ингушетии, чтобы убедиться в том, что в Ассинской долине сосредоточено наибольшее количество населенных пунктов. Необходимо отметить, что число их ранее было еще более значительно. Об этом свидетельствуют развалины многих, ныне совершенно мертвых поселков, например, возле храма Тхаба-Ерды, против селения Пуй (на левом берегу реки Ассы—Старый Пуй). Наиболее обилен и разнообразен здесь и инвентарь погребений в подземных и полуподземных склепах.

Есть данные для предположения, что именно в Кэкальской котловине (на Ассе) в середине VI в. (н. э.) «существовало сооруженное сасанидским царем значительное укрепление, снабженное, разумеется, соответствующей охраной, поддерживавшей, возможно, регулярные сношения с административным центром сасанидской империи» [2]. Издавна установлены были тесные связи с Грузией, о чем свидетельствуют многочисленные факты (архитектурные и эпиграфические памятники). Здесь же находим такие древнейшие образцы материальной культуры, как циклопическую кладку или фаллический памятник.

К этому району прилегает с востока ряд примеча-

[1] В. Ф. Миллер нашел глиняную трубку с двумя строками грузинской надписи. МАК, т. I, стр. 20—21.

[2] Генко А. Ук. соч., стр. 712.

тельнейших в археологическом отношении селений с высокой материальной культурой — селения Вовнушки, Пялинг и Нюй.

На реке Ассе и в смежных боковых ущельях развивалась и формировалась древняя ингушская культура, запечатленная в многочисленных, наиболее ценных и разнообразных монументальных памятниках. Здесь сосредоточены лучшие образцы башенного, культового и погребального зодчества, орнаментального искусства, эпиграфические памятники; здесь же, до XX в. включительно, удержались следы древнейших обрядов (фаллический культ), сохранились наиболее архаичные фольклорные мотивы — мифы о дэвах, традиционные легенды о первых насельниках края.

Восточнее селений Вовнушки и Нюй комплексы памятников материальной культуры значительно беднее. Там, главным образом, представлена башенная и склеповая архитектура, но уже менее разнообразная; культовые сооружения уже почти отсутствуют; архитектурных памятников нет, распространены лишь небольшие, малочисленные столпообразные памятники. Крупнейшим центром культуры является селение Цори, с многочисленными башнями и склепами. У этого района была, несомненно, ослабленная связь с Ассинским культурно-экономическим очагом. Селения же Нюй, Пялинг, Вовнушки были крепко связаны с районами реки Ассы; достаточно упомянуть о фамилии Евлоевых, соперничавших в первенстве с самыми влиятельными фамилиями «трех селений» (Эгикал, Таргим, Хамхи), считающихся, по преданиям, древнейшими из всех ингушских населенных пунктов. Эти предания в основе опираются на тот неоспоримый факт, что древнейшим местом появления ингушей на территории современной Ингушетии служила долина Галгачуэ с прилегающими селениями.

Движение политического, экономического и культурного развития древней Ингушетии шло в направлении не к востоку, а к западу от Ассы, и это вполне понятно, так как западный район прилегал к исходному месту главнейшего торгового пути (ныне Военно-Грузинская дорога), связывавшего Предкавказье с Закавказьем. Из Джерахского ущелья шли легчайшие и ближайшие пути к Дарьяльским воротам, за обладание которыми шла с

незапамятных времен борьба между различными народами, в Северную Осетию (через Чми) и через Балтинские ворота к плоскостной части бассейна Терека.

Из густо населенных ущелий рек Ассы и Армхи шло миграционное движение ингушей в предгорье и на равнину, где возникли в различное время селения Ангушт, Шолхи, Заурово, Базоркино, Назрань и другие. На небольшом сравнительно расстоянии, между Дарьялом (в древности — «Аланские ворота») и селением Заурово (близ которого в 1784 году была заложена крепость Владикавказ), ингуши входили в соприкосновение с аланами, грузинами, арабами, осетинами, кабардинцами и другими народами. Русские дипломатические посольства, поддерживавшие сношения с Грузией, совершали свои переходы через горные перевалы центрального Кавказского хребта двумя путями: по нынешней Военно-Грузинской дороге и через территорию нагорной Ингушетии, по маршруту—река Армхи, река Асса, Архотский перевал и далее к югу.

Чрезвычайно важен вопрос о монетных находках на территории Ингушетии. Находки эти до последнего времени были редки (см. о них на стр. 87), но если суммировать все накопившиеся к настоящему времени сведения, то подбирается ряд интересных данных, которые должны привлечь внимание археологов, изучающих древности Северного Кавказа.

В 1855 году найден был на берегах реки Сунжи, близ Сунженской станицы [1], клад, состоявший из 200 куфических серебряных монет. Две монеты из этой находки, показанные П. С. Савельеву, оказались абассидскими диргемами: одна чеканена в Самарканде в 201 году гиджры (867—817 от Р. Х.), другая в Мухаммедии в 253 году (867 г. от Р. Х.) [2]. К сожалению, эта заметка крайне лаконична: в ней не дано не только описания, но и простого перечня монет, не отмечено, кем сделана находка, при каких обстоятельствах, куда переданы монеты.

---

[1] Теперь селение Ахки-Юрт.

[2] Известия русского археологического общества, вып. I. СПб., 1899, стр. 119. Упоминание об этой находке смотри в «Трудах V археологического съезда в Тифлисе». М., 1887, стр. CLIV.

В июне 1933 года жителем селения Новый Джерах Татарханом Цуровым была найдена близ названного селения древняя золотая монета, которую он приносил в Ингушский музей для определения. Монета оказалась золотой, эпохи императора Анастасия I (491—518). На ней имелись следующие изображения и надписи: 1) на лицевой стороне — бюст Анастасия I со щитом и копьем на плече и надпись: „DN ANASTASIYS PF AYG"; 2) на оборотной стороне — фигура Победы с длинным крестом в руке и звездой сбоку (справа от фигуры) и надпись: „VICTORIA AYGGGI" (вверху), CONOB (внизу)[1].

На территории смежной Северной Осетии нахождения восточных и византийских монет нередки. Подобные находки имеют большое значение для выяснения торговых сношений Северного Кавказа с Закавказьем и увеличивают число данных, опровергающих существовавшее ранее предвзятое мнение о крайней замкнутости экономического и культурного развития Ингушетии. Ее архитектура, эпиграфические памятники, орнаментика, ряд отдельных весьма важных находок в ней не местного происхождения, многочисленные древние мотивы ингушских мифов, соприкасающихся с мировыми мифами, и тому подобные факты свидетельствуют о длительных и широких культурно-экономических связях Ингушетии с соседними и более отдаленными народами.

По сравнению с восточным районом Ингушетии гораздо богаче памятниками западный район — ближайший к Ассинской долине (от селений Бишт до Салги) и еще далее отстоящий от нее Джерахо-Мецхальский район. Здесь высоко развита башенная, храмовая и склеповая культура. Напомним о замечательных боевых башнях и замках в селениях Лейлаг, Хани, Эрзи, Мецхал и Лежг, о храмах Тумгой-Ерды, Маги-Ерды, Галь-Ерды, Мятцил, о больших скоплениях надземных склепов в селениях Тумгой и Фалхан, о самом значительном могильнике с полуподземными и подземными склепами близ селения Шуан, обширных могильниках с погребениями в каменных ящиках (селения Бишт и Памет), о выдающемся по богатству и многообразию инвентаря могильнике близ селения Гоуст. Здесь развито декора-

[1] См. аналогичное изображение в труде Sabatier. Description générale des monnates Bizantines. Paris, 1862, табл. VIII, рис. 25 и стр. 152.

тивное башенное искусство (боевые башни со сквозными узорными украшениями в селениях Магате, Хани, Белхан). Чаще, нежели на Ассе и в восточном районе, встречаются конусообразные склепы (с гуртами и без них). При обследовании склепового и культового инвентаря найдены чрезвычайно ценные предметы — кувшины с древне-грузинскими письменами (могильники Магате и Шуана), мелкие египетские привески из голубовато-зеленой пасты (скарабей, сжатая кисть руки, виноградная лоза), коллекция церковных сосудов (из храма Галь-Ерды), камни культового назначения с чашеобразными углублениями и прочее.

Основываясь на этих данных, можно с уверенностью сказать, что древние обитатели Ассинской долины, в поисках новых мест для заселения, в большом количестве продвигались к западному району, представлявшему, по сравнению с восточным, благоприятные условия для хозяйственной и культурной жизни в связи с близостью к важному торговому пути, соединявшему Северный Кавказ с Закавказьем.

Ввиду малоземелья, обострившегося по заселении долин Ассы и Армхи, ингуши стремились выйти в широкую долину Терека; это переселенческое движение усилилось в XVII—XVII вв. и продолжалось в последующее время, встречая систематическое и жестокое противодействие со стороны русского царизма, насаждавшего крепости (Владикавказ, Джерахское и Назрановское укрепления) и вытеснявшего местное население в горы. Русский царизм вклинивал в ингушские земли казачьи станицы (Тарская, Сунженская и другие) и организовывал карательные экспедиции в самую глубь Ассинского ущелья в эпоху Кавказской войны.

Частично эмиграционное движение развивалось и в южном направлении: цова-тушины (бацби), живущие ныне в горной Грузии, являются выходцами из Джерахо-Мецхальского района.

Указанные нами черты различия в распределении памятников западного, центрального и восточного районов Ингушетии не свидетельствуют, конечно, о наличии разных культур.

По существу, материальная культура для всей горной полосы е д и н а. Восточная часть несколько беднее памятниками, но находящиеся в ней жилые и боевые

башни, замки, надземные и полуподземные склепы, столпообразные святилища совершенно аналогичны таким же памятникам остальных районов нагорной Ингушетии. Единство культуры подтверждается и особенностями обряда погребения в надземных склепах. Погребения в гробах и без гробов, различные принадлежности могильного инвентаря всех районов имеют характерное сходство. Несомненно также единство в архитектуре полуподземных и подземных склепов и в типе заключающихся в них погребений западного и центрального районов (могильники Шуана, Магате, Дошхакле, Тхаба-Ерды). Не изучены пока лишь подземные погребения в склепах и каменных ящиках восточного района. Фольклор и различные обряды, связанные с памятниками материальной культуры, также характеризуются наличием общих для всей горной полосы черт.

Большое значение имеет изучение вопроса о времени возникновения отдельных селений и о массовых переселениях горных жителей из одних населенных мест в другие. Случаи оставления отдельных поселков его обитателями бывали нередки и могли вызываться различными причинами — кровной местью, малоземельем, притеснением слабых фамилий сильными и т. п. В нагорной полосе имеется немало древних селищ, покинутых еще в очень давние времена. К их числу можно отнести, например, следующие: крупное селение близ храма Тхаба-Ерды; селение Старый Пуй (находящееся на левом берегу реки Ассы, против нынешнего селения Пуй); селение Ханикал, расположенное за горой Заглдук, южнее селения Салги [1]; селение Каштынхой — в окрестностях селения Тумгой [2]; заглохшее селение Магате, в комплексе памятников которого имеются жилые башни, замок, один надземный склеп (склеп Соска-Солса — легендарного героя), полуподземные и подземные склепы, святилище Соска-Солса. Жители селения Салги считаются выходцами из Магате. Близ селения Эрзи расположено мертвое селение Кербите, с развалинами замка, башен и

[1] Когда-то там жил род Бацовых; по местным преданиям, это селение опустело около 100 лет назад; теперь Бацовы живут в плоскостном селении Кантышево (сообщение Б. Эльджаркиева).

[2] В этом селении жили предки Долгиевых. Известный герой ингушских песен Усиг-Малсэг происходил из рода Долгиевых. Долгиевы покинули селение Каштынхой около 100 лет назад (сообщение Б. Эльджаркиева).

небольшим святилищем. По преданию, селение Эрзи, одно из самых старейших и больших в горной Ингушетии, основано выходцами из Кербите. На противоположном берегу Армхи находится селение Ольгите, с памятниками позднейшего происхождения (жилые башни), являющееся отселком селения Эрзи. Таким образом, на малом пространстве встречаем три селения различной давности, из которых одно, самое старинное, теперь в полном запустении.

Мало изучена, по сравнению с нагорной полосой, предгорная. Из архитектурных сооружений здесь можно отметить башни на реках Ассе и Фортанге. В. И. Долбежев производил раскопки в Бамутской долине; по его мнению, давность обследованных им погребений — около 100—150 лет (работы В. И. Долбежева велись в 80-х годах XIX в.). В той же долине им осмотрены пещеры, в которых были найдены остатки человеческих костяков [1].

Близ селения Алхасте (бывшая станица Фельдмаршальская) Ф. С. Панкратовым раскопаны погребения с предметами аланской культуры VIII—IX вв. Коллекция Ф. С. Панкратова, в которую входят предметы конского набора (бронзовые листовидные и круглые бляхи, бубенцы и прочее), металлические зеркала, топорик, железные стремена, железные наконечники и прочие, хранится в Чечено-Ингушском музее [2].

Изучение древностей предгорной полосы представляет выдающийся интерес в связи с рядом проблем [3]: 1) выяснения культурно-экономических взаимоотношений между оседлым населением гор и кочевниками, 2) вы-

---

[1] См. нашу статью «В. И. Долбежев, как археолог-кавказовед» («Известия Горского педагогического института», вып. VII, Владикавказ, 1930). По данным археологических исследований последних лет Бамутская долина изобилует древнейшими подкурганными захоронениями, представляющими знаменитую так называемую майкопскую культуру ранне-бронзового века (2-я пол. III тыс. до н. э.) (Прим. ред.).

[2] См. Гребенец Ф. С. «Древнейшие могильники в Ассинском ущелье» («Терские ведомости», 1914, №№ 54, 55, 56).

[3] Эта оценка памятников предгорной полосы в дальнейшем блестяще подтвердилась крупными археологическими работами Северо-Кавказской археологической экспедиции Академии Наук СССР 1937—1940 гг. и 1947—1955 гг., открывшей и исследовавшей в Ассинском ущелье ценнейшие объекты различных эпох и доказывающих, что Ассинское ущелье было в древности крупным культурным очагом края. (Прим. ред.).

яснения границ распространения аланской культуры салтовского типа, 3) миграционного движения ингушей из гор на плоскость, 4) чечено-ингушских взаимоотношений (в пограничном районе реки Фортанги).

Памятники плоскостной Ингушетии, по существу, резко отличаются от памятников нагорной полосы области. Здесь можно отметить: многочисленные курганные погребения различных эпох (от ранней железной поры до позднего средневековья включительно); позднейшие погребения, принадлежавшие ингушам, с вертикальными каменными плитами; стоянки кочевников с рвами и валами; так называемый ров Тамерлана; городища (например, близ города Орджоникидзе, в южной его окраине). Архитектурные памятники редки. Важнейшим является известный мавзолей Борга-Каш, находящийся близ селения Плиево, датируемый началом XV в., сооруженный до поселения ингушей в этих местах. Несомненно ингушского происхождения были башни, в небольшом количестве строившиеся в различных местах. Остатки башни имеются в селении Гамурзиево. В селении Заурово также была одна ингушская башня (А. Н. Генко, Ук. соч., стр. 695, примечание). При входе в долину реки Герчоч (приток Камбилеевки) в конце XVIII в. стояла башня, окруженная стеной (там же, стр. 693).

Археологические обследования в плоскостной Ингушетии носили до последнего времени лишь разведочный характер. Здесь в разных местах производили разведочные раскопки проф. Антонович и В. Л. Беренштам (близ селений Базоркино, Назрань, Кантышево) [1], А. А. Бобринский [2], В. И. Долбежев (в окрестностях селений Кескем и Пседах) [3], Ф. С. Гребенец — (Панкратов) [4].

В 1920 году А. М. Радищевым близ города Орджоникидзе произведена раскопка кургана с женским погребением эпохи ранней железной поры с культурой

---

[1] См. «Пятый археологический съезд в Тифлисе» («Труды предварительного комитета». М., 1882).

[2] Отчет археологической комиссии за 1882—1889 гг. СПб., 1891.

[3] См. нашу статью «В. И. Долбежев, как археолог-кавказовед».

[4] См. его статью «По Алханчуртовской и Сунженской долинам» в «Терских ведомостях», 1914, №№ 58—60.

кобанского типа[1]. Инвентарь погребения находится в Северо-Осетинском музее. В 1925 году мною совместно с И. П. Щеблыкиным была совершена поездка, во время которой мы посетили мавзолей Борга-Каш и отметили различные памятники — курганы, стоянки и прочее (в окрестностях селений Барсуки, Гамурзиево, Плиево, Экажево, Яндырка и других). Разведочные работы на городище города Орджоникидзе, в районе кирпичного завода, производились еще в дореволюционные годы. В позднейшее время это городище неоднократно посещалось нами совместно с И. П. Щеблыкиным, а также с проф. Б. А. Алборовым, проф. Б. В. Скитским, проф. А. А. Захаровым; нами найдены здесь обломки глиняных сосудов различной величины и выделки и другие предметы. Проф. Э. А. Штебер нашел здесь старинную каменную ступу, переданную им в Ингушский музей. Упоминание об этом городище (с фотографическим снимком) имеется в статье проф. А. А. Миллера[2]. На территории Ингушетии (близ селения Кантышево) находился и в XIX в. поставлен в Исторический музей (в Москве) чрезвычайно ценный памятник — каменный крест с изображением всадников и греческой надписью, датируемый 1581 годом[3].

Из памятников плоскостного района немногие, сравнительно, являются собственно ингушскими (погребения XVII—XVIII вв., одиночные башни, ныне разрушенные), но все они, за время пребывания ингушей в этих местах, прочно вошли в ингушский фольклор, овеяны ингушскими легендами и поверьями и представляют большое значение для изучения устного поэтического творчества и быта ингушей. Центральное место занимает мавзолей Борга-Каш, о котором сложился цикл преданий, повествующих о его происхождении; с Борга-Кашем связаны различные суеверия; он считается «священным», к нему ходят молиться старики, близ него совершается обряд вызывания дождя во время засухи. К курганным погре-

---

[1] Это утверждение автора ошибочно. Позднее курган был отнесен к докобанскому периоду (II тысячелетие до н. э.). См. Е. И. Крупнов «Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода». МИА, № 25, М., 1951, стр. 42. (Прим. ред.).

[2] См. М и л л е р А. А. К вопросу об охране памятников старины. («Сообщения ГАИМК», 1931, № 4—5, стр. 37—38).

[3] См. статью М и л л е р а В. Ф. «Отголоски кавказских верований на могильных памятниках». (МАК. т. III. 1893).

бениям и стоянкам приурочены легенды о ногайцах, кабардинцах и других народах, живших в этих местах до заселения их ингушами; Тамерлану приписывают сооружение длинного рва и вала, тянущихся на большом расстоянии в Ингушетии и соседних областях. Наконец, существуют предания о построении башни в селении Гамурзиево и о возникновении плоскостных селений.

Материальная и обрядовая сторона ингушского быта не может быть тщательно изучена без знания местной археологии. Многие предметы, до сего времени бытующие у горных ингушей, были известны их отдаленнейшим предкам сотни лет назад. В инвентаре каменных ящиков VI—IX вв., в подземных склепах IX—XIV вв., в надземных склепах XIV—XVIII вв. встречаются железные ножницы с изогнутыми лезвиями и спиральным кольцом на конце, до последнего времени употребляемые ингушами и другими горцами. Точно так же различные типы изделий из надземных склепов—железные ножи в деревянных и кожаных чехлах, деревянные круглые чашки, кисеты из цветной ткани в виде «конверта» (для мелких туалетных женских принадлежностей), кинжалы в деревянных ножнах, обтянутых черненой кожей, чувяки, газыри из кости и дерева, струнные музыкальные инструменты, лубочные коробки овальной формы—и теперь бытуют у горных и плоскостных ингушей.

Орнамент изящных вышивок золотом и серебром по бархату и цветных войлочных ковров, мастерски выделываемых ингушскими женщинами, элементы ингушской тамги часто восходят к мотивам вышивок на изделиях из надземных склепов, к старинной художественной резьбе по дереву (например, на досках от гробов, украшенных рельефной резьбой), а также к узорам древних кавказских бронзовых изделий.

Большой интерес представляет одна из наименее изученных, но важных проблем—проблема техники ингушской материальной культуры: в области архитектуры (выбор и обработка строительного материала, изготовление цементирующего состава, возведение фундамента башен, их стен, сводов и кровли), выделки металлов (железных, медных, бронзовых, серебряных), кости (газыри, пороховницы, гребни, рукоятки ножей и прочее), дерева (утварь, гребни, музыкальные инструменты

и прочее), кожи (обувь, пояса, кисеты, чехлы для ножей и прочее), производства красок (склеповые фрески, местные цветные ткани) и т. п.

Этот вопрос касается не только далекого прошлого. Давний опыт местного населения в некоторой степени может быть использован и теперь, в процессе разрешения задач социалистического строительства. Например, в связи с эксплуатацией для строительных целей шиферного сланца в Ларсском руднике, можно напомнить о том, что он в течение долгих столетий употреблялся ингушами и другими кавказскими народами для покрытия башен, склепов, храмов, для сооружения каменных ящиков при погребении, для декоративных целей в архитектурных сооружениях. Этот многовековой опыт заслуживает внимания современных архитекторов; известно, какой прочностью отличаются многие древние постройки. Архитектурные формы памятников могут быть использованы при возведении монументальных сооружений (театров, домов самодеятельного искусства, памятников). Орнаментальные мотивы ковров, вышивок, старинной резьбы дают ценный материал для применения при изготовлении тканей, цветных платков, скатертей, глиняной и деревянной утвари, при издании наглядных пособий по самодеятельному искусству.

Существовавшее в дооктябрьскую эпоху, а отчасти повторяемое и теперь некоторыми авторами мнение о замкнутости ингушской культуры и невысокой степени ее развития совершенно опровергается новейшими разысканиями.

Находясь в центральной части Северного Кавказа, у самого начала важнейшего торгового пути, издавна соединявшего Северный Кавказ с Закавказьем (нынешняя Военно-Грузинская дорога), располагая выходами в Чечню, Грузию, Северную Осетию и в степную часть Предкавказья, Ингушетия развивалась в тесных экономических и культурных взаимоотношениях со многими смежными областями, а через их посредство соприкасалась и с более отдаленными кавказскими и внекавказскими странами.

Чрезвычайно важен ввиду этнического родства ингушей и чеченцев вопрос о связях Ингушетии и Чечни. Археологические и этнографические данные подтверждают давность родства культур этих областей. Бросается в

глаза наличие многих одинаковых памятников — жилых башен, боевых башен со ступенчатой пирамидальной кровлей, надземных склепов со ступенчатой пирамидальной и двускатной крышей, полуподземных склепов со стрельчатой аркой, каменных ящиков, памятных надмогильных плит и других [1].

Особенно важно наличие в Чечне боевых башен с пирамидальной ступенчатой крышей. Сооружения этого типа встречаются еще только в Хевсуретии. Характерно сходство различных деталей ингушских и чеченских памятников: на боевых башнях делались машикули; на стенах башен и склепов находим разнообразные рисунки, изображения человеческих фигур, рук, геометрические мотивы [2]. Несомненное сходство имеется в инвентаре ингушских и чеченских надземных склепов и погребений в каменных ящиках; в частности, характерно присутствие серебряных 8-лопастных серег.

Ингушский орнамент, встречаемый в резьбе по дереву, на коврах и вышивках, также родственен чеченскому.

Фольклор чеченцев и ингушей имеет много общих существенных черт: мотивы нартского эпоса, легенды о родоначальниках, вышедших из Сирии, Грузии и других стран [3], традиционный поименный счет поколений [4], предания о Тамерлане и прочее. Для ингушского эпоса характерен цикл легенд о Дударовых, считающихся выходцами из Чечни; многие ингушские фамилии считают своих родоначальников выходцами из Чечни.

Широкие культурно-экономические отношения связывают Ингушетию и с другими соседними областями.

Башни с пирамидальной ступенчатой кровлей и машикулями встречаются, помимо Ингушетии и Чечни, и в Хевсуретии [5]. Одна башня того же типа, только мень-

---

[1] См. изображения чеченских памятников в труде Плечке Plaetschke „Die Tschtschenen". Hamburg, 1929).

[2] См. упоминание об этом в работе Иваненкова Н. С. «Горные чеченцы» в «Терском сборнике», вып. VII, Владикавказ, 1910, стр. 150—151.

[3] Ахриев Ч. «Ингуши» («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VIII, отд. II, стр. 1—2); Иваненков Н. С. Ук. соч., стр. 8—13 и др.

[4] Иваненков Н. С. Ук. соч., стр. 8—13.

[5] См. рисунки в книге Камараули Н. Хевсурия. Тифлис. 1929, стр. 16, 20.

ших размеров и без машикулей, имеется в Ананурском замке в Грузии. Боевые башни с плоской кровлей, зубцами на углах и машикулями известны в Грузии (Военно-Грузинская дорога, Хевсуретия) и в Северной Осетии. Грузинские и осетинские жилые башни и замки имеют много общего в планировке и различных деталях.

Склеповая архитектура Хевсуретии, Северной и Южной Осетии, Кабарды и Балкарии тоже близка к ингушской. Расписные склепы находим в Ингушетии и Северной Осетии. Многие технические и художественные детали, свойственные склепам Ингушетии, характерны и для Осетии (желтая облицовка, плиты с просверленными отверстиями, гурты, заостренные и грибообразные навершия, наружные ниши, отпечатки рук и прочее).

Культовые христианские и языческие ингушские памятники — храмы, столпы — очень близки к аналогичным памятникам Грузии, Северной и Южной Осетии как по планировке, так и по внутреннему устройству и инвентарю (двускатная кровля, арки, узкие окна, отпечатки рук на наружной и внутренней стороне стен, привешивание рогов животных, колокольчиков и лент снаружи и т. п.). Много общего в обычаях, приуроченных к этим памятникам (массовые празднества с закланием животных и прочее).

Инвентарь надземных и полуподземных склепов Ингушетии и Северной Осетии во многом сходен. То же надо сказать об инвентаре подземных погребений в склепах, каменных ящиках и катакомбах Северной Осетии, Кабарды и Балкарии. На это же указывали и прежние археологи — В. Ф. Миллер, П. С. Уварова, В. И. Долбежев и другие, что находит подтверждение в новейших разысканиях наших и Е. Г. Пчелиной[1]. Обряд погребения в колодах ладьеобразной формы отмечается в Северной Осетии, Сванетии и других областях Кавказа.

Чашечные камни встречаются, помимо Ингушетии, в Северной Осетии и других местах Кавказа[2].

Выдающееся значение для освещения вопроса об ингушско-грузинских взаимоотношениях приобретают эпи-

---

[1] Пчелина Е. Г. «Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац». («Труды секции археологии», РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 408—426).

[2] См. «Пятый археологический съезд в Тифлисе» («Труды предварительных комитетов». М., 1882, стр. 72).

графические памятники с древними грузинскими письменами. В горной Ингушетии найден пергаментный псалтырь, вывезенный из Грузии, датируемый XI—XII вв. Надписи с древне-грузинскими письменами прослежены к настоящему времени на многих грузинских памятниках: на каменных плитах храма Тхаба-Ерды, на двух глиняных плитках из того же храма, на глиняных сосудах, найденных в полуподземных и подземных склепах, на стене одного склепа, на медной церковной утвари. Надписи эти, датируемые большей частью XII—XIV веками, запечатлены на грузинском языке.

Грузинские надписи отмечались и в Северной Осетии — в Нузальском храме, на колоколах храма Рекома и Дзивгисской церкви. Надпись Дзивгисского колокола опубликована в печати по-грузински и в русских переводах, имевших значительное расхождение, причем относили ее то к 1613 году, то к 1673 году[1]. В 1928 году, при обследовании памятников селения Дзивгис, мы сфотографировали с колокола надпись и отправили ее проф. А. Г. Шанидзе, давшему новый ее перевод в следующем виде: «Мы, Государь Грузии, царь царей, Господин Георгий в хроникон 371 пожертвовали колокол сей тебе, святому Георгию Зиблисскому, для нашего успеха»[2].

Выражаем глубокую благодарность проф. А. Г. Шанидзе за выполнение перевода и ряда примечаний к нему, из которых важнейшие:

1) «В хроникон 371», то есть (1312 + 371) = в 1683 году. В надписи читается 371, а не 301, как, видимо, читали раньше (МАК, т. I, стр. 49).

2) «Господин Георгий»... Употребление слова «Госпо-

---

[1] Пфаф В. дает следующий перевод надписи колокола Дзивгисской церкви: «Я, царь Карталинский (и Кахетинский?) патрон Георгий, в году хроникона 31-м, пожертвовал колокол сей тебе, святому Георгию Дзивгисскому, дабы дарована была нам победа». 31 год хроникона, как указывает Пфаф, соответствует 1613 году (В. Пфаф. «Путешествие по ущельям Северной Осетии» («Сборник сведений о Кавказе», т. I, Тифлис, 1871, стр. 60). Перевод М. Дженашвили: «Мы, государь Карталинский, царь Георгий Малый, жертвуем сей колокол тебе, дзивгисскому святому Георгию, в дарование нам победы. Год хроникона 361» (1673); см. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 22, отд. I, стр. 60—61.

[2] Письмо, в котором проф. Шанидзе прислал нам расшифровку надписи, датировано 13-VII-1920 г. (Тифлис).

дин» (« patroni, resp. „госпожа") при имеющих царей, их жен и детей обычно в грузинском языке; упоминаемый здесь Георгий есть Георгий XI; первая эпоха его царствования 1675—1688 («Древности Грузии» на груз. яз.), (II, 153).

3) «Зиблисскому». Село, куда пожертвован колокол, названо Зибл или Зиблис (либо Хибл, Хиблис).

Каменные кресты, вставленные в чашеобразное углубление, часто встречаемые в Грузии, известны и в Ингушетии. Один такой крест найден нами близ селения Карт.

В параллель обнаруженному в ингушском селении Кок, близ храма Тушоли, фаллическому памятнику укажем, что следы фаллического культа можно отметить в бронзовых изделиях, найденных в Чечне. Очень ценное указание дано нам научным работником 2-го Северо-Кавказского педагогического института т. Бескровным; он сообщил, что несколько лет назад, во время поездки по Карачаю, в одном из селений, близ древнего храма, видел каменный фаллический памятник, состоявший, как и ингушский, из столба и надевавшейся на него грибообразной шапки. Памятник находился в заброшенном состоянии и был свален.

К числу древнейших памятников горной Ингушетии относятся найденные нами развалины циклопической постройки близ селения Дошхакле. Находка эта, первая в Ингушетии, приобретает тем большее значение, что такие памятники отмечаются, преимущественно, в Закавказье [1].

Большое значение для изучения «нахской» материальной культуры имело бы обследование древнейших мест поселения в горной Тушетии цовцев, являющихся выходцами из Ингушетии; места эти ныне совершенно заброшены цовцами.

Фольклор ингушей, архаичные бытовые пережитки во многом соприкасаются с культурными пережитками народов Северного Кавказа и Закавказья; отметим наличие нартского эпоса, широко распространенного у раз-

---

[1] О циклопических сооружениях на Кавказе см. Меликсет-Беков Л. М. К археологии и этнологии Туальской Осии. (Сборник «Юго-Осетия», Тифлис, 1924, стр. 252—279); Мещанинов И. И. Циклопические сооружения Закавказья. «Известия ГАИМК», т. XIII, 1932.

личных кавказских народов, приписывание нартам различных памятников [1], обряд «посвящения коня» [2], вызывание дождя [3], культовые традиции, представляющие смесь язычества, христианства и мусульманства, значительное сходство в одежде, технике кустарных изделий, в устройстве жилищ, культ железа (почитание очажной цепи и т. п.) и прочее.

Большое наличие христианских храмов в Ингушетии свидетельствует о том, что христианство в древности пустило здесь, как и в соседних горских областях — в Северной Осетии, Кабарде, Балкарии, Карачае — довольно глубокие корни. Выше мы отмечали, что памятники этого рода типичны лишь для центральной и западной части Ингушетии; отсутствие их в восточном районе свидетельствует о том, что христианство в той части области было развито значительно слабее.

Памятники старины нагорной полосы, родины ингушей, имея много сходного с разнообразными памятниками других областей Северного Кавказа и Закавказья, характеризуются в то же время и индивидуальными чертами, придающими глубокое своеобразие местной материальной культуре в целом.

Боевые башни с пирамидальной ступенчатой кровлей и машикулями типичны для Ингушетии, западной Чечни и Хевсуретии; в других районах Кавказа они не распространены. В одиночной башне Ананурского замка (в Грузии) архитектура чечено-ингушского типа сильно упрощена; отсутствуют машикули; нет крестообразных украшений; высота башни менее значительна. Сочетание оборонительных памятников с церковными в один сложный комплекс, характерное для Грузии (Ананурский и Мцхетский замки), не имеет аналогий на ингушской почве.

---

[1] См. нашу статью «Нартские памятники в фольклоре ингушей и осетин». Владикавказ, 1930.

[2] Обряд этот существует у осетин, хевсуров, абхазцев, мингрельцев, татар, черкесов и других кавказских народов.

[3] У ингушей с фаллическим памятником был связан обряд вызывания дождя: во время засухи верхняя часть памятника снималась и в опрокинутом виде ставилась на землю. Аналогичный обычай существовал в Закавказье (см. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXV, статья Ростомова, стр. 43—44); см. еще Флоренский П. «Фаллический памятник Котахевского монастыря», в книге «Живая старина», вып. I, СПб., 1908, стр. 56—58.

Конусообразный склеп, часто встречающийся в Ингушетии, чрезвычайно редок в других областях Кавказа; нами этот тип отмечен в селениях Кобань и Даргавс (Северная Осетия). Склепы с открытой поминальной камерой, прослеженные нами в различных районах Ингушетии, не попадались нам в Северной Осетии. Обычай украшения этих склепов каменными плитами с высеченными на них 22 параллельными линиями, расположенными в виде прямоугольника и употреблявшимися для старинной игры, не отмечается в литературе о памятниках других районов Кавказа.

Значительное сходство между памятниками различного назначения — одна из особенностей ингушской архитектуры. Склепы с четырехгранной ступенчатой кровлей или с плоской кровлей и зубцами на углах чрезвычайно напоминают боевую башню тех же типов; характерны и прочие детали: сужение стен кверху, желтая облицовка, шашечный узор, конический замковый камень. Склепы указанных типов очень похожи, таким образом, на миниатюрную боевую башню.

Склеп с двускатной ступенчатой кровлей на ингушской почве очень близок по внешнему виду к культовым сооружениям типа святилищ Мятцил, Эрзели и т. п. Заметное сходство имеется и во внутреннем устройстве храмов и склепов (наличие арок, кладка свода).

Знак креста с голгофой, характерной для ингушских боевых башен, встречается на стенах храмов снаружи (храм Долте близ селения Карт) или внутри — в нише (Мятер-дэла), на арке (Маги-Ерды). Осетинские святилища имеют, большею частью, другую форму; для них характерна гладкая двускатная кровля (Нузальская часовня) или плоская (в селениях Даргавс, Какадур и других).

К памятникам местного типа надо отнести также ингушское святилище близ селения Нюй с рельефным изображением человеческого лица. Украшение стены замка каменным изваянием лица (замок Евлоевых) — явление, отмеченное пока только в Ингушетии.

В то же время в Ингушетии нет склепов, известных нам в Северной Осетии,— восьмигранных (селения Санибa, Кобань) и шестигранных (селение Кобань). Башни с круглым основанием, распространенные в соседней Гру-

зии, отсутствуют в Ингушетии; здесь лишь изредка встречается кладка закругленной стены в замках (селения Хамхи, Магате, Средний Отзик). Сооружения с крупным основанием имеются лишь в миниатюрных, упрощенных формах конусообразных склепов. Не имеется в Ингушетии и каких-либо аналогий осетинским святилищам, сложенным из дерева, типичным для Цейского района (Реком, с его резными колоннами и украшениями, и другие, более примитивные сооружения). Церковная архитектура Ингушетии (храмы Тхаба-Ерды, Алби-Ерды, Долте, Тумгой-Ерды и др.), во многом приближаясь к архитектуре часовен, очень далека от монументальных, сложных форм церковных памятников Грузии, подобных, например, Мцхетскому собору. Замковая архитектура Ингушетии и ближайших областей Северного Кавказа не развилась до тех высших форм этих сооружений, какие нам известны в Грузии, Армении и Азербайджане. В Ингушетии, как и в смежных горских областях Северного Кавказа, мало развито барельефное искусство, так пышно расцветшее в Дагестане[1]. До сего времени не установлено, была ли в Ингушетии церковная живопись, которой так богата Грузия и следы которой имеются в Северной Осетии (Нузальский храм); при внешнем осмотре стен древнейших храмов Тхаба-Ерды и Алби-Ерды следов живописи не заметно, но возможно, что впоследствии, при тщательном обследовании слоев внутренней облицовки, имеющей разновременные наслоения, остатки фресок будут обнаружены.

Касаясь вопроса о связях материальной культуры Ингушетии с культурой внекавказских стран, надо отметить, что он пока мало освещен, но уже и теперь можно безошибочно утверждать, что изучение древностей Ингушетии выходит далеко за пределы проблем не только общегорского, но и общекавказского значения.

С позднейшими архитектурными, уже мусульманскими, памятниками Крыма связан пока единственный монументальный памятник Ингушетии — мавзолей Борга-Каш (808 год гиджры — 1430 год)[2].

---

[1] См. Башкиров А. С. Искусство Дагестана, М., 1931.

[2] Семенов Л. П. «Брагунский мавзолей» («Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XVII. Орджоникидзе, 1956, стр. 203).

С древней Русью и Украиной сближает Ингушетию алано-хазарская культура эпохи ее расцвета (VI—XI вв.) и упадка; эту культуру находим в погребениях северного района Ассинского ущелья, близ его выхода к степной полосе (погребения с культурой салтовского типа), погребениях в каменных ящиках Джерахского ущелья (VI—XI вв.), могильнике селения Гоуст и других.

Большой интерес представляют серьги ингушских склепов, приближающиеся к типу вятических серег.

Такие древности Ингушетии, как развалины циклопической постройки Ассинского ущелья, чашечный камень (селение Хамхи), фаллический памятник (селение Кок) вводят исследователя местного края в широкий круг проблем мирового значения.

С севера, через посредство греческих черноморских колоний, и юга, через Грузию, в Ингушетию проникали предметы отдаленных стран. Таковы, например, мелкие египетские изделия из пасты—скарабей, виноградная лоза и изображение руки со сжатыми пальцами (из полуподземных склепов Магате, близ селения Салги). Предметы этого типа встречаются в могильниках различных районов Северного Кавказа — в Северной Осетии [1], Кабарде [2], Чечне [3]. Б. Б. Пиотровский в статье «Египетские предметы в Северо-Кавказском крае» отмечает, что мелкие изделия из египетской пасты, игравшие культовую роль, в значительном количестве проникали в Северо-Кавказский край. Большею частью они относятся к римскому времени. В названной статье указываются находки в бассейнах рек Кубани, Дона и Терека. В частности, Б. Б. Пиотровский упоминает о названных нами предметах, найденных в районе Салги [4].

Большую ценность представляет найденная нашей экспедицией малоазиатская полусферическая халцедоновая печать (Эгикал).

Одна из особенностей местной культуры — наличие в памятниках позднего средневековья отзвуков глубо-

---

[1] МАК, т. VIII, табл. LXXII, рис. 15 и стр. 322, рис. 262.

[2] МАК, т. I, табл. XXII, рис. 23 и табл. XXVI, рис. 81, 89, 100, 113.

[3] Семенов Н. Заметка о древних могильниках Ичкерии и найденных в них предметах. (Оттиск газеты «Терские Ведомости», 1890).

[4] «Сообщения ГАИМК», 1931, № 6, стр. 28—29.

чайшей древности. На эту живучесть культурно-бытовых явлений указывал еще В. Ф. Миллер. На ингушской почве мы можем отметить следующие характерные примеры: 1) глиняная плита с рельефным изображением двух антилоп под пальмой; предмет не древнее XII в., но мотив рисунка восходит к культуре Закавказья и Передней Азии; плитка найдена в развалинах храма Тхаба-Ерды; 2) вделанное в южную стену храма Тхаба-Ерды рельефное изображение двух сражающихся зверей, стоящих на задних лапах; барельеф этот также не древнее XII в., но по замыслу и стилю является трактовкой сцены, запечатленной в ассиро-вавилонской и кобанской культурах[1]; 3) погребение в ладьеобразном гробу, встречаемое в надземных склепах горной Ингушетии,— отзвук очень древнего обычая — погребения в ладье, широко распространенного у многих народов Запада и Востока[2]; 4) элементы ингушского орнамента (рисунки на башнях, тамга, узоры ковров, вышивок и старинной резьбы) приближаются в некоторых образцах к весьма древним прототипам, вплоть до орнаментальных мотивов бронзовых изделий Кобани.

Дальнейшее изучение ингушской древней материальной культуры открывает перед исследователями интересные и разнообразные пути. Поэтому необходимо продолжить систематическую работу по учету местных памятников и находок археологического характера в некоторых малообследованных уголках горной полосы. В число очередных задач надо включить детальное обследование храмов Тхаба-Ерды и Алби-Ерды, с тщательной раскопкой внутри этих сооружений и снаружи, близ их стен. Мало обследованы пока подземные погребения нагорной и плоскостной Ингушетии; их изучение должно дать чрезвычайно ценный материал; достаточно упомянуть о прежних находках в катакомбах селения Гоуст (аланохазарская культура) или близ селения Пседах (кобанская культура).

Одиночные, но важные по своему значению факты, свидетельствующие о соприкосновении Ингушетии с культурой арабов (герб Мамиловых в виде орла с араб-

[1] См. МАК, т. VIII, табл. XXII, рис. 1.

[2] См. статью А н у ч и н а «Об употреблении саней, ладьи и коней при погребении» («Древности археологического общества», т. XIV).

ской надписью и упоминанием в ней селения Эрзи, IX в.) и персов (существовавшее в Ассинском ущелье в VI в. сасанидское укрепление), дают основание предположить, что на территории Ингушетии должны быть и другие вещественные следы культуры мусульманского Востока [1].

Разведочно затронутые нами могильники селений Памет, Шуан и Бишт требуют стационарного изучения, которое должно дать ценные материалы, характеризующие эпоху от VI до XIV вв. Стационарному обследованию должны были бы подвергнуться главнейшие башенные сооружения и надземные склепы с наиболее хорошо сохранившимися погребениями, отражающими смену культур на протяжении веков. Сплошное изучение нескольких таких склепов с тщательным выяснением особенностей в погребениях всех ярусов, число которых достигает иногда до 6—8, дало бы обширный материал, необходимый для точного выяснения изменений в похоронном обряде на протяжении многих поколений. Монографическое описание даже одного такого склепа имело бы громадное значение для изучения прошлого ингушей, так как инвентарь склепов, с погребениями лиц обоего пола и всех возрастов, всегда заключает в себе разнообразнейшие бытовые предметы — одежду, принадлежности вооружения, вещи домашнего обихода, изделия культурного назначения, игрушки и прочее, относящееся к разным эпохам.

Очень важно было бы изучение антропологического материала подземных и надземных погребений; в надземных склепах до настоящего времени сохранилось большое количество костяков и мумифицированных тел различной давности.

Углубление изучения фольклора, обычного права и генеалогии ингушских родов должно дать богатый вспомогательный материал для освещения мало прослеженных вопросов о зарождении классов в Ингушетии, о расселении отдельных фамилий в нагорной полосе и на плоскости. Не изучен достаточно и вопрос о смене религиоз-

---

[1] В одном из надземных ингушских склепов нами найден наконечник глиняной трубки с оттиснутой арабской надписью следующего содержания: «Хвала богу». Перевод надписи по высланному нами эстампажу выполнен научным сотрудником Азербайджанского археологического комитета И. Азизбековым, которому приносим за это глубокую благодарность.

ных верований; церковные памятники древности и бытовые культовые пережитки представляют чрезвычайный интерес для археолога и этнографа. Ломка быта, связанная с социалистическим переустройством края, протекавшая в условиях острой классовой борьбы, должна привлечь самое серьезное внимание и исследователей, и местных писателей.

В целях содействия туризму и охране памятников древности было бы крайне желательно реставрировать хотя бы небольшое количество башенных и замковых сооружений в Джерахо-Мецхальском и Ассинском районах, с попыткой восстановления важнейшего инвентаря в них (средства обороны, очаги, бытовой инвентарь и т. п.).

Для всестороннего изучения проблемы возникновения и распространения местной культуры очень важно обследование смежных областей, в виде глубоких разведок археологического и этнографического характера в Хевсуретию, Тушетию и, в особенности, западную часть Чечни. По имеющимся в печати весьма неполным сведениям, в вещественной культуре и быту каждой из этих областей есть и весьма сходные, и своеобразные черты; особенно важно выявить наличие тех и других черт у родственных народов — чеченцев, ингушей и бацбийцев.

В издательском плане следовало бы предусмотреть опубликование обобщающего очерка об ингушских древностях, небольших монографий, посвященных наиболее выдающимся памятникам и археологическим музейным коллекциям. Было бы крайне своевременно подготовление к печати альбомов с воспроизведением важнейших памятников Ингушетии, с образцами ингушского орнамента, а также с рисунками национальных художников Х.-Б. Ахриева и Г. Даурбекова. В план очередных работ следовало бы включить также составление карт племенного состава Ингушетии, расселения ингушей с древнейших времен до настоящей эпохи и, наконец, археологической карты. Не подвергалась изучению топонимика; издание словаря географических местных названий и исторических карт края было бы очень важным подспорьем для краеведов. Крайне необходимо издание обобщающей монографии о старинном и современном быте ингушей, а также краткого научно-популярного историко-этнографического очерка для учащихся и экскурсантов.

Подготовлению обстоятельной монографии по этнографии могло бы способствовать коллективное составление цикла очерков, посвященных специальным вопросам—о положении ингушской женщины в прошлом и настоящем, о зачатках феодализма, о религиозных верованиях, о народной медицине, о жилище, о национальном искусстве и т. д.

Таков круг вопросов, вытекающих из задач дальнейшего изучения ингушского народа и его культуры в самых различных исторических аспектах.